

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УФИМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ»

На правах рукописи

СТАРИКОВА ДАРЬЯ ДМИТРИЕВНА

**ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ, ЛИНГВОСИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ И
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К МОДЕЛИРОВАНИЮ
КОНЦЕПТА "СЧАСТЬЕ" В ДИСКУРСЕ АНТИУТОПИИ**

Специальность: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-
сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор А.С. Самигуллина

Уфа – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ	2
ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ «КОНЦЕПТ» В СИСТЕМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ.....	17
1.1. Взаимодействие языка и мышления	17
1.2. Понятие концепта.....	23
1.2.1. Структура концепта.....	27
1.3. Лингвокогнитивный подход к изучению концепта.....	30
1.3.1. Виды концептов в рамках лингвокогнитивного подхода.....	33
1.3.2. Метод построения номинативного поля концепта.....	35
1.4. Психолингвистический подход к изучению концепта.....	40
1.4.1. Методика проведения ассоциативного эксперимента	43
1.5. Лингвосинергетический подход к изучению концепта	47
1.5.1. Становление синергетики как ядра современной науки	47
1.5.2. Основные принципы синергетики в рамках научного познания.	51
1.5.3. Интеграция методологии синергетики в область лингвистических учений.....	59
1.5.4. Исследование концепта в рамках когнитивной лингвосинергетики 62	
1.6. Моделирование концепта «СЧАСТЬЕ/HAPPINESS» в работах современных исследователей	72
Выводы по Главе 1	80

ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	84
2.1. Понятие дискурса.....	84
2.2. Дискурс и текст	88
2.3. Художественный дискурс	91
2.3.1. Основные методы анализа художественного дискурса.....	95
2.4. Фрактальная природа дискурса	98
2.5. Особенности дискурса романов-антиутопий	102
Выводы по Главе 2	108
ГЛАВА 3. ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА <i>HAPPINESS</i> В ДИСКУРСЕ АНТИУТОПИИ	110
3.1. Методика эмпирического анализа.....	110
3.1.1 Лингвистические и экстралингвистические критерии отбора эмпирической базы исследования.....	113
3.2. Дефиниционный анализ концепта <i>HAPPINESS</i>	116
3.3. Контекстуальный анализ функционирования концепта <i>HAPPINESS</i> ..	119
3.3.1. <i>HAPPINESS</i> . Взаимозаменяемость с синонимами	120
3.3.2. Сочетаемость концепта с другими лексемами	127
3.3.3. Концепт <i>HAPPINESS</i> как составляющая тропов и фигур речи .	138
3.3.4. Жанроспецифичные особенности антиутопического <i>HAPPINESS</i>	143
3.4. Экспериментальное исследование особенностей восприятия концепта <i>HAPPINESS</i>	156
3.4.1. Описание эксперимента	156
3.4.2. Когнитивная интерпретация результатов эксперимента.....	159

3.5. Анализ и интерпретация полученных результатов	163
Выводы по Главе 3	167
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	170
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	175
СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЛЯ ЭМПИРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА	194
СПИСОК СЛОВАРЕЙ.....	196

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено специфике семантических особенностей концепта *СЧАСТЬЕ* в дискурсе жанра антиутопии, а также моделям его самоорганизации в соответствующем дискурсе и актуальной концептуализации понятия в человеческом сознании.

Последние десятилетия в научном мире характеризуются сменой научных парадигм и, как следствие, переосмыслением существующих практикующихся методик. Таким образом, начало XXI века отличается исключительной междисциплинарностью методологии, что открывает перед исследователями бесчисленное множество новых возможных путей решения актуальных в лингвистике проблем. Так, методологическим центром такой постнеклассической картины мира является синергетика, пришедшая в гуманитарные науки из сферы наук точных и естественных. Интеграция принципов синергетической мысли в область языкознания может расширить диапазон исследования уже существующих отраслей лингвистики: когнитивной лингвистики, исследования дискурса, моделей организации языка как сложной нелинейной системы и др. Так, например, синтез когнитивистики и синергетики – когнитивная лингвосинергетика, которая занимается проблемой организации смысла, уже давно практикуется в работах таких исследователей, как Н.Ф. Алефиренко [Алефиренко, 2002], Н.С. Олизько [Олизько, 2009], Е.В. Пономаренко [Пономаренко, 2004], Л.В. Бронник [Бронник, 2012], А.С. Самигуллиной и А.Г. Бакиева [Самигуллина, Бакиев 2017] и др.

Психолингвистика, обладающая обширным методологическим потенциалом, также способствует углублению исследований, проводимых в рамках когнитивной лингвистики, таких как исследование семантики концепта [Стернин 2004], а также предоставляет возможность верификации результатов исследований при помощи большого разнообразия экспериментальных методик.

Таким образом, методологическим центром данного исследования является синтез методик таких направлений лингвистической науки, как когнитивная лингвистика, лингвосинергетика и психолингвистика, который способствует

глубокому и многостороннему изучению специфики семантики и закономерностей организации содержательных компонентов в системе концепта *СЧАСТЬЕ* в дискурсе антиутопии.

Актуальность настоящего исследования обусловлена его междисциплинарным характером, поскольку впервые изучение концепта проводится одновременно с трёх ракурсов: когнитивного, лингвосинергетического и психолингвистического, позволяющих выявить не только его семантические особенности, но и модель самоорганизации его содержательных компонентов внутри системы концепта, а также актуальное отражение его смысловой наполненности в сознании людей.

Рабочая гипотеза базируется на предположении о том, что синтез методологических эвристик, характерных для лингвокогнитивного, лингвосинергетического и психолингвистического подходов применительно к моделированию содержательного наполнения концепта *СЧАСТЬЕ* в дискурсе антиутопии, даёт возможность максимально эффективно отследить динамику смыслопорождения внутри этого эмоционального концепта в момент кризиса системы, инициированного жанровыми особенностями изучаемого дискурса.

Основными **единицами метаязыка** в данной работе являются такие понятия, как «концепт», «концепт *СЧАСТЬЕ*», «концепт *HAPPINESS*» и «дискурс антиутопии».

Рабочим определением понятия концепт в настоящем диссертационном исследовании будет считаться определение, данное З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, которые описывают концепт, как ментальное образование, базовую единицу мыслительного кода, обладающую структурой, результат познавательной деятельности человека и несущее комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении, интерпретации данной информации.

Между концептами *HAPPINESS* и *СЧАСТЬЕ* в данной работе не делается принципиального различия, так как целью исследования не является сравнение этих явлений с лингвокультурной точки зрения. К тому же, в дискурсе жанра антиутопии смысловая наполненность концептов *СЧАСТЬЕ/HAPPINESS*

практически не имеет зависимости от языка произведения (небольшая вариация возможна лишь в иерархии когнитивных признаков, их ядерности или периферийности). Однако определенная закономерность употребления данных понятий в настоящем диссертационном исследовании есть:

- Концепт *HAPPINESS*, как правило, употребляется тогда, когда исследователь ссылается на его конкретную реализацию в литературном произведении.
- Концепт *СЧАСТЬЕ* отсылает к лингвофилософскому пониманию концепта, когда речь идет об общем, универсальном СЧАСТЬЕ, не привязанном к определенному контексту или языку.

Под терминами «дискурс антиутопии» или «антиутопический дискурс» в данной работе следует понимать совокупность тематически соотнесённых текстов, объединенных общим литературным жанром антиутопии и соответствующим авторским замыслом.

Объектом изучения является концепт *СЧАСТЬЕ* в дискурсе антиутопии. Данный концепт обладает определенной уникальностью в выбранном дискурсе, так как его смысловые компоненты искажены в угоду особенностям художественного мира названного жанра. Однако, именно в виду такой уникальности, истинное значение концепта проявляется вместе с раскрытием авторского замысла. Исследование проводится на базе концепта *HAPPINESS* в англоязычных произведениях соответствующего жанра. **Предметом** настоящего исследования являются модели реорганизации когнитивных признаков системы концепта *СЧАСТЬЕ* под воздействием дискурса антиутопии.

Соответственно, **эмпирическим материалом** для данной диссертации послужили случаи употребления концепта *HAPPINESS* в следующих произведениях жанра антиутопии: 1) «**Brave new world**» (Aldous Huxley), 2) «**1984**» (George Orwell), 3) «**Fahrenheit 451**» (Ray Bradbury), 4) «**Atlas Shrugged**» (Ayn Rand), 5) «**The End of Eternity**» (Isaac Asimov), 6) «**Do Androids Dream of Electric Sheep?**» (Philip K. Dick), 7) «**Never Let Me Go**» (Kazuo Ishiguro), 8) «**A Handmaid's**

Tale» (Margaret Atwood), 9) **«Catching fire»** (Suzanne Collins), 10) **«The Mockingjay»** (Suzanne Collins), 11) **«Giver»** (Lois Lowry).

Цель исследования состоит в моделировании содержательного наполнения концепта *СЧАСТЬЕ* в дискурсе антиутопии с применением методологических приёмов, характерных для таких актуальных направлений современной исследовательской мысли, как когнитивная лингвистика, лингвосинергетика и психолингвистика.

Следующие **задачи** были поставлены в соответствии со сформулированной целью данного исследования:

1. Рассмотреть концепт как основное понятие когнитивной лингвистики и установить специфику методологии данной научной ветви языкознания.
2. Изучить основные теоретико-методологические принципы лингвосинергетики и рассмотреть методику фрактального моделирования по отношению к концептам.
3. Проанализировать основные экспериментальные методики, предложенные психолингвистикой, и подобрать ту, что наилучшим образом отразит актуальную модель изучаемого концепта.
4. Уточнить специфику понятий «дискурс» и «текст» и рассмотреть особенности дискурса романов в жанре антиутопии.
5. Очертить номинативное поле концепта *СЧАСТЬЕ* в дискурсе антиутопии и построить синергетическую модель его самоорганизации и смыслопорождения.
6. Провести ассоциативный эксперимент на слово-стимул *HAPPINESS* среди широкого спектра респондентов и интерпретировать его результаты, выявив наиболее актуальное восприятие данного концепта людьми без привязки к их социальной группе.
7. Построить прототип модели изучаемого эмоционального концепта с относительно стабильным ядром и достаточно подвижной периферией.

Научная новизна исследования заключается в том, что в рамках данной работы впервые:

1. Применен многосторонний подход к исследованию концепта *СЧАСТЬЕ* и особенностей его смыслопорождения в дискурсе антиутопии при помощи синтеза методик таких дисциплин языкознания, как когнитивная лингвистика, лингвосинергетика и психолингвистика.

2. Выявлены семантические особенности функционирования концепта *СЧАСТЬЕ* в дискурсе антиутопии с помощью построения его номинативного поля, используя такую методику, как контекстуальный анализ (анализ взаимозаменяемости с синонимами, анализ сочетаемости с другими лексемами, анализ функционирования концепта как части тропов и фигур речи).

3. Построена типичная фрактальная модель смыслопродукции концепта *СЧАСТЬЕ* в дискурсе антиутопии.

4. Проведён ассоциативный эксперимент на слово-стимул *HAPPINESS*, результаты которого подверглись когнитивной интерпретации и помогли вывести актуальные смысловые компоненты концепта в сознании испытуемых.

5. Получена обобщающая модель концепта *СЧАСТЬЕ*, построенная на базе выводов, полученных в ходе контекстуального исследования в дискурсе антиутопии и ассоциативного эксперимента.

Теоретическая значимость настоящей диссертационной работы заключается в разработке поэтапного процесса исследования функционирования концепта в определённом дискурсе не только со стороны его семантической специфики, но и со стороны своеобразия смыслопорождения внутри системы этого концепта, и в сравнении выявленных особенностей с актуальным восприятием концепта в сознании людей (испытуемых). В рамках данной работы также демонстрируются необходимость, исследовательский потенциал и возможность применения междисциплинарного подхода в изучении концептов, синтезирующего методологические практики когнитивной лингвистики, лингвосинергетики и психолингвистики.

Практическая ценность работы обуславливается её вкладом в разработку стратегии когнитивно-синергетического анализа концептов, а также возможностью

использования её выводов и результатов при подготовке курсов по когнитивной лингвистике и лингвосинергетике.

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных учёных в таких областях, как:

- *Когнитивная лингвистика* (Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, В.А. Маслова, Ю.И. Никишина, З.Д. Попова, Т.Г. Скребцова, И.А. Стернин и др.);
- *синергетика* (В.И. Аршинов, В.Г. Буданов, В.Э. Войцехович, Е.Н. Князев, С.П. Курдюмов, И. Пригожин, В.С. Степин, Г. Хакен, Д.С. Чернавский и др.); *лингвосинергетика* (Н.Ф. Алефиренко, А.Г. Бакиев, Л.В. Бронник, И.А. Герман, С.К. Гураль, Дрожащих, А.А. Залевская, К.Р. Калашникова, Г.Г. Москальчук, Р.Г., Пиотровский, В.А. Пищальникова, Е.В. Пономаренко А.С. Самигуллина и др.);
- *теория фракталов* (А.В. Волошинов, Н.В. Мамонова, Б. Мандельброт, Н.С. Олизько, С.Н. Плотникова, В.В. Тарасенко и др.);
- *психолингвистика* (Е.И. Горошко, А.А. Залевская, Н.П. Пешкова, О.И. Подкопаева, И.А. Стернин, Р.М. Фрумкина и др.);
- *теория дискурса* (Н.Ф. Алефиренко, А.Ю. Попов, В.Е. Чернявская и др.).

Степень научной разработанности проблемы. Данная работа охватывает широкий диапазон научных исследований в рамках его основных направлений: когнитивной лингвистики, лингвосинергетике и психолингвистики, что способствует получению наиболее полной картины истории изучения концепта в системе лингвистического знания.

Так, проблема взаимосвязи языка и мышления долгое время была ограничена исследованиями в рамках философских учений (Л. Витгенштейн, А. Шопенгауэр, К. Маркс, Ф. Энгельс), пока идеи, выдвинутые В. Фон Гумбольдтом и, вслед за ним, Л. Вайсгербером, не предположили тесной связи между этими двумя явлениями. В современной лингвистике существует множество научных направлений, углубляющихся в суть этого взаимодействия. Одной из таких отраслей языкознания является когнитивная лингвистика, изучающая связь между языком и

когницией. Одним из основополагающих понятий когнитивной лингвистики является концепт, изучением которого в рамках данной научной дисциплины занимаются такие учёные, как В.А. Маслова, Е.С. Кубрякова, О.И. Подкопаева и др., а особенности строения и методы его исследования глубоко изучены И.А. Стерниным и З.Д. Поповой, которые ввели понятие номинативного поля концепта.

Психолингвистика как научное направление в области языкознания, поднимающее вопросы о связи языка и внутреннего психического состояния человека, во многом заложила основы и принципы когнитивной лингвистики. Исследованиями в этой области занимаются такие учёные, как А.А. Залевская и О.И. Подкопаева и др., а о разработке и расширении методики ассоциативного эксперимента подробно написано в работах Е.И. Горошко, Р.М. Фрумкиной и И.А. Стернина, последний из которых пишет о применении данной методики относительно исследования когнитивного состава концепта и о важности когнитивной интерпретации результатов эксперимента.

Термин «синергетика», а также основные принципы данной дисциплины берут начало в работах Г. Хакена в 1970-х годах XX столетия. Данная наука занимается исследованием процессов самоорганизации сложных нелинейных систем, какой, например, является и язык. Основные идеи и постулаты синергетики нашли отклик во многих областях науки, в том числе и в лингвистике, сформировав такое направление, как лингвосинергетика. Учеными, проводящими свои исследования в данном направлении в настоящий момент, являются Л.В. Бронник, А.С. Самигуллина, А.Г. Бакиев, К.Р. Калашникова, Н.С. Олизько, Н.В. Мамонова и др., а исследователями, развивающими методику фрактального моделирования, можно назвать Н.С. Олизько, Н.В. Мамонову и А.Г. Бакиева.

Теорией дискурса и его спецификой относительно понятия текст занимались многие исследователи на протяжении последних десятков лет. К ним относятся такие ученые, как Ю. Н. Караулов, В. В. Петров, В.А. Звегинцев, В.Е. Чернявская, А.Ю. Попов, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова и И.А. Стернин и др., а особенности

художественного дискурса были описаны в работах Ю.М. Лотмана, И.Я. Чернухиной, Ю.Б. Борева и др.

Основными **общенаучными методами** исследования в данной работе послужили наблюдение, систематизация, обобщение и интерпретация. **Частными методами** языкознания, применяемыми в ходе настоящего исследования, являются метод построения номинативного поля концепта, метод фрактального моделирования, метод когнитивного моделирования, а также ассоциативный эксперимент. Метод построения номинативного поля концепта заключается в выявлении когнитивных признаков изучаемого понятия и включает в себя следующие исследовательские практики: дефиниционный анализ, анализ взаимозаменяемости концепта с синонимами и его сочетаемости с другими лексемами, анализ концепта как части фигур речи и анализ его жанроспецифичных особенностей. Метод фрактального моделирования помогает систематизировать полученные признаки с точки зрения их проявления в авторском дискурсе и установить специфичную модель их порождения. Ассоциативный эксперимент позволяет исследователю выявить актуальные когнитивные признаки концепта в сознании испытуемых и сравнить результаты эксперимента с выводами, полученными в ходе двух предыдущих методик.

В результате проведённого исследования **на защиту выносятся следующие положения:**

1. Конвенциональные лексикографические значения языковых реализаций концепта *СЧАСТЬЕ* не раскрывают всей глубины его смысловой наполненности. В дискурсе антиутопии когнитивные признаки данного концепта акцентируются авторами произведений с помощью таких литературных приёмов, как имплицитность и противопоставление специфичной для жанра антиутопии трактовки концепта *СЧАСТЬЕ* и подсознательным общепринятым его пониманием у читателей.

2. Номинативное поле концепта *СЧАСТЬЕ* в дискурсе антиутопии строится вокруг его ядра с когнитивным признаком *стабильность* и с близкой

периферией в виде таких признаков, как *определённость, общая цель, удовлетворённость* и *благополучие*. Однако такая антиутопическая трактовка концепта *СЧАСТЬЕ* является продуктом авторской критики злоупотребления утопическими идеалами ради достижения неограниченной власти.

3. Смыслопродуцирование внутри системы концепта *СЧАСТЬЕ* в дискурсе антиутопии осуществляется согласно фрактальной модели «ризомы», наглядно демонстрирующей хаотичное течение авторского замысла и творческое раскрытие смысла произведения. Данная модель предполагает такую самоорганизацию системы изучаемого концепта, которая начинается от его периферии и постепенно продвигается к ядру. Так, концепт *СЧАСТЬЕ* в понимании авторов романов антиутопии имеет в качестве ядерного компонента когнитивный признак *свобода*.

4. Самыми актуальными на данный момент когнитивными признаками концепта *СЧАСТЬЕ*, согласно интерпретации результатов контекстуального наблюдения и ассоциативного эксперимента, являются *близость с другими, свобода, благополучие, самореализация, развлечения, нравственность*. Именно эти когнитивные признаки не только имели место в дискурсе антиутопии, но и были отмечены испытуемыми в ходе психолингвистического эксперимента.

Содержание представленной диссертационной работы соответствует следующим требованиям Паспорта научной специальности 5.9.8.

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика:

– п.2 Направления современного языкознания и используемые в них методы описания языков. Терминологический аппарат лингвистики. Лингвистические модели. Метаязык современной лингвистики.

– п.9 Лингвистика языка и лингвистика речи. Речевая деятельность и использование языка. Лингвистика дискурса и лингвистика текста.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены на всероссийских и международных конференциях:

- IX Международная научно-практическая конференция «Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода» (Уфа, 2020 г.).
- Межвузовский лингвистический семинар молодых учёных «Современные лингвистические парадигмы: традиции и новации» (Уфа, 2020 г.).
- V Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Языковые единицы в свете современных научных парадигм» (Уфа, 2020 г.).
- IV Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Языки в диалоге культур: проблемы многоязычия в полиэтническом пространстве» (Уфа, 2021 г.).
- XI Всероссийская научно-практическая конференция студентов, магистрантов, аспирантов «Иностранный язык в профессиональной коммуникации-11» (Уфа, 2021 г.).
- X Международная научно-практическая конференция «Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода» (Уфа, 2021 г.).
- VI Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Языковые единицы в свете современных научных парадигм» (Уфа, 2021 г.).

Основные положения диссертационного исследования были опубликованы в виде статей в ведущих российских научных журналах (15), из них 3 – в рецензируемых изданиях, включённых в реестр ВАК Министерства науки и высшего образования РФ: одна статья в журнале «Казанская наука» (Казань, 2021 г.), две статьи в журнале «Мир науки, культуры, образования» (Горно-Алтайск, 2021 г.).

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения, списка использованной литературы (187), списка словарей (8), списка

произведений для эмпирического материала (11). Общий объём работы составляет 196 страниц машинописного текста, из которых 174 страниц основного текста.

Во Введении даётся обоснование актуальности исследования; описываются его цель и задачи; определяются новизна, теоретическая и практическая значимость работы; даётся описание теоретико-методологической и эмпирической базы исследования. Также введение содержит рабочую гипотезу и положения, выносимые на защиту, информацию об апробации основных результатов исследования, описание структуры работы и соответствие данного исследования паспорту специальности.

Первая глава «Понятие “концепт” в системе лингвистического знания» посвящена рассмотрению концепта с лингвокогнитивного, синергетического и психолингвистического ракурсов. Данная глава даёт теоретическую справку о понятии и структуре концепта, о способах его изучения при помощи методологии когнитивной лингвистики (построение номинативного поля концепта), лингвосинергетики (метод фрактального моделирования) и психолингвистики (ассоциативный эксперимент). В первой главе также представлены результаты исследований концепта *СЧАСТЬЕ/HAPPINESS* в работах современных исследователей.

Во второй главе «Теоретико-методологические основы изучения дискурса в современной лингвистике» изучается понятие дискурса и его специфика относительно такого явления, как текст. В данной части работы освещается такая разновидность дискурса, как художественный дискурс, его фрактальная природа, а также особенности дискурса произведений в жанре антиутопии.

Третья глава «Эмпирический анализ концепта *HAPPINESS* в дискурсе антиутопии» описывает процесс эмпирического исследования изучаемого концепта, а именно: построение его номинативного поля (при использовании таких методик, как дефиниционный анализ, контекстуальный анализ, включающий в себя анализ взаимозаменяемости с синонимами и сочетаемости с другими лексемами, анализ концепта *HAPPINESS* как части тропов и фигур речи), анализ самоорганизации компонентов и смыслопорождения внутри системы концепта

HAPPINESS, построение фрактальной модели его функционирования в дискурсе антиутопии, а также результаты когнитивной интерпретации данных, полученных в ходе проведения ассоциативного эксперимента.

В *Заключении* подводится итог диссертационного исследования, приводятся теоретические обобщения, делаются выводы по результатам анализа эмпирического материала и намечаются перспективы исследования.

ГЛАВА 1. ПОНЯТИЕ «КОНЦЕПТ» В СИСТЕМЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

1.1. Взаимодействие языка и мышления

Вопрос о соотношении языка и мышления занимает умы философов, психологов и лингвистов уже многие десятилетия. Исследователи до сих пор не могут полностью сойтись во мнении касательно того, как именно эти два явления взаимосвязаны и насколько они тождественны между собой. Так, основные философские концепции, поднимающие данный вопрос, можно резюмировать следующими:

1. Отождествляющие язык и мышление (Р. Карнап, М. Шлик, Л. Витгенштейн). Сторонники этой концепции рассматривали логику (мышление) как часть синтаксиса. Р. Карнап описывает синтаксис как процесс комбинирования языковых знаков, и делает вывод, что в результате этого процесса каждый человек способен создавать собственные логику и форму языка. Так, каждый народ в виду различного строя языка отличается неповторимый мышлением, формирующимся соответствующим языком.

2. Трактующие язык и мышление как несвязанные между собой явления (А. Шопенгауэр). Сторонники такого видения взаимосвязи языка и мышления отрицают тождество между двумя явлениями, так как приходят к выводу, что в процессе выражения мысли по средствам языка, мышление будет искажено. «Мысли умирают в ту минуту, когда воплощаются в слова», – отмечал А. Шопенгауэр.

3. Концепция «единства языка и мышления» (как К. Маркс и Ф. Энгельс). Философы, которые придерживаются теории «единства» языка и мышления, подчёркивают, что оба явления одинаково древние и тесно связаны друг с другом с момента их возникновения. По мнению исследователей, язык и сознание возникли благодаря третьему явлению – труду – и служат человеку в качестве инструмента удовлетворения потребности к общению с другими людьми. Однако

ни Маркс, ни Энгельс в своих трудах не называли язык средством выражения мышления.

4. Рассматривающие различные формы мышления в отношении к языку.

Приверженцы данной концепции выделяют несколько форм мышления, которые обуславливают и суть взаимосвязи этих форм с языком. Так, ими принято выделять абстрактное (отвлечённые понятия) и конкретное мышление. Также, такие исследователи, как Л.С. Выготский и Б.А. Серебрянников добавляли к этой классификации и собственно выделенные формы мышления: первый дополнительно выделил неречевое мышление, а последний, помимо абстрактного, также рассматривал наглядное, образное, практическое, лингвокреативное, вербально-понятийное, поисковое и редуцированное мышление [Выготский 2019, Б.А. Серебрянников 1970]. Связь языка с мышлением в данной концепции касалась преимущественно абстрактного мышления.

5. Рассматривающие соотношения логических и языковых категорий.

Некоторые научные исследования также рассматривают связи между такими логическими и языковыми явлениями, как понятие и суждение, слово и предложение. Однако в настоящее время признано невозможным отождествление между собой этих явлений по следующим причинам:

1. Слово может одновременно обозначать несколько понятий, и в то же время одно и то же понятие может быть выражено различными словами.
2. Слово может вообще не выражать никакого понятия, когда оно обозначает другой тип концепта (*схема, гештальт* и др.).
3. Слово может оставаться неизменным, в то время как содержание понятия меняется, и наоборот, слово может меняться, в то время как понятие сохраняется (*истукан-статуя*).
4. Слово, кроме самого понятия, может содержать ряд других компонентов, таких как эмоциональный, оценочный, стилистический и грамматический.

5. Семантика слова, помимо понятийных компонентов, может также содержать и периферийные компоненты, обозначающие вероятностные признаки предмета.

Примерно по этим же принципам, исследователи разграничивают понятия «предложение» и «суждение» [Стернин 2004].

Особенно остро вопрос соотношения языка и мышления интересует исследователей национальных особенностей языка. Поставленная проблема взаимосвязи двух явлений сперва имела лингвофилософский характер, поскольку исследования в данной области выделяли философские проблемы, базируясь, Однако на языковом материале. Так, идеи о детерминирующей роли языка в формировании мышления были введены ещё в XIX в. В. Фон Гумбольдтом, который говорил об определении мировоззрения народа его национальным характером. Последователь В. Фон Гумбольдта Л. Вейсгербер также полагал, что язык «навязывает» мышлению народа определённое восприятие действительности. К примеру, исследователь считал, что рамочная синтаксическая конструкция немецкого языка во многом особый синтетический способ мышления немцев [Стернин 2004].

Уже в XX в. в Америке сформировалось другое теоретическое направление исследования вопроса языка и мышления – этнолингвистика. Самыми яркими представителями данного течения в лингвистике являются Ф. Боас, Э. Сепир и Б. Уорф, при этом последние являются авторами гипотезы лингвистической относительности, хотя, по существу, эмпирические исследования и основные положения, которыми оперирует данная гипотеза, были соответственно выдвинуты Бенджамином Уорфом. Б. Уорф изучал языки племён коренных народов Америки, и пришёл к выводу, что их язык, по своей структуре кардинально отличающийся от европейских, во многом обуславливает и столь же кардинально другое мышление данных народов. Б. Уорф писал: «Мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире те или иные категории совсем не потому, что они самоочевидны, напротив, мир предстаёт

перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит в основном языковой системой, хранящейся в нашем сознании» [Уорф 2003: 20].

Проблема взаимоотношения языка и мышления также активно изучается в поле психофизиологических и нейролингвистических исследований. Академик И.П. Павлов, изучая физиологию высшей нервной системы, приходит к выводу, что человек обладает двумя сигнальными системами – чувственной и языковой. При этом наличие второй в жизнедеятельности человека и есть то, что отличает его от животного, оперирующего только чувственными сигналами. Так, по мнению исследователя, слова в сознании человека могут замещать чувственные образы, например, слово «звон» у человека может вызывать такую же реакцию, как если бы он сам услышал звук от звонка [Павлов 1951]. Таким образом, исследователь утверждает, что наличие языковой сигнальной системы обуславливает абстрактное мышление человека, в то время как животные обладают только мышлением конкретным. Так, И.П. Павлову удалось разграничить абстрактное и конкретное мышления, однако исследователь не объяснял связь языка и мышления в сознании человека. Поэтому исследования И.П. Павлова не могут быть доказательством «неоспоримого единства языка и мышления».

Благодаря открытиям в области медицины, в частности хирурга П. Брока, врача К. Вернике, учёных В. Пенфилда и Л. Робертса, были найдены те части головного мозга, которые отвечают за механизмы восприятия и порождения речи.

Советский психолог Н.И. Жинкин, проведя исследования с применением методики речевых помех, показал, что мышление человека не связано с речедвигательным кодом, а осуществляется благодаря несловесному предметно-образному коду, названному «универсальным предметным кодом» (УПК). Единицами УПК являются наглядные образы, которые формируются в сознании человека по мере исследования им окружающего мира, и именно при их помощи осуществляются механизмы мышления. Н.И. Жинкин отмечал: «Интеллект, для которого предназначается сообщение, не понимает естественного языка. У него есть собственный информационный язык. На этом языке он строит гипотезы,

доказательства, делает выводы, выносит решения и т.д.» [Жинкин 1964: 18]; интеллект «вырабатывает понятия, суждения, делает умозаключения и выводы с тем, чтобы отразить действительность и указать мотивы человеческой деятельности. Все эти операции, не зависят от того, на каком языке говорит человек» [Жинкин 1964: 88].

В современной психолингвистике «универсальный предметный код» является наиболее употребительным термином для обозначения нейрофизиологического субстрата мышления. Универсальным код называется потому, что он присутствует в сознании всех людей, а предметным – потому что обозначает, как правило, предметные образы. УПК субъективен и индивидуален для каждого говорящего, так как является результатом накопленных человеком знаний и опыте о мире [Стернин 2004].

В современном состоянии лингвистики одной из самых крупных её ветвей, занимающейся проблемой взаимодействия языка и речи, является когнитивная лингвистика.

Когнитивизм – это направление в науке, объектом изучения которого является человеческий разум, мышление и те ментальные процессы и состояния, которые с ними связаны. Это наука о знании и познании, о восприятии мира в процессе человеческой деятельности [Маслова 2010: 6]. Задачами данной научной дисциплины являются «описание и изучение систем представления знаний и процессов обработки и переработки информации, и исследование общих принципов организации когнитивных способностей человека в единый ментальный механизм, и установление их взаимосвязи и взаимодействия» [Зулпукаров, Мурадымова, Ормокеева, Болотакунова, Амиралиев 2019].

Когнитивная лингвистика зародилась ещё в XIX веке, когда такие учёные, как А.А. Потенция, И.А. Бодуэн де Куртенэ и др. начали рассматривать в своих работах вопросы восприятия и обработки информации и пути вербализации ментальных образований. Однако широкую популярность когнитивная лингвистика обрела лишь на рубеже XX-XXI вв., после проведения

Международного лингвистического симпозиума 1989 года в г. Дуйсбурге, во время которого была сформирована ассоциация когнитивной лингвистики.

Становление когнитивной лингвистики ознаменовало новый этап в исследовании сложных взаимоотношений мышления и языка – проблемы, которой традиционно занимается отечественное теоретическое языкознание. Исследования в рамках когнитивистики получили признание в России во многом потому, что они занимаются вопросами, которые стоят ребром в отечественном языкознании: связь языка и мышления, функции языка, роль языка в жизни человека и роль человека в жизни языка [Кубрякова 2004: 11].

Так, когнитивная лингвистика ставит перед собой следующие задачи:

- Описание и исследование систем представления знаний.
- Изучение системы процесса обрабатывания и перерабатывания информации.
- Исследование организации когнитивных возможностей человека в «единый ментальный механизм».
- Выявление взаимодействия и взаимосвязи этих когнитивных возможностей [Кубрякова 2004: 8-9].

На сегодняшний день когнитивная лингвистика – современная дисциплина, находящаяся на пересечении нескольких областей научных исследований, таких как психолингвистика, социолингвистика, этнолингвистика и др. Однако главенствующую роль в этом комплексе играет лингвистика [Скребцова 2011: 6]. Основополагающий принцип когнитивной лингвистики – связь языка и когниции (от англ. *cognition*), под которым В.А. Маслова понимает мышление и сознание в их языковом воплощении. Цель когнитивной лингвистики – понять, каким образом происходит процесс восприятия и познания действительности, и какие системы обеспечивают различные виды деятельности с информацией [Маслова 2010: 8]. Возникновение данной области исследований можно рассматривать как этап развития языкознания и как результат становления когнитивной парадигмы в науке [Старикова 2020в].

Таким образом, формы взаимодействия языка и мышления разнообразны: они могут быть едины, иметь некоторые различия и оказывать взаимное влияние друг на друга. Однако самое главное в этом взаимодействии то, что насколько язык важен для мышления, настолько и мышление является неотъемлемой частью языка. Средства и формы мышления обретают материальность именно в языке и могут анализироваться в большинстве своём только с его помощью. Вопросы о соотношении этих двух явлений до сих пор актуальны в современном языкознании и активно изучаются когнитивной лингвистикой.

1.2. Понятие концепта

В настоящее время, принято считать, что основным понятием когнитивной лингвистики является концепт, в котором соединены все принципиально важные для человека знания о вселенной, ведь каждый индивид – это носитель определённых концептуальных систем. Данная система и образует картину мира, отражающую, как именно человек видит и понимает окружающую реальность [Старикова 2020в, Старикова 2022].

Сам термин «концепт» пришёл в современную когнитивистику ещё из латинского языка. В латыни слово *conceptus* обозначало «собрание, восприятие, зачатие» и уже тогда употреблялось для «схватывания» смыслов вещи в процессе речи. В философии этот термин появился благодаря Абеяру в связи с анализом проблемы универсалий, потребовавшим разграничения языка и речи, языковой системы и речевых действий [Прохоров 2009, Неретина 2010].

Сегодня, концепт по праву считается одним из ключевых понятий когнитивной лингвистики, однако его понимание и определение сильно разнятся ввиду существования различных языковых школ. Данная ситуация обусловлена невозможностью наблюдать концепт, так как по своей природе он является мыслительной сущностью, к пониманию которой выделяются несколько основных подходов [Матвеева 2012: 44-47]:

1. Лингвистический подход, представителем которого является академик Д.С. Лихачев. В его понимании концепт – это «алгебраическое выражение значения..., которым мы оперируем в своей письменной и устной речи». Д.С. Лихачев обозначал концептом обобщённые мыслительные единицы, отражающие и интерпретирующие различные явления в зависимости от личного, профессионального или социального опыта носителя языка [Лихачев 1993]. В понимании учёного, концепт формируется не из значений слов, а из усвоенных значений с добавлением опыта говорящего [Старикова 2020в].

2. Когнитивный подход встречается в трудах таких исследователей, как С.А. Аскольдов, Н.Н. Болдырев, В.Г. Куликов и др. В рамках данного подхода концепт понимается как вид ментального ресурса человека. Так, С.А. Аскольдов-Алексеев рассматривает концепт как мысленное образование, замещающее в мыслительном процессе предметы и действия одного и того же рода [Аскольдов 1997: 267].

3. Лингвокогнитивный подход находит своё отражение в работах Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина и др. Исследуя концепт с такой точки зрения, его можно трактовать как ментальную единицу в сознании человека, являющуюся частью национальной концептосферы. Эта единица лежит в основе знаний человека и вербализует то, что человек пережил и усвоил из окружающего мира. Так, Е.С. Кубрякова определяет концепт следующим образом: «термин, служащий объяснению единиц ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отражённой в человеческой психике» [Кубрякова 1996: 90]. И.А. Стернин и З.Д. Попова интерпретируют концепт как ментальное образование, базовую единицу мыслительного кода, обладающую структурой, результат познавательной деятельности человека и несущее комплексную информацию об отражаемом предмете или явлении, интерпретации данной информации. В понимании исследователей, концепт в первую очередь единица мышления, а не памяти, и он

не обязательно обладает языковым выражением. Не все концепты имеют и оценочный элемент, например, пространственные и временные [Старикова 2020в].

4. Культурологический подход характеризует концепт с точки зрения его культурной насыщенности. Яркими представителями данного подхода являются Н.Д. Арутюнова и Ю.С. Степанов. Ю.С. Степанов видит концепт как «сгусток культуры в сознании человека», и раскрывает своё утверждение объясняя, что концепт одновременно является способом существования культуры внутри сознания человека и средством вхождения человека в культуру [Степанов 2004: URL]. Арутюнова же объясняет концепты как философские понятия, которые возникают на стыке таких факторов, как традиции, фольклор, религия, опыт и образы искусства [Арутюнова 1999].

5. Лингвокультурный подход к пониманию концепта сосредотачивается на признании концепта концентратом культуры народа и её основной единицей. Так, «призвание» концепта, согласно Г.Г. Слышкину, состоит в объединении сознания, языка и научных познаний в сфере культуры, так как концепт является единицей сознания и определяется культурой и языком. Формирование концепта, по мнению исследователя, – это «процесс редукции результатов опытного познания действительности до пределов человеческой памяти и соотнесения их с ранее усвоенными культурно-ценностными доминантами» [Слышкин 2001: 30]. Так, именно концепты формируют семантическое поле определённого языка, по которому можно судить о структуре знания в национальном преломлении [Никишина 2002: 5]. В.В. Красных также выделяет своё определение концепта, имеющее лингвокультурный характер: в её понимании концепт – это максимально общая и абстрагированная, но ясно репрезентуемая сознанию идея предмета, подвергшаяся когнитивной обработке, имеющая национально-культурную маркированность [Красных 1998: 268].

В.В. Красных, помимо самого концепта, выводит такой термин, как «когнитивная структура», которая формирует когнитивные пространства и базы, что и являет собой форму кодирования и хранения информации. Когнитивные структуры – это особые образования, основные и нечленимые единицы.

В.В. Красных выделяет два типа структур: феноменологическая, формирующая и хранящая знания о явлениях экстралингвистической и лингвистической природы (исторические события, личности и т.п.), и лингвистическая, лежащие в основе речевой и языковой компетенции [Маслова 2010: 37].

б. Психолингвистический подход базируется на утверждении, что концепт в качестве своей основы имеет набор сенсорных и моторных репрезентаций, возникающих и развивающихся в сознании в зависимости от степени знакомства с предметом или явлением, его ценности для индивида и характера их взаимодействия [Залевская 2001: 38].

Однако в отечественной лингвистике подходы к осмыслению понятия «концепт», как правило, сводятся к двум: лингвокогнитивному и лингвокультурному. Так, в рамках первого подхода концепт рассматривается как единица ментальных ресурсов, которая отражает знания и опыт индивида; как единица его памяти и «ментального лексикона», концептуальной и всей картины мира, отражаемой в человеческом сознании [Бабушкин 1996: 90]. С позиции лингвокультурного подхода к изучению концепта, последний признается базовой единицей культуры и её «концентратом» [Карасик 2004: 116]. Так, одно из самых ярких отличий двух данных подходов заключается в том, что с позиции лингвокогнитивного аспекта не каждый концепт может обладать культурной маркированностью, в то время как лингвокультурологический подход рассматривает концепт как единицу, отсылающую к «высшим духовным сущностям» [Воркачев 2001]. Лингвокогнитивисты считают, что большинство концептов носят эмпирический характер, а его этнокультурная специфика – факультативна [Подкопаева 2021].

Таким образом, в современной лингвистике существует несколько подходов к пониманию термина «концепт», к способу его наблюдения и изучения. Однако все рассмотренные подходы так или иначе определяют концепт как ментальное образование, отражающее действительность в человеческом сознании и несущее в себе некую культурную информацию, которое находит своё вербальное и знаковое отражение в языке. Как результат мыслительной деятельности человека, концепты

отличаются универсальным характером, и поэтому невозможно строго отнести их к одной из перечисленных лингвистических школ.

1.2.1. Структура концепта

Проведя анализ приведённых выше дефиниций концепта, можно утверждать, что данное понятие обладает сложной структурой, и, так как у самого термина «концепт» нет универсального определения, нет также и универсального подхода к изучению этой структуры.

Так, представители лингвокультурного подхода к изучению концепта обязательно выделяют в его структуре этнокультурную составляющую. Ю.С. Степанов, утверждает, что концепт несёт в себе общеизвестный смысл, который будет понятен всем носителям языка, а также и некоторую историческую информацию. С.Г. Воркачев, в свою очередь, вычленяет в концепте понятийную, образную, ассоциативную и этимологическую составляющие. [Старикова 2020в].

В.И. Карасик структурирует концепт, разделяя его на образ, информационное содержание и ценностный компонент. При этом учёный разделяет ценности как норму поведения в социуме, закреплённую в языке, и оценку, определяющую ценностные ориентиры [Карасик 2002].

В.А. Маслова утверждает, что концепт имеет слоистое строение, что является результатом культурной жизни разных эпох. Он складывается из исторически разных слоёв, отличных и по времени образования, и по происхождению, и по семантике. Особая структура концепта включает в себя:

- Основной признак.
- Дополнительный (пассивный или исторический) признак.
- Внутреннюю форму [Маслова 2011: 53].

В более широком смысле структуру концепта можно представить в виде круга, в центре которого лежит основное понятие – ядро концепта, а на периферии находится всё то, что привнесено культурой, традициями, народным и личным опытом [Маслова 2011: 55].

Ю.С. Степанов также отмечает, что концепт по-разному реализует себя в разных слоях: в основном признаке (ядре) концепт будет существовать для всех носителей языка как средство коммуникации и понимания, в дополнительном, или пассивном, слое своего содержания концепт существует только для некоторых социальных групп, и, наконец, его внутренняя форма открывается лишь исследователям [Старикова 2020в].

Представили лингвокогнитивной школы изучения концепта З.Д. Попова и И.А. Стернин подчёркивают, что многие учёные выделяют в концепте некий образ, его информационно-понятийное ядро, и некоторые дополнительные признаки (поле интерпретаций). Так, исследователи вывели сложную полевую структуру концепта (Рис.1):

- Образный компонент. Именно чувственный образ задаёт смысл концепта, создаёт его универсальный код. Образы могут быть личными, индивидуальными для каждого носителя языка (город – тот, в котором он родился, жена – Мария и др.), и признанными национальным сознанием, если в результате исследований он совпал у группы испытуемых (например, с помощью ассоциативных методик). Однако природа чувственного образа не однородна, так как она формируется как перцептивными органами, так и образным и метафорическим осмыслением явления.
- Информационное содержание (номинативное поле концепта) – тот минимальный набор когнитивных признаков, которые определяют основные черты концептуализируемого предмета или явления, его обязательные составные части.
- Интерпретационное поле – когнитивные признаки, которые в какой-то мере интерпретируют базовое содержание концепта. Информационное поле также неоднородно, и состоит из нескольких «зон»: оценочной (когнитивные признаки оценки), эстетической, эмоциональной, нравственной и энциклопедической (необязательные признаки, требующие обучения). При этом элемент оценки происходит на каждом уровне формирования концепта,

так как человек, в первый раз формируя образ концепта, сопровождает его соответствующей оценкой [Старикова 2020в].

Рисунок 1. Полевая структура концепта

Однако сторонник лингвокультурной школы Г.Г. Слышкин считает, что индивидуальная оценка как компонент вышеизложенной структуры концепта все же не может абстрагироваться от культурно-ценностной доминанты, которая напрямую может влиять на индивидуальные представления [Слышкин 2000: 10].

Также В.И. Карасик предлагает рассматривать предложенные И.А. Стерниным и З.Д. Поповой слои не как компоненты одного концепта, а как отдельные компоненты разного объёма. Например, основной признак – часть общенационального концепта, дополнительный – как элемент концептосфер различных культур, а внутренняя форма – детерминирующий концепт элемент [Степанов 2004: 42].

Таким образом, видение исследователем структуры концепта во многом зависит от той лингвистической школы, к которой он себя относит. Представители лингвокультурного подхода обязательно выделяют в структуре концепта

ценностную и этнокультурную составляющие. Представители лингвокогнитивного подхода же полагают, что культурный элемент факультативен, и часто рассматривают структуру концепта в индивидуальном сознании, а не в коллективном или народном.

1.3. Лингвокогнитивный подход к изучению концепта

Данная глава посвящена лингвокогнитивному подходу к изучению концепта, так как именно он способен наиболее полно раскрыть цели и задачи поставленного исследования.

Лингвокогнитивный подход изучает человеческое сознание и когнитивные процессы на базе языковых средств, на основе чего выявляются виды ментальных репрезентаций в сознании. Основной идеей когнитивной лингвистики является то, что благодаря анализу языковой семантики можно выйти в сферу концептов.

Последователи данной школы изучения концептов ставят своей целью выявление языковой концептуализации мира. На сегодняшний день в господствующей антропоцентрической научной парадигме языковые единицы и категории изучаются с точки зрения их связи с человеческим сознанием и психическими процессами, то есть материал лингвистических исследований изучается через призму его роли в жизни людей [Подкопаева 2021].

Концепт в понимании когнитивной лингвистики формируется в сознании человека и относится к ментальной сфере. Он имеет свою собственную внутреннюю структуру и включает в себя не только фактическую информацию о явлении, но и её интерпретацию человеческим сознанием. Вектор концепта направлен от культуры к индивидуальному сознанию [Бабушкин, Стернин 2018: 13]. В рамках когнитивного подхода к изучению концепта можно подойти с нескольких сторон:

1. Рассматривая концепт как статическую единицу памяти (недискурсный подход). Такой подход предполагает изучение идеографических словарей и употребления концепта в различных конкретных языковых ситуациях.

2. Рассматривая концепт как динамическую единицу мышления, которая реализуется в дискурсе. Дискурсный подход, в отличие от описанного ранее, концентрирует внимание на изучении концепта в динамике, где его потенциальные значения раскрываются лишь на дискурсном уровне. Так, концепт рассматривается с разных сторон по мере погружения в определённый дискурс по принципу «растягивания смысла» – «постоянного изменения смысла по мере включения его во всё новые связи и зависимости, что, во-первых, вносит новые детали в смысл, во-вторых, в той или иной мере изменяет отношение к нему» [Богин 1986: 25]. Данный подход позволяет рассмотреть концепт «со всех сторон» и наиболее полно изучить его потенциальную семантику.

Основополагающее положение методологии когнитивной лингвистики состоит в том, что, изучая языковые знаки определённого языка, можно также изучить и концептосферу соответствующего народа [Стернин 2007: URL]. Однако стоит помнить, что концепт далеко не всегда вербализован и не обязательно будет иметь связь со словом или другими средствами языкового выражения. Вербализация концепта обуславливается его «коммуникативной релевантностью» [Стернин 2007: URL].

Однако, отсутствие вербализации концепта никак не сказывается на его существовании в сознании, так как в сознании может существовать огромное количество концептов, не имеющих выражения посредством языка. Особенно это касается индивидуального сознания. В.И. Карасик выдвигает термин «номинативная плотность концепта», которая отражается в наличии большого количества номинаций того или иного концепта [Карасика 2004: 111], что отражает значимость вербализуемого концепта для народного сознания [Стернин 2007: URL].

Так, когнитивная лингвистика обладает довольно широким методологическим аппаратом. Наиболее распространёнными методиками исследования концепта в рамках данной дисциплины являются:

1. Метод лексикографического исследования. Данный метод считается одним из основных при исследовании концепта и является важным этапом большинства комплексных методик. Многие исследователи сходятся во мнении, что анализ данных толковых словарей является необходимым при исследовании того или иного концепта, так как он позволяет охарактеризовать основную семантику его ключевых компонентов [Маслова 2006, Попова, Стернин 2007]. Именно метод лексикографического исследования помогает определить ядро и периферию концепта.

2. Компонентный анализ. Данный метод исследует значение концепта с помощью определения его семного состава и установлении связей между ключевыми номинациями концепта. В его основе лежит дефиниционный анализ, подразумевающий изучение словарного толкования значения концепта. Значимость данного метода также подчёркивается многими учёными, такими как С.Г. Воркачев и М.В. Никитин [Воркачев 2003, Никитин 1983].

3. Синтагматический анализ (дистрибутивный). Этот метод заключается в анализе сочетаемости основных номинантов концепта с различными частями речи. И.А. Стернин полагает, что анализ сочетаемости помогает выявить способы концептуализации и категоризации явления [Стернин 2001: 62].

4. Метод фреймового анализа. Фреймовая теория берет начало от концепции фрейма как вида когнитивной структуры, предложенной М. Минским [Минский 1979]. Данная методика заключается в определении терминалов разного уровня с помощью моделирования ряда семантических компонентов понятия, отражённых одновременно в структуре фрейма и в компонентах вербальной единицы [Гусельникова 2009].

5. Концептуальное картирование. Данная методика основывается на построении концептуальной карты – графического представления конкретного концепта. Данная методика имеет следующие этапы: (1) определение ключевого

концепта, (2) выявления близких ему концептов и их взаимосвязей [Мерзлякова 2010].

Таким образом, в рамках лингвокогнитивного подхода, наибольшее внимание уделяется семантической наполненности вербальных выражений концепта и его взаимосвязи с мыслительной категорией человеческого сознания. Культурная составляющая концепта для когнитивной лингвистики не представляет такого же большого интереса, как для лингвокультурологии. Когнитивная лингвистика сосредоточена на коллективной концептуализации предмета или явления в человеческом сознании и стремится изучить её способы.

1.3.1. Виды концептов в рамках лингвокогнитивного подхода

В рамках когнитивной лингвистики можно рассмотреть множество различных классификаций концептов. Однако одной из самых широко известных классификаций является разделение концептов по признаку их содержания:

1. Представление – концепт, состоящих из наиболее обобщённых чувственно-наглядных образов явлений или предметов. Такие концепты стабильны и представляют из себя обобщение наиболее ярких черт предмета или явления (*напр. клён — дерево с широкими резными листьями*) [Бабушкин 1996: 122].

2. Схема – концепт, который может быть представленной обобщённой графической схемой, гипероним с ослабленным образом (*напр. дерево как ствол, ветки и крона; человек как туловище, голова, руки и ноги*). Особенностью концептов-схем является то, что их можно изобразить, что доказывает реальность существования данной формы структуры знаний. Схема – промежуточный этап между концептами представлениями и понятиями, этап развития абстракции [Зиновьева URL].

3. Понятие – концепт, сформированный из общих существенных признаков явления или предмета, результат их рационализации и осмысления (*напр. квадрат – прямоугольник с равными сторонами; баобаб –*

широколиственное растение из семейства зонтичных) [Бабушкин, Стернин 2018: 13]. Как правило, понятия возникают на базе представлений или схем и вербализуются терминологической лексикой. Понятия могут отражать как в действительности существующие предметы или явления, так и продукты мыслительной деятельности человека (*русалка, кентавр*) [Зиновьева URL].

4. Фрейм – многокомпонентный концепт, отражающий комплексную ситуацию, мыслимый в целостности его компонентов (*напр. магазин – прилавок, цена, покупать, продавать*).

5. Сценарий – концепт, воплощающий периодичность сменяющих друг друга эпизодов с признаком движения; фреймы, разворачивающиеся в пространстве и времени. Например, *магазин* – это фрейм, а *поход в магазин* – это сценарий.

6. Гештальт – наиболее комплексный и целостный концепт, упорядочивающий многообразие отдельных явлений. Гештальт сочетает в себе все вышеназванные типы концептов. [Попова, Стернин 1999: 15-25].

Интересным также является предложенное З.Д. Поповой и И.А. Стерниным разделение признаков концепта на когнитивный классификационный и когнитивный дифференциальный.

Когнитивный дифференциальный признак (или же просто «когнитивный признак») представляет из себя «отдельный признак объекта, осознанный человеком и отображённый в структуре соответствующего концепта как отдельный элемент его содержания» [Попова, Стернин 2007: 128]. Когнитивный классификационный признак – это «компонент содержания концепта, отражающий тот или иной аспект, параметр категоризации соответствующего объекта или явления и обобщающий однородные дифференциальные когнитивные признаки в структуре концепта» [Попова, Стернин 2007: 128]. Последние всегда являются общими признаками для группы или ряда концептов.

Например, несколько объектов живой природы воспринимаются в сознании как имеющие *пол.* Соответственно, общим классификационным признаком для этого ряда концептов будет *пол.* Данный когнитивный классификационный

признак конкретизируется в определённом концепте уже дифференциальными признаками (*мужской пол/женский пол*) [Попова, Стернин 2007: 128].

Таким образом, концепт является сложной ментальной единицей, актуализирующей в человеческом сознании свои понятийный, фреймовый, схематический и др. уровни, а также различные комбинации этих концептуальных явлений. Представления, схемы, фреймы, сценарии, понятия и гештальты имеют сильную взаимосвязь как в ментальной деятельности человека, так и в его коммуникативной практике.

1.3.2. Метод построения номинативного поля концепта

Ранее работа уже затрагивала различные методики, применяемые когнитивной лингвистикой при изучении концептов. Однако для выполнения поставленных перед данной работой целей и задач, наиболее подходящей методикой для исследования концепта «*happiness*» является метод построения номинативного поля концепта, разработанный З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, так как он представляет из себя комплексную методику и содержит в себе все наиболее важные приёмы исследования концепта.

Совокупность средств языка, презентующих концепт в тот или иной момент развития социума, определяется З. Д. Поповой и И.А. Стерниным как номинативное поле концепта (НПК). Следует отличать данное понятие от других существующих в языкознании лексикологических групп (лексико-семантического или фразеологического поля, лексико-семантической группы или ассоциативного поля), так как оно обладает комплексным характером и включает в себя все названные выше виды группировок. В языковой системе НПК является выявленной и упорядоченной совокупностью номинативных единиц и включает в себя единицы всех частей речи [Старикова 2020в].

Каждый концепт имеет своё номинативное поле (НП). У некоторых оно обширное, то есть концепт имеет множество средств обозначения. Чаще всего, это

наиболее коммуникативно релевантные концепты (мужчина, женщина, счастье и т.п.). У других такое поле ограничено – то есть концепт не имеет широкого синонимического ряда. Следовательно, такие концепты можно назвать малорелевантными, обычно к ним относятся отражающие специальные, конкретные сущности, наиболее часто используемые небольшим кругом индивидов (мочка уха, разводить животных и т.п.). И, наконец, существует третья группа концептов, чьё номинативное поле практически невозможно обнаружить. Под этим следует понимать, что такие концепты имеют только субъективные, косвенные или авторские номинации, однако концепт полностью никогда не называется. З.Д. Попова и И.А. Стернин приводят в пример обратный «молодожёнам» концепт, обозначающий людей, которые давно состоят браке. Точного, однословного наименования данного понятия не существует, однако мы можем наблюдать его окказиональные номинации: старожёны, супруги со стажем, не первый год женатые и т.п. [Старикова 2020в].

НПК не однородно. Оно состоит из следующих компонентов:

1. Ядро НПК – содержит прямые номинации концепта.
2. Периферия НПК – содержит номинации отдельных когнитивных признаков концепта и отношение к нему в разных коммуникативных ситуациях [Попова, Стернин 2007: 68].

Построение номинативного поля концепта можно рассматривать как одно из важнейших условий проведения его лингвокогнитивного анализа. Поэтому от правильности и последовательности построения НП напрямую зависит эффективность и полнота выявления содержания и структуры концепта [Зацепина 2007: 36]

По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, существует два подхода к построению НПК. Первый способ – выделение ключевого слова вместе с синонимами любых видов (окказиональных, индивидуальных или системных), или же выявление также и разновидностей денотата концепта, что приведёт к построению ядра номинативного поля концепта. Например, ядро НПК «женщина» будет состоять из таких слов как *женщина*, *слабый пол*, *баба*, *телка*, *дама* и т.п.

Разновидности же его денотата могут включать в себя следующие слова: *жена, хозяйка, мать, старуха, мегера, девчонка, мымра* и т.п.

Второй способ заключается в добавлении и номинации различных признаков концепта, наблюдающихся в разных случаях его употребления: *ласковая, сплетничает, рождает, ревнует, любит тратить деньги и т.п.*, наряду с афоризмами и фразеологизмами о женщине. Не исключено, что именно эти разновидности денотата концепта и станут самыми употребляемыми и обсуждаемыми его признаками. Все они важны, и вместе составляют наше представление о структуре изучаемого концепта – его полное номинативное поле [Старикова 2020в].

Также в своём исследовании, З.Д. Попова и И.А. Стернин предлагают несколько приёмов построения НПК, которые могут помочь исследователю в его работе:

1. Установление ключевого слова-репрезентанта, объективирующего концепт. Зачастую выбирается наиболее употребительная номинация, обычно нейтральная стилистически. Особенно богатый материал для исследования обеспечивают многозначные слова, так как дают возможность для множественных интерпретаций. Под ключевым словом могут также пониматься устойчивые фразеологические словосочетания, если исследователь считает, что именно оно наиболее полно характеризует концепт.

2. Установление ядра НПК. Оно может быть установлено через синонимическое расширение ключевого слова или же анализ контекстов употребления концепта. Например, для слова *друг* это будут: *приятель, товарищ, кореш, дружбан, не разлей вода* и т.д.

3. Установление периферии НПК. Периферия может быть установлена разными способами:

- Например, данная цель может быть достигнута по средствам анализа художественных и публицистических текстов. Так, исследователь рассматривает примеры употребления концепта и анализирует его сочетаемость с другими лексемами. Например, *семья* может быть большая или маленькая (когнитивный

классификационный признак размер), может *создаться* или *развалиться*, может быть *настоящей* или *фиктивной* и т.д.

- Также периферия может быть установлена через построение лексико-фразеологического ПК, под которым понимается подбор синонимов и антонимов ключевого слова. Например, исследователи выделяют слово *общение*, обладающее одним из самых широких полей в русском языке. Ядром поля будут синонимы с высокой частотностью, наиболее общие по значению, не зависящие во многом от контекста: *разговаривать, рассказывать, приказывать, отвечать, спрашивать, предлагать, беседовать* и т.д. Однако ядром будут считать *говорить, сказать, вопрос*, т.к. лексемы с данным значением наиболее частотны. Дальняя периферия будет включать лексемы с менее высокой частотностью, однозначные и многозначные, такие как *объясняться* (в значении вести беседу), *выступить* (с речью) и др. Также существует и крайняя периферия с самой низкой употребляемостью лексем, например, *отступиться* (прекратить общение) или *переговорить* (заставить прекратить говорить других). После установления лексико-фразеологического поля концепта исследователь располагает богатым материалом для изучения семантики слов-синонимов изучаемого концепта.

- Построение паремиологического поля концепта также является действенным способом установления его периферии. Данный метод состоит в исследовании афоризмов, устойчивых словосочетаний и идиом, содержащих ключевое слово. Смысл паремии будет считаться отражением когнитивного признака концепта. Попова и Стернин приводят в пример концепт «деньги» и пословицы, объективирующие данный концепт: *деньги не приносят ума (Ума на деньги не купишь)*, *деньги делают человека умным (Богатство ум рождает)*, *деньги дают возможность материально благополучного существования (Деньги наживёшь – без нужды проживёшь)*, *деньги причиняют беспокойство их обладателю (Лишние деньги – лишние заботы)*.

- Построение деривационного ПК, которое также позволяет выявить когнитивные признаки изучаемого концепта. Например, так будет выглядеть

деривационное поле слова *быт*: *бытовой, бытовать, бытописатель, бытовизм, бытовик, бытовка, бытописание, жилищно-бытовой, электробытовой, старобытный* и др. Данные лексемы позволяют выявить когнитивный признак концепта – «повседневная жизнь».

- Анализ устойчивых словосочетаний с номинантами концепта также пополнит его номинативное поле. Данные сравнения называют некий признак, характерный для исследуемого концепта: *силён как бык* (бык сильный), *красив как Аполлон* (Аполлон красивый), *глуп как курица* (курица глупа), *слепой как крот* (крот плохо видит).

- Анализ фразеологических номинаций концепта. Такое исследование в числе предыдущих устанавливает некие признаки соответствующего концепта. Например, возьмём фразеологизмы, в которые входит слово *собака*: *собачья жизнь, жить собакой* (у собаки плохая жизнь), *собачья преданность* (собака верное животное), *собачье ремесло* (ничтожность, малополезность деятельности).

- Анализ ассоциативного ПК. Такое поле образуется совокупностью ассоциатов на соответствующий концепт. Сформировать такое поле возможно путём проведения ассоциативного эксперимента. В пример Попова и Стернин приводят ассоциаты на лексему *совесть*. Материалом для исследования стали ассоциации на стимул 100 испытуемых, и результат показал следующее: *честность 11, стыд 6, внутренний контролёр 5, мучения, порядочность, чистая 4, переживание, судья, чистота 3, Бог внутри тебя, вина, гложет, душа, мука, ответственность за поведение плохо, когда есть угрызения, правда, сердце 2* и др. [Старикова 2020в].

Так, согласно данной методике, номинативное поле концепта *душа* может выглядеть следующим образом (Рис.2):

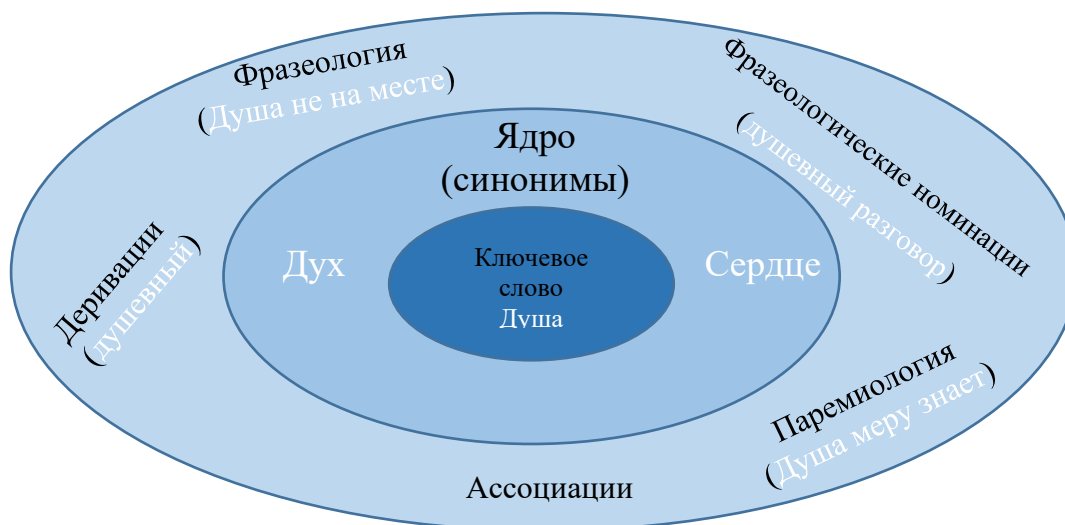

Рисунок 2. Номинативное поле концепта
«душа»

Таким образом, номинативное поле концепта строится из ключевого слова-репрезентанта, его синонимического ряда, единиц, выявленных в художественных и публицистических текстах, устойчивых сравнений, фразеологических единиц, лексико-фразеологического, деривационного, ассоциативного, паремиялогического полей ключевого слова-репрезентанта концепта.

1.4. Психолингвистический подход к изучению концепта

Психолингвистика – наука, изучающая процессы речеобразования, восприятия и формирования речи в их соотнесённости с системой языка [ЛЭС 1990: URL]. Так, данная область языкознания в первую очередь занимается исследованием процессов понимания и порождения речи, речевых механизмов и речевого поведения носителей языка [Пешкова: 2015]. Психолингвистика берет своё начало в нейрофизиологии и нейролингвистике, в трудах таких учёных как П. Брока, К. Вернике, И.М. Сеченова, В.М. Бехтерева, И.П. Павлова и Л.С. Выготского и А.Р. Лурии, соответственно. Именно благодаря работам

нейрофизиологов и нейролингвистов было установлено, что языковая деятельность зарождается в мозге человека и что различные виды такой деятельности (изучение, слушание, говорение, чтение, письмо и др.) имеют отношение к различным отделам мозга [Стернин 2007: URL].

Психолингвистика же стала следующим этапом развития изучения проблемы связи языка и мышления. Психолингвистика изучает процессы порождения и восприятия речи, как соотносятся использование языка и его система, и как данная система функционирует [Стернин 2007: URL].

Без методологических наработок психолингвистики и формирования её теоретических постулатов полноценное становление когнитивной лингвистики стало бы невозможным, так как появление концепции невербального характера мышления и существования такого явления, как концептосфера является результатом работы именно исследователей в области психолингвистики. Помимо этого, психолингвистика также выявила базовую функцию языковых знаков – обеспечение процесса обмена важной информацией, так как знаки создаются людьми для обозначения самых частых и коммуникативно важных концептов. Однако психолингвисты считают знаки лишь «пунктиром на пространстве концептуальных смыслов», так как явление концептосферы распространяется гораздо шире обозначенной средствами языка её части. Так, данные утверждения, установленные психолингвистикой, и стали базой для методологии когнитивной лингвистики [Стернин 2007: URL].

Понятие «концепт» в психолингвистике в первую очередь воспринимается как «спонтанно функционирующее в познавательной и коммуникативной деятельности индивида базовое перцептивно-когнитивно-аффективное образование динамического характера, подчиняющееся закономерностям психической жизни человека и вследствие этого по ряду параметров отличающееся от понятий и значений как продуктов научного описания с позиций лингвистической теории» [Залевская 2001: 39]. Следовательно, психолингвисты рассматривают концепт не столько с его понятийной стороны, сколько как единицу знания, совокупность образных элементов психики индивидуума, что акцентирует

те реалии, к которым отсылается слово-номинант концепта [Фрумкина 2001]. Такой подход позволяет отвлечься от логического термина «понятие» и позволяет исследователю при анализе полученного в результате психолингвистических экспериментов материала учитывать не только семантическое содержание концепта, но и эмоции респондентов, ценностную шкалу и ассоциации, вызванные каким-либо концептом. Так, например, и такой термин как «концептосфера» приобретает новый смысл в рамках психолингвистики, презентуя не столько систему языка, сколько ментальный мир отдельного человека [Ефремов 2009: URL].

Однако важно отметить, что учёные-психолингвисты полагают, что концепт как явление не может поддаваться прямому наблюдению, из чего следует, что при описании концепта, ни одно из предложенных суждений не может быть в полной мере истинно [Залевская 2001]. Поэтому концепт нужно исследовать комплексно, интегрируя результаты исследований разных областей лингвистического знания [Смирнова 2009: URL]. Впрочем, в современной психолингвистике концепт рассматривается как «средство доступа к единой информационной базе человека – его памяти, где хранятся совокупные продукты переработки перцептивного, когнитивного и аффективного опыта взаимодействия человека с окружающим его миром» [Залевская 2001: 39].

Психолингвистический подход к изучению концепта, как правило, заключается в применении психолингвистических методик. Психолингвистические методы отличаются высокой вариативностью – огромное количество вариантов лингвистического интервьюирования, а также несколько видов ассоциативного эксперимента – цепной или направленный (с уточняющими вопросами, с заданием дать синоним/антоним, приём завершения экспериментальной фразы, заполнение сравнительной конструкции) и др. [Подкопаева 2021: 175].

Таким образом, психолингвистический подход позволяет исследователю не только интегрировать экспериментальные методики при изучении концепта, но

также обратить внимание и на индивидуальные эмоциональную, ассоциативную и ценностную оценку концепта человеком.

1.4.1. Методика проведения ассоциативного эксперимента

Одной из самых действенных методик, позаимствованных когнитивной лингвистикой из психолингвистики, является ассоциативный эксперимент. Данный метод отлично подходит для реконструкции содержания концепта и исследования семантики [Архипова 2013: 124, Умарова 2017: URL].

Н.И. Жинкин определяет ассоциативный эксперимент как приём психологии, целью которого является изучение смысловой структуры слова. Данный приём основывается на предположении, что при восприятии и понимании слова происходит перекодирование информации с естественного языка на смысловой [Жинкин 1970: 151]. Так, ассоциации, которые выявляются в процессе применения данного приёма, способствуют построению ассоциативно-вербальной сети, отражающей мировоззрение индивида. А.А. Залевская пишет, что мировоззрение или образ мира человека – это залог любой его деятельности, который формируется из принятого и обработанного сознанием опыта, накопленного народом или определённой социальной группой [Залевская 2011: 31].

С.Л. Рубенштейн утверждает, что обретение новых опыта и знаний об окружающем мире также является результатом ассоциативного мышления, ведь каждый процесс в сознании индивида сопровождается и обуславливается ассоциативными связями, так как по мнению исследователя и само мышление представляет из себя ничто иное, как ассоциативный процесс [Рубинштейн 1958: 147].

Е. И. Горошко, говоря об ассоциативном эксперименте выделяет его ценность как инструмента исследования «овнешнений» образов сознания человека и «овнешнений» его неосознаваемых слоёв [Горошко 2001: 285].

Методика ассоциативного эксперимента осуществляется следующим образом: испытуемому даётся определённый набор слов-стимулов, на который они

как можно быстрее реагируют любым пришедшим в голову словом. Так, с помощью выявления возникающих ассоциаций регистрируется их тип, частота однотипных ассоциаций и величина латентных периодов (количество времени прошедшего между словом-стимулом и возникновением ассоциации у испытуемого), а также различные поведенческие реакции [Карпенко 2001: 1]. Однако желательно, чтобы реакция-ответ следовала немедленно, и испытуемый не имел возможности долго размышлять над ответом, поскольку, как отмечает Р.М. Фрумкина, «если есть отбор – нет ассоциативного процесса в общепринятом истории психологии смысле» [Фрумкина 2007: 320].

Следует отметить, что учёные-психолингвисты особенно тщательно подходят к выбору стимульного материала, вырабатывая строгую систему требований к его отбору. Однако процесс подбора респондентов зачастую не ограничивается столь же строгими требованиями. Некоторые исследователи могут ограничить круг респондентов до студентов одного курса, другие могут расширить свой эксперимент до всего университета, а третьи – выйти и на более высокий уровень, привлекая респондентов разного пола, возрастной группы и социального статуса. Поэтому некоторые учёные считают, что подбор респондентов должен быть также тщательно регламентирован, применяя достижения и такой науки, как социология [Подкопаева 2021: 175].

Однако без последующего осмысления результатов ассоциативного эксперимента анализ семантического содержания концепта по средствам ассоциаций является недостаточным: в ходе семантико-когнитивного анализа, коим является ассоциативный эксперимент, мы получаем информацию о содержании значений концепта. Однако важным заключительным этапом такой методики является «когнитивная интерпретация» – ступень анализа, без которой исследование концептов будет оставаться лишь в рамках лингвистической семантики [Стернин 2007: URL].

Так, когнитивная интерпретация в понимании И.А. Стернина – обобщение «абстракции результатов», полученных при выявлении значений языковых единиц на новом, высоком уровне. На данном этапе исследователь старается придать

словесную формулировку когнитивным признакам и семантическим компонентам концепта, ведь без когнитивной интерпретации исследование остаётся на уровне значения номинативных единиц, которые называют отдельные совокупности когнитивных признаков, выраженных в языке различными способами. Проведение когнитивной интерпретации позволяет получить чёткое описание структуры и содержания концепта. Рассмотрим методику когнитивной интерпретации на примере результатов ассоциативного эксперимента, проведённого И.А. Стерниным.

Когнитивная интерпретация результатов такого эксперимента состоит в том, чтобы интерпретировать возникшие ассоциаты как репрезентации определённых когнитивных признаков. Так, ассоциаты, наиболее схожие по семантической наполненности, обобщаются в один когнитивный признак, который оформляется в вербальную формулировку исследователем-интерпретатором. В качестве такой формулировки выбирается стилистически нейтральное слово или наименование наиболее частотной реакции [Стернин 2007: URL].

Так, проведя ассоциативный эксперимент, в котором в качестве стимула было использовано словосочетание «русский язык», И.А. Стернин выделил следующие когнитивные признаки концепта:

- богатый 132 (разнообразный, богатый, масштабный, многообразный, всеобъемлющий, широкий);
- хороший 90 (хороший, замечательный, лучший, клёвый, обалденный, нормальный, крутой, отличный);
- сложный 57 (сложный, трудный, тяжёлый, заумный);
- лёгкий 46 (лёгкий, простой, доступный, понятный, доходчивый) и т.д.

[Стернин 2007: URL].

Также важной деталью при проведении когнитивной интерпретации является тот факт, что в качестве когнитивных признаков концепта будут интерпретироваться все ассоциаты, полученные в ходе эксперимента, в том числе

и единичные. Например, для стимула «правда» могут быть полученные такие единичные ассоциаты, как «газета» или «глаза». [Стернин 2007: URL].

Однако по завершению процесса когнитивной интерпретации каждый когнитивный признак может быть ранжирован в структуре концепта по своей «яркости». Под индексом яркости признака И.А. Стернин понимает его «когнитивную яркость, осознанность, актуальность». Данная величина вычисляется как количество испытуемых, давших данный признак в ответ на слово-стимул, к общему числу участников эксперимента [Стернин 2007: URL].

Также в процессе когнитивной интерпретации в структуре концепта могут быть выявлены и противоречащие друг другу, но при этом довольно яркие когнитивные признаки (например, «русский язык» – лёгкий, трудный). Однако исследователь подчёркивает, что в таком противоречии и кроется разница между значением слова и концептом – в первом таких противоречащих признаков быть не может [Стернин 2007: URL].

Следующим шагом в процессе когнитивной интерпретации результатов ассоциативного эксперимента будет обобщение полученных когнитивных признаков и выявления на их основе «когнитивных классификаторов», которые используются для концептуализации данного понятия. Так, близкие по значению когнитивные признаки понимаются как языковые выражения конкретного классификационного признака концепта, а их частотность определяет индекс яркости тех или иных когнитивных признаков. Например, такие когнитивные признаки, как «богатый» и «бедный», выделенные в концепте «русский язык», могут быть обобщены в когнитивный классификатор «богатство словарного состава»; «хороший», «плохой» – «общая оценка» и т.п. [Стернин 2007: URL].

Также по завершению проведения процедуры когнитивной интерпретации описания концепта возможно и проведение верификации её результатов. Данный этап подразумевает обращение к носителям языка – испытуемым будет представлен набор выделенных когнитивных признаков для их верификации. Такая экспериментальная верификация позволяет также уточнить положение выделенных признаков по их яркости в структуре концепта [Стернин 2007: URL].

1.5. Лингвосинергетический подход к изучению концепта

Современная лингвистическая парадигма отличается глубокой междисциплинарностью и обширной интеграцией методологии как «родственных» гуманитарных наук, так и заимствованием методик из наук точных и естественных. Одной из форм подобного взаимодействия стала лингвосинергетика, сочетающая в себе исследования языковых явлений с применением точных математических методик.

Лингвосинергетика, которая берет своё начало в XX столетии, всё же считается наукой молодой. Поэтому в данной работе будут подробно рассмотрены хронология её становления, а также основные принципы и методы интеграции синергетических идей в поле гуманитарных исследований.

1.5.1. Становление синергетики как ядра современной науки

Синергетика – междисциплинарное направление, которое изучает закономерности процесса перехода системы от состояния хаоса к состоянию порядка, то есть способы её самоорганизации под влиянием внутренних механизмов [ЭЭФН: URL]. В общем виде под «самоорганизацией» стали понимать процесс, в ходе которого создаётся, воспроизводится или совершенствуется организация сложной динамической системы [Старикова 2022в]. Отличительная особенность таких процессов – их целенаправленный, но вместе с тем спонтанный характер» [Фещенко 2006: 98].

Синергетика берет своё начало в трудах математика и физика А. Пуанкаре. Размышляя о научном творчестве, исследователь обратил внимание на присущее математике стремление к гармонии отдельных частей, чем подчеркнул важную функцию математических методов – объединение всех наук [Пуанкаре 1983: 385]. А. Пуанкаре первым ввёл такие важные для синергетики понятия, как «аттрактор», «точка бифуркации», «динамический хаос» и т. д.

Так, в 1963 г. прорывом в изучении нелинейных систем стали исследования Эдварда Лоренца, которые положили начало изучению динамического хаоса и странных аттракторов. Также в начале 70-х годов исследование в области нейробиологии, проводимое чилийскими учёными У. Матуроной и Ф. Варелой, посвящённое концепции феномена автопоэзиса (самовоспроизведения), произвело большой резонанс в научном мире и приобрело междисциплинарный характер [Матурана, Варела 2001].

Также свой вклад в становление методологии нелинейной динамики, ставшей родоначальницей синергетики, стали и такие отечественные учёные, как А.М. Ляпунов, Н.Н. Боголюбов, Л.И. Мандельштам, А.А. Андронов, А.Н. Колмогоров, А.Н. Тихонов и др. [Абакумов URL].

Однако сам термин «синергетика» появился благодаря немецкому физика Г. Хакену в 1969 году в одноименном труде, посвящённом исследованию процессов генерации внутри лазерных систем. Так, Г. Хакен обратил внимание на явления самоорганизации активных атомов под воздействием различных факторов, выводящих систему из равновесного состояния [Хакен 2003: 14]. Сам исследователь подчёркивает сходства процессов самоорганизации систем и в других, смежных областях науки, чем позволяет синергетике выйти за пределы физики и математики, тем самым придавая ей междисциплинарный характер. Исследователь полагает, что поведение единиц системы обусловлено определёнными закономерностями, и задача синергетики – исследовать их коллективное поведение. Так, изучив поведение отдельных единиц разных уровней (атомов, молекул, клеток, группы людей и т. д.), Г. Хакен делает вывод, что судьба этих единиц определяется ими самим в результате взаимодействия друг с другом – кооперации или же конкуренции [Хакен 2003: 24-25].

Примерно в то же время бельгийский химик И. Пригожин изучал поведение неравновесных систем. Он исследовал химические растворы, которые были далеки от состояния равновесия, тем самым заложив основы неравновесной термодинамики, за что в 1977 году получил Нобелевскую премию. Так, исследователь полагал, что неравновесность системы может обуславливать её

упорядоченность. Он проиллюстрировал это на диссипативных структурах внутри математической модели с зависимыми от времени нелинейными функциями, описав способность систем себя рестабилизировать по средствам обмена энергии с окружающей средой [Пригожин 1979].

Существенный вклад в интеграцию синергетики в область гуманитарных наук внёс И.А. Евин, который рассматривал «синергетику искусства». Исследователь рассматривал такие понятия, как неустойчивость, полимодальность, неоднозначность в искусстве [Евин 1993].

Концепция «Единое поле мировой культуры» А.Е. Чучина-Русова также исследует новые синергетические принципы в гуманитарном учении. Так, автором рассматриваются различные феномены культуры в их постоянном взаимодействии [Чучин-Русов 2002].

Ю.В. Кирбаба в своём диссертационном исследовании «Генезис синергетической парадигмы: культурологические аспекты» рассматривает синергетику через призму истории культуры. В работе поднимаются вопросы нелинейного характера художественного мышления, а также фрактальность организации музыки [Кирбаба 2004].

Среди «первооткрывателей» отечественной синергетики можно выделить таких учёных, как Ю.А. Данилова и Б.Б. Кадомцева. Синергетика в их понимании – это наука, занимающаяся исследованием процессов самоорганизации, поддержания и распада структур в самых разных по своей природе системах [Аршинов, 1999: 7]. Так, исследователи видят в синергетике междисциплинарный характер и большой методологический материал для исследования открытых динамических нелинейных систем [Бакиев 2015: URL].

В.Г. Буданов также подчёркивает высокую степень «выживаемости» синергетики, подразумевая под этим, что данная дисциплина способна моделировать задачи, актуальные для человеческой культуры, учитывая их антропоцентричность [Буданов 2006: 147]. Исследователь выделяет «математичность» происхождения синергетической науки, что обуславливает точность её методов и выводов, а также её толерантность к новым методикам и

теориям, открытость к пополнению новыми идеями, подчеркнутыми в частных дисциплинах [Буданов 2006: 167-168].

Так, немного подытожив сказанное, мы можем утверждать, что синергетика изучает процессы самоорганизации неравновесных систем. Под самоорганизацией мы понимаем постоянные качественные изменения и модификации системы при определённых условиях. Также не стоит забывать, что данные процессы протекают за счёт взаимодействия компонентов самой системы (внутренней синергии) и внутренних стимулов. Таким образом, можно сказать, что процесс самоорганизации системы – это есть процесс её эволюции – качественного перехода от одного состояния системы к другому. Предпосылкой эволюционного развития должна быть конкуренция различных тенденций развития системы. С.П. Курдюмов сравнивает данный процесс с дарвинской триадой – наследственность, изменчивость, (естественный) отбор [Курдюмов: URL].

- Изменчивость в терминологии синергетической дисциплины понимается как непрерывное наличие факторов случайности и неопределённости. Так, эволюция системы протекает под воздействием случайных факторов, обеспечивающих качественное изменение системы;

- Наследственность обуславливает преемственность развития относительно предыдущей информации (память системы). Однако сохранение пройденного опыта происходит «нелинейно», сопровождаясь такими понятиями, как порядок и хаос. С.П. Курдюмов также выделяет системы с ограниченной и бесконечной памятью. К первому типу можно отнести, например, движение планет. Однако большинство реальных систем обладают все же ограниченной памятью, в чем манифестируется стремление систем забывать определённые начальные установки;

- Отбор внутри систем проявляется в сосуществовании конкурирующих тенденций развития системы. Данная особенность проявляется даже в языке – в его конкурирующих стремлениях к простоте в коммуникации и способностью выражать всё более адекватно содержание мышления. Однако согласно принципам

синергетики, не всегда самая адекватная и сильная тенденция «одерживает верх». Так, даже самое маленькое воздействие на систему в силу случайности может предопределить ход развития системы [Герман, Пищальникова, 1999: 8].

Так, А.Г. Бакиев называет синергетику «ядром постнеклассической картины мира», так как она предлагает принципиально отличный ракурс исследования открытых диссипативных нелинейных систем, при этом сохраняя свою антропоцентрическую направленность. Своеобразие такой постнеклассической парадигмы исследователь видит в принятии синергетикой принципа плюрализма, который «подразумевает многостороннее изучение объектов открытой, диссипативной природы, а также стирание прежних строгих границ между естественными и гуманитарными науками» [Бакиев 2015: URL].

1.5.2. Основные принципы синергетики в рамках научного познания

На данном этапе своего развития синергетика находится в стадии становления и поиска своего наиболее всеобъемлющего и общего толкования и методологического аппарата. Сегодня синергетические идеи являются объектом интереса многих исследователей, которые разрабатывают её основополагающие принципы [Аршинов, Буданов, Войцехович, 1996; Тельнова, 2006].

Однако базовые принципы и постулаты синергетики были выдвинуты ещё её создателем Г. Хакеном. Так, исследователь изложил следующие принципы, которые являются руководящими для становления синергетических систем:

1. Системы состоят из множества частей, как разнородных, так и одинаковых, находящихся в постоянном взаимодействии друг с другом.
2. Синергетическая система нелинейна.
3. Синергетическая система неравновесна и открыта.
4. Такие системы подвержены внешним и внутренним колебаниям.
5. Синергетическая система может стать нестабильной.
6. Внутри системы происходят качественные изменения.

7. Внутри системы есть эмерджентные качества.
8. Внутри системы возникают пространственные, временные, пространственно-временные или функциональные структуры.
9. Такие структуры могут быть в состоянии порядка или хаоса.
10. Во многих случаях возможна математизация [Князева, 2000: 55].

Так, ход эволюции любой синергетической системы можно представить как сменяющие друг друга состояния *порядка* или *хаоса*, между которыми выделяются стадии перехода. Однако рассмотрение процесса эволюции как чередование этих двух стадий достаточно условно, так как порядок и хаос – понятия неразрывные, и каждое из них может содержать в себе частичку другого [Калашникова 2019: 21].

Хаос – одно из центральных понятий синергетики. Однако стоит отметить, что в современном состоянии синергетики это понятие было сильно переосмыслено и сейчас не имеет никакой отрицательной трактовки. И.Р. Пригожин ставит в пример исследования древних атомистов, таких как Лукреций, исследовавшего теорию течений. Последний отмечал, что возникающие вследствие слабых отклонений вихри дают начало всем вещам в природе [Пригожин, Стенгерс 1986: 195]. Так, при наличии каталитических эффектов в сильно неравновесных системах возникают явления самоорганизации. Соответственно, хаос является не столько фактором разрушения, сколько силой, выводящей систему «на тенденцию самовоспроизведения нелинейной среды» [Князева, Курдюмов 1994: 81]. Таким образом, именно хаос обеспечивает гармоничную работу и развитие различных областей сложных систем и является фактором запуска процессов усложнения организаций этих систем, соединяя воедино простые структуры в более сложные. В то же время, неустойчивость вызванная хаосом вызывает смену режимов в эволюционном процессе системы и упрощает модель её организации, в чем раскрывается «дуальность» природы хаоса, обуславливающая самоорганизацию сложных нелинейных систем [Князева, Курдюмов 1994: 84-85].

Фазы, которые проходит система в процессе самоорганизации, соответствуют семи принципам синергетики. Ряд отечественных синергистов, таких как В.Г. Буданов, В.И. Аршинова и В.Э. Войцехович, условно разделяют перечисленные принципы на принципы бытия или принципы становления.

Принципы бытия отражают стремление системы к порядку и стабильности. Действие этих двух принципов позволяет системе находиться в относительном равновесии [Бакиев 2015: URL]:

1. Гомеостатичность. Гомеостаз – тип динамического равновесия, характерный для сложных саморегулирующихся систем и состоящий в поддержании существенно важных для сохранения системы параметров в допустимых пределах [НФЭ: URL, Бакиев 2015: URL]. Интересно, что стабильность системы в её гомеостатичном состоянии зачастую достигается за счёт произведения отрицательной реакции на внешний раздражитель, способствующей уравновешению его воздействия на систему. В пример можно привести работу терморегулирующей системы организма: если температура внешней среды повышается, реакцией организма будет понизить температуру тела, и наоборот [Бакиев 2015: URL]. Пребывая в состоянии гомеостаза, система стремится к гармонии и равновесному состоянию, которые в синергетике обозначаются термином *аттрактор*, притягивающим к себе все возможные траектории эволюции системы, заданные различными начальными условиями [Аршинов 1999: 86]. Так, Л.А. Асланов сравнивает аттрактор с «воронкой», затягивающей в себя все возможные траектории системы, предопределяющей ход эволюции системы [Асланов, 2001: 37- 38].

2. Иерархичность. Данный принцип подразумевает наличие у системы внутренней структуры. Так, В.Г. Буданов выделяет в системах микроуровень (не воспринимаемый человеком), макроуровень (который поддается человеческому восприятию) и мегауровень (который образуется невероятно длинными, вечными переменными) [Буданов, 2006: 159-160]. Каждый из этих уровней характеризуется целостностью и перспективой саморазвития и необходим для существования и развития последующего уровня [Тельнова 2006: 16]. Также исследователь

подмечает своеобразное отношение высших уровней к низшим. Так, то, что воспринимается на низших уровнях как порядок, для вышестоящих будет хаосом, строительным материалом [Буданов 2006: 159-160].

Г. Хакен также вводит понятия параметров состояния и параметров порядка. Параметры состояния определяются как совокупность значений, определяющих состояние системы и описывающих её макроуровень [Данилов 2008: 203]. Согласно Г. Хакену такие параметры описывают аттракторы системы на макроуровне и подчиняют себе отдельные части системы, задающие траекторию развития всей системы. Таким образом, деформация одного из таких параметров в результате вызовет реакцию элементов системы на более низком уровне, поскольку самоорганизация системы отличается согласованным взаимодействием её элементов по принципам иерархии и круговой причинности – одни элементы создают порядок и управляют, другие им подчиняются [Буданов 2008: 53]. Также развитие систем в целом и развитие подчинённых ей уровней происходит на разных скоростях: изменение параметра порядка требует больше времени, чем изменение подчинённой им части [Тельнова 2006: 16]. Так, в качестве примера действия параметра порядка можно привести устройство социальных взаимоотношений, где параметром порядка выступает некое общественное мнение либо стереотип. При этом отдельные индивидуумы на микроуровне могут быть не согласны с данной точкой зрения [Бакиев 2015: URL].

Принципы становления обеспечивают адекватную реакцию системы в состоянии неравновесности на внешние колебания. Таких принципов пять: три порождающих принципа (нелинейность, незамкнутость, неустойчивость) и два конструктивных принципа (эмерджентность и наблюдаемость). Названные принципы не только отвечают за реакцию системы на внешние факторы, но также способствуют обновлению системы [Буданов 2006: 162].

Так, порождающие принципы становления являются необходимым условием для возникновения внутри систем нового качества. Также, их действие можно

охарактеризовать как соблюдение «трёх НЕ»: нелинейности, незамкнутости, неустойчивости [Калашникова 2019: 24].

1. В синергетике под нелинейностью подразумевается многовариантное развитие системы. Согласно таким исследователям как Н.А. Тельнова, Л.А. Мосионжник и Л.А. Асланов, принцип нелинейности характеризуется следующим:

- Система обладает сложной одновременно гетерогенной и полиморфной структурой.
- Отрицается принцип суперпозиции – результат деятельности системы не складывается из результатов деятельности её компонентов.
- Отрицание существования абсолютных критериев и моделей развития системы, а также универсальной системы отсчёта.
- Эволюция системы происходит за счёт стремления системы к оптимальному состоянию среди других систем [Асланов 2001; Мосионжник 2003; Тельнова 2006].

Так, данный принцип является противоположностью принципа линейности классической парадигмы, подразумевающей движение системы в определённом заданном изначально направлении. Принцип линейности применяем лишь в рамках стабильного развития системы, в то время как системы далеко не всегда находятся в состоянии стабильности. Они регулярно подвергаются внешним воздействиям [Бакиев 2015: URL].

2. Под незамкнутостью системы понимается её открытость для взаимодействия с окружающей средой и способность обмена энергией и информацией с этой средой. Именно данный принцип способствует самоорганизации и регуляции гармоничности системы в хаотичном состоянии. Р. Ровинский описывает два условных варианта, как именно открытая система способна выйти из кризисного состояния: 1) конструктивный путь, при котором объем поступающей в систему энергии превышает уровень энергии вытекающей,

2) деструктивный, где система может избежать кризиса только обратным путём [Ровинский 2006].

Также одной из особенностей открытых систем можно считать её энтропийность – степень неупорядоченности системы, мера её порядка или хаоса. Одним из первых, кто описал суть энтропии, был Л. Больцман, который выразил смысл данного термина как отражение дезорганизации системы [Пригожин 1985: 30]. Согласно физическим законам, энтропия системы находится в постоянном процессе повышения, что часто может привести к гибели системы, однако этот закон не всегда касается открытых систем [Бакиев 2015: URL].

Открытые системы, благодаря процессу диссипации – рассеиванию лишней энергии, способны поддерживать низкий уровень энтропии. Так, диссипативность системы заключается в её способности к взаимодействию с окружающей средой, проявляющаяся в рассеивании отработанной информации (энергии), не отвечающей тенденции развития системы на качественно новом уровне организации [Пономаренко 2004; Haken 1990].

Получается, что несмотря на то, что в широком смысле незамкнутость системы и обеспечивает её самоорганизацию, только лишь этого свойства недостаточно. По мнению С.П. Курдюмова и Е.Н. Князевой, не в каждой открытой системе можно наблюдать процесс самоорганизации, так как обмен энергией или информацией с окружающей средой является результатом двух противоположных процессов: рождения новых структур и, как следствие, неоднородностей с одной стороны, и рассеивания этих самых неоднородностей во внешнюю среду с помощью процесса *диссипации* [Князева, Курдюмов 1994: 20].

Также важно отметить, что система принципиально незамкнута в точках неустойчивости [Калашникова 2019: 26].

3. Неустойчивость в синергетике понимается как источник появления новой организации или иного порядка. При увеличении объёма внешнего воздействия на систему, увеличивается и уровень энтропии – её неупорядоченности. Так, в результате действия принципов нелинейности и

незамкнутости, система покидает область гомеостаза и оказывается в неустойчивом состоянии.

В течение долго времени неустойчивость системы воспринималась исследователями как её недостаток. Однако осознание непредсказуемости и неустойчивости поведения в динамических системах послужило прорывом в понимании сложности устройства окружающего мира и предпосылкой введения таких важных понятий синергетики, как динамический хаос, фрактал и странный аттрактор. Так, в синергетике неустойчивость, как бы парадоксально это ни звучало, один из важнейших факторов стабильного развития системы [Калашникова 2019: 26].

И.Р. Пригожин также отмечает, что неустойчивость системы всегда приводит к беспорядку, однако беспорядок и порядок существуют одновременно. В пример исследователь приводит случай из обычной жизни: подлетая на самолёте к Венеции, из окна иллюминатора человек видит строго организованную, упорядоченную структуру, но, оказавшись в городе, может замечать неубранные улицы или беспорядочно движущихся людей. Так, в философии синергетики важную роль играет дуализм мировидения [Пригожин 1991: URL].

Также важно отметить, что в неустойчивом состоянии система сильно подвержена *флуктуациям* (колебаниям), что приводит за собой повышенную чувствительность к факторам внешней среды. «Некоторые воздействия и их комбинации (флуктуации) настолько сильны, что организация системы их не выдерживает и становится неустойчивой» [Пиотровский 2006: 15-16]. Но именно благодаря таким возмущениям система обретает перспективу обретения новых, усовершенствованных форм организации. Так, неустойчивость является залогом эволюции динамической системы [Свирский 1991: URL].

4. Принцип эмерджентности заключается в процессе порождения нового качества на одном уровне системы по средствам изменения параметров порядка, прохождения точки *бифуркации* и в следствие перестройки структуры системы [Калашникова 2019: 27]. Бифуркацией называется акт спонтанного, внешне ничем

не детерминированного, а поэтому непредсказуемого разделения надвое изначально однородного материала, процесса, хода событий. Сам процесс может породить множество дроблений отдельных ветвей (полифуркацию) [КЭСФТ 2006].

Так, при описании процесса появления новых состояний в точке бифуркации не обойтись без языка трёх уровней системы: микро-, макро- и мегауровней. При достижении точки бифуркации параметры порядка макроуровня возвращают отданные степени свободы и растворяются в хаосе микроуровня. Так, оставшись без срединного уровня, мега- и микроуровни начинают работать вместе, порождая обновлённый макроуровень. Момент, когда на макроуровне осуществляется процесс выбора нового пути развития, называют состоянием кризиса. Таким образом, медлительный в ситуации бытия параметр порядка становится самым стремительным в ситуации становления [Буданов 2008: 61-63]. Соответственно, С.П. Курдюмов выделяют режимы обострения (англ. blow up) – сверхбыстрого нарастания процессов в синергетических системах, при которых характерные величины (температура, энергия, денежный капитал и т.п.) неограниченно возрастают за конечное время [Князева, Курдюмов 1994: 25-26]. Так, вне режима обострения система метастабильна и относительно устойчива. Подходя к моменту обострения, система становится все более чувствительной даже к самым малым возмущениям (флуктуациям), которые влекут за собой потерю гармоничного сочетания скоростей структурных процессов системы и как следствие – её распад [Князева, Курдюмов 1994: 82-83].

5. Следующий принцип – наблюдаемости – акцентирует относительность процесса познания системы. Так, наблюдатель обладает ограниченными возможностями влияния на поведение изучаемых синергетических систем, так как трансформации нелинейных процессов предсказать невозможно, а взаимодействие системы и средств её наблюдения неконтролируемо. Так, интерпретация результатов исследования в синергетике зависит от масштаба наблюдений: то, что с позиций макроуровня являлось хаотичным, в масштабе микроуровня превращается в упорядоченную структуру [Буданов 2008: 64]. Для того, чтобы

описать систему целостно, необходимо сложить дополняющие друг друга сведения наблюдателей разных уровней [Тельнова 2006: 19-20].

На основе данных принципов, синергетика предлагает уникальную методологию исследования самоорганизации в открытых диссипативных системах. С её помощью становится возможным рассмотреть развитие определённых явлений с позиции чередования двух противоположных фаз (порядка и хаоса), а также прохождения следующих стадий: порядок – неравновесное состояние системы, вызванное внешними флуктуациями – точка бифуркации – хаос – диссипация излишней энергии – становление нового порядка – движение системы в направлении аттрактора [Бакиев 2015: URL].

Таким образом, описанные выше принципы синергетики имеют важное методологическое значение при описании не только динамических систем, но также и целостного образа Вселенной [Калашникова 2019: 29].

1.5.3. Интеграция методологии синергетики в область лингвистических учений

Универсальность синергетических идей и их широкая применимость стали причиной популяризации синергетики среди многих отраслей науки. Так, синергетике удалось выйти за границы исключительно «физико-математической дисциплины» [Канке 2008: 228] и стать «общенаучной теорией самоорганизации сложных и сверхсложных систем» [Комарова 2012: 272]. Являясь феноменом постнеклассической картины мира, синергетика «заражает идеей» о существовании единой методологии исследования окружающего мира, так как является связующим звеном между точными, естественными и гуманитарными науками и рассматривает феномены природы во «всеединстве» [Чернавский 2001: 78-79].

Так, многие учёные полагают, что синергетические идеи имеют широкую степень интегративности. Е.Н. Князева утверждает, что исследования в рамках

синергетики имеют также и синтетическую ценность и применимы к исследованию человека и его культуры, и творческой интуиции [Князева 2000, URL]. Таким образом, именно синергетика смогла предложить универсальный математический код и методологию, позволяющие осуществление синтеза опыта точных, естественных и гуманитарных наук [Бакиев 2015: URL].

В рамках лингвистики уже давно используются термины, пришедшие из контекста синергетической модели исследования: холизм, целостность, целенаправленность, функциональность системы, внутренняя иерархическая система (принцип непосредственных составляющих) [Молчанова 2009: 200].

В.Г. Буданов разграничивает строгую, «точную» синергетику, которая является «ядром» данной науки, и метафорическую синергетику, которая, подобно «ауре», окружает «ядро». И чем дальше от ядра лежит область исследования, тем уменьшается строгость интерпретации синергетических явлений и оперирование профессиональной терминологией. Однако именно метафорическая синергетика является отправной точкой для междисциплинарных исследований, так как эта область имеет потенциал для создания новых идей и методов, обеспечивая ядро синергетики приростом интереса научного сообщества [Буданов 2008: 22]

Язык, однако, имеет глубоко синергетическую природу, и под этим углом может быть рассмотрен в рамках лингвистики и синергетики как суперсистема [Еникеева 2011: 444].

Интеграция синергетических идей и методов в языкознание имела предпосылки ещё в работах И.А. Бодуэна де Куртенэ, А.А. Потебни, Ф.Ф. Фортунатова, в XX веке в работах Н.Д. Арутюновой, В.В. Виноградова, Е.С. Кубряковой, Ю.М. Лотмана, А.А. Реформатского, Б.А. Серебренникова, Ю.С. Степанова, Л.В. Щербы, Р.О. Якобсона и др. [Калашникова 2019: 30-31]. Однако в то время исследовали изучали только отдельные части языковой системы [Мельников 1973, URL]. В дальнейшем, системный подход развивается в качестве коммуникативной теории социальности, где коммуникация приобретает функциональный характер, однако методология исследования сосредоточена на изучении поведения языковой системы в статике [Гураль 2007: 7].

В.И. Аршинов и Я.И. Свирский обращают взгляд лингвистики на исследование языка в качестве открытой динамической системы в 1994, выпустив свой научный труд «Синергетическое движение в языке». В данной работе учёные пытаются осмыслить отношения между языком как объектом синергетики, метаязыком и исследователем не только находящимся в нелинейной среде, но и мыслящим посредством данной среды [Калашникова 2019: 31].

Г.Г. Москальчук в своей работе («Структурная организация и самоорганизация текста», 1998 г.) обращает внимание на форму текста. По мнению исследователя, она обладает структурной и содержательной спецификой, а образование формы текста протекает по законам физики. Следовательно, форма текста может поддаваться систематизации [Калашникова 2019: 31].

И.А. Герман и В.А. Пищальникова («Введение в лингвосинергетику» (1999), Пищальникова В. А. «Психопоэтика» (1999), Герман И. А. «Лингвосинергетика» (2000)) исследуют содержательный аспект языка через призму синергетики. Как основатели психолингвистического направления, учёные изучают различные аспекты смыслопорождения в речевой деятельности с позиций синергетики [Калашникова 2019: 31].

Р.Г. Пиотровский также внёс большой вклад в развитие синергетических принципов в рамках лингвистики. В своих исследованиях он систематизирует методологию лингвосинергетики, упорядочивая понятия данной дисциплины и разрабатывая технологию исследования, такую как алгоритм проведения модельно-гипотезного эксперимента. Особенно Р.Г. Пиотровский обращает внимание на «скрытые механизмы» развития языка в динамическом и синхроническом аспектах с точки зрения синергетики [Пиотровский 2005]

Н.Л. Мышкина вырабатывает контрадиктно-синергетический подход к языку, раскрывающий синергетическую природу языка, что позволяет не только исследовать его системные и асистемные аспекты, но и определять ожидаемые траектории развития языка. Также, данный подход описывает законы понимания и интерпертации текстов, а также смысла смысл языковых единиц любых уровней [Мышкина, 1999].

Л.В. Бронник занимается исследованием когнитивно-синергетического подхода к изучению языка. На основе метода моделирования автор выстраивает когнитивно-синергетическую картину языка, разрабатывая методику изучения отдельного явления на базе синтеза результатов эволюционно-синергетических и лингвокогнитивных исследований [Бронник 2011; Бронник 2012].

Немаловажным достижением лингвистической синергетики является интеграция метода фрактального моделирования в исследования явлений языка. Так, в трудах С. Н. Плотниковой («Фрактальность дискурса как новое лингвистическое понятие», 2011) развивается новая теория фрактальности дискурса и описывается методология его анализа. Также с помощью данной методики является возможным построение модели двухпространственной и четырехпространственной метафоры при помощи фракталов «древо», «ризомы» и «спираль» [Muryasov, Samigullina, Bakiev 2018: 139-142]

Таким образом, синергетическая парадигма нашла своё применения в разных направлениях языкознания: когнитивистика, психолингвистика, этнолингвистика и др. Синергетическая методология обладает огромным потенциалом применения в лингвистике для изучения процессов организации языковых систем и анализа языковых явлений.

1.5.4. Исследование концепта в рамках когнитивной лингвосинергетики

Современное языкознание все чаще прибегает к использованию синергетической методологии, что обуславливается стремлением исследователей постичь глубину и сложность организации различных явлений языка и речи. Синергетика, располагая междисциплинарной методологией, позволяет включить в область исследования новые измерения, открывая учёным эту возможность.

В лингвистике понятия, взятые из поля исследования синергетики, используются уже давно: холизм, целостность, целенаправленность, функциональность системы, внутренняя иерархическая система и др. [Молчанова 2009: 200]. Это свидетельствует о том, что синергетический подход не просто

применим к изучению явлений языка, но и необходим, так как он способствует более глубокому исследованию сути языковых структур и организации когнитивных образований [Калашникова 2019].

Когнитивная лингвистика также не может оставаться в стороне, так как сознание и язык, несомненно, являются сложными системами, динамика и многомерность которых не всегда могут быть исследованы лишь при помощи доступных когнитивной лингвистике методов. Однако глубокий синтез двух областей исследования, по мнению таких учёных, как Л.В. Бронник, требует его оформления в отдельную дисциплину – когнитивную лингвосинергетику. Принципиальное отличие этой новой дисциплины языкознания в том, что в противовес когнитивной лингвистике, где связь между языком и мышлением определяется функционально и инструментально, здесь взаимодействие играет роль движущей силы их преобразования [Бронник 2008:].

Так, по мнению Л.В. Бронник, классическая когнитивная лингвистика рассматривает язык и мышление как автономные изолированные системы, в то время как благодаря синергетическому принципу незамкнутости когнитивная лингвосинергетика, помимо когнитивной системы и её подсистем (языка), включает в исследование также и внешнее окружение. Таким образом, когнитивная лингвосинергетика снимает с себя ограничения, наложенные когнитивистской традицией – рассмотрение сознания как локального процесса, и исследует также роль среды в динамике ментальных и языковых/речевых процессов. Принцип взаимодействия синергетики рассматривает среду не просто как пассивное окружение языка и сознания, но как активного участника процесса их становления и развития [Бронник 2008:].

Из этого следует, что и концепт, как основополагающее понятие когнитивной лингвистики, в рамках когнитивной синергетики будет изучаться в соответствии с принципами синергетики – как открытая система, взаимодействующая с социокультурной средой и нижележащими процессами. Такое сложное взаимодействие можно представить в виде следующих связей:

- прямых, направленных снизу вверх (тело → нейropsychические процессы → концепт → дискурс → социокультурная среда);
- обратных, ориентированных сверху вниз (тело ← нейropsychические процессы ← концепт ← дискурс ← социокультурная среда).

Изучение динамики системы предполагает выявление сил, вызывающих её изменения [Gelder, Port 1995: 7].

Таким образом, методология когнитивной синергетики является синтезом принципа универсального эволюционизма, идеи системности, теории самоорганизации и когнитивного подхода к языку, который в синергетике воплощается через идею динамицизма. Главная идея динамического подхода к изучению сознания состоит в том, что когнитивные системы следует изучать как динамические системы. Соответственно, когнитивно-синергетический подход к изучению концепта можно определить как стратегию изучения возникновения, функционирования и развития его системы, в основе которой лежит взаимодействие тела, мышления и социокультурной среды в различных пространственно-временных масштабах [Бронник 2010]. Стоит отметить, однако, что, несмотря на существующие исследования концептов с позиции, когнитивно-синергетического подхода, единого метода изучения концепта через призму синергетических принципов пока что не выработано [Бронник 2011].

Основным понятием синергетического подхода принято считать систему и концепты, в виду своей многоуровневой, сложной структуры, являются системами. Однако концепт, как уже было указано, система не статичная, а динамичная, взаимодействующая с его дискурсивной средой, что в синергетике принято называть «открытой системой». Структура системы концепта также может быть как устойчивой во времени, так и изменчивой, и для понимания последней недостаточно будет дать её статичное описание. Так, в синергетических исследованиях для описания таких систем используют модель динамической системы – систем, меняющихся во времени [Culicover, Nowak 2003: 194].

Описание концепта как динамической системы подразумевает, что в конкретный момент своего существования концепт будет находиться в фазе, которую можно описать набором свойств, репрезентирующих его структуру и организацию, а совокупность всех возможных подобных фаз будет называться пространством состояний. Одну из таких фаз можно представить как точку в некоем абстрактном пространстве (пространстве состояний), где система концепта может двигаться из одной фазы в другую. Форма траектории такого движения свидетельствует о характере динамики системы концепта [Бронник 2011]. Такая динамическая модель концепта применяет принцип «белого ящика», реализующую следующие этапы состояния (фазы) системы концепта:

- Вход – воздействие контекста дискурса.
- Внутренняя динамика – взаимодействие между собой частей системы.
- Выход – результат взаимодействия частей системы, внешнее функционирование в дискурсе.

Данная модель «белого ящика» выгодно отличается от бихевиористской функциональной модели, где выделяются только «вход» и «выход», а внутренний принцип работы системы неизвестен – «черный ящик». Когнитивно-синергетический подход же, напротив, сосредотачивается на процессах внутри сознания человека и учитывает внутренние изменения в концепте. Задача модели «белого ящика» в том, чтобы описать и объяснить, как изменения структуры на микроуровне воздействуют на поведение концепта как целой системы [Бронник 2011].

Таким образом, когнитивная лингвосинергетика предлагает новый взгляд на изучение концептов как сложной динамической системы. Её методология сосредоточена на взаимосвязи языка, мышления и окружающей среды как основополагающей силы их формирования. В рамках данной дисциплины концепт изучается в прямом взаимодействии с его социокультурным окружением, и основной интерес представляют принципы и законы смыслопорождения и самоорганизации этих смыслов внутри концепта.

1.5.4.1. Метод фрактального моделирования концепта

Синергетическое (постнеклассическое) мировидение предполагает, что основой организации окружающей среды могут являться отличные от классической и неклассической модели устройства мира. Так, вслед за синергетикой XX в., фрактальная парадигма XXI в. продолжает традицию новых решений актуальных проблем в исследовании нелинейных систем.

В.Д. Ашкинази определяет фрактал следующим образом: фрактал (от лат. *fractus*, сломанный, дробный, состоящий из фрагментов) – это «математический или физический объект, основным свойством которого является самоподобие» [Ашкинази, URL]. Говоря об явлении самоподобия, следует отметить, что оно выступает отличительным признаком самых разных предметов – строение горных систем и облаков, ветви деревьев, снежинки, кристаллы, экономические системы (волны Кондратьева), языковые структуры и др. Такие структуры обладают таким качеством, как «масштабная инвариантность», под чем Н.В. Мамонова и Н.С. Олизько понимают, что структуры данных явлений строго повторяются через определённые промежутки пространства, при этом сохраняя вид и форму структурных объектов [Мамонова, Олизько 2019: URL].

Так, по средствам накопления определённого опыта, фрактальные модели могут обнаруживать и имитировать как линейные, так и нелинейные эффекты, которые возникают в качестве результата взаимодействия различных факторов. Таким образом, отдельная часть фрактала содержит информацию обо всем фрактале, что позволяет увидеть простое в сложном, однообразное в разнообразном, закономерное в хаотичном [Мамонова, Олизько 2019: URL]. Фрактальность явлений действительности становится «ёмкой метафорой» для понимания и объяснения окружающего мира, позволяя исследовать процессы мышления на новом уровне. Однако «надо помнить, что во фрактальном рассуждении речь идёт о наивысших категориях обобщения» [Галушко 2014: URL].

Понятие фрактала было введено Б. Мандельбротом, когда им была открыта нелинейная, «негладкая» функция. Б. Мандельброт считал, что методов евклидовой и неевклидовой геометрии оказалось недостаточно для исследования многочисленных явлений природы, структура которых безгранично сложная и нелинейная [Мандельброт 2002]. Так, С.Н. Плотникова пишет, что фрактальность, в отличие от искусственно созданной евклидовой геометрии, это и есть геометрия природы [Плотникова 2011: 126].

Так, фрактал можно описать как форму, описывающую природу: он представляет из себя определённую геометрическую фигуру, но в это же время не имеет визуального образа. В.В. Тарасенко утверждает, что фрактал не является каким-либо чётким визуальным образом. В понятие автора фрактал – это процессуальный язык, и его форма зависит от характера бесконечных итерация и способа преобразования, а не от образа, воспроизводимого в итерациях [Тарасенко: URL].

Фрактальный анализ языковых феноменов в качестве методологического инструмента является наглядной визуализацией идеи незавершённости и процессуальности. Среди эстетических свойств фракталов следует выделить «простоту и единство, ведущие к поразительной сложности и разнообразию» [Волошинов 2000: 67]. Рассматривать языковые явления с точки зрения фрактальности – значит рассматривать их с точки зрения роста и изменения формы [Олизько 2014: 158]. Фрактальные построения в связи со своей синергетической природой отличаются сложностью и динамичностью. Причинно-следственные отношения в таких построениях непропорциональны, а также отличаются неопределённостью и случайностью. Также важным признаком фрактала считается наличие «коммуникативного» параметра фрактала – обратной связи. Фрактал движется не по внешнему пространству, а по самому себе, что подразумевает наличие бесконечной обратной связи и отсутствие потребности во внешнем пространстве [Тарасенко: URL].

Следует отметить, что безупречной фрактальной организацией когнитивные структуры обладать не могут, ведь воспроизведение такого порядка не будет

абсолютно точным. Фракталы будут представлять собой «срезы» процессов самоорганизации в изучаемой системе, на примере которых можно будет наблюдать неабсолютное самоподобие [Бак, Чен, 1991], а хаотичные процессы, присутствующие в системе языкового явления, будут рассматриваться как признак её жизнеспособности и развития. Такая хаотичная динамика способствует лёгкой адаптации системы к изменениям, какими в случае с концептов будут смыслопорождение, смена цели развития системы, появление флуктуаций и др. [Мамонова, Олизько 2019: URL].

Таким образом, при изучении концептов лингвосинергетика в первую очередь концентрирует внимание на его системности, динамичности, нелинейности и неустойчивости, а также протекающие в нём процессы самоорганизации, вызванные сменой аттрактора [Мамонова 2015: 10]. В таком случае, самой стабильной и устойчивой единицей структуры концепта будет его ядро, которое является концентратом его смыслов, организующихся в иерархическую семантическую систему. Ядро концепта также будет считаться аттрактором динамичной системы, и, соответственно, вся периферия концепта, представляющая из себя различные компоненты смысла, выраженных языковыми средствами, будет самоорганизовываться вокруг него. Так, по мере отдаления от ядра будет возрастать и количество флуктуаций и колебаний в системе, проявляя такие её качества, как открытость, неустойчивость и эмерджентность, а также диссипативность [Мамонова 2015: 10].

Изучая концепт с точки зрения его фрактальности, нужно уделять особое значение самоподобию частей целому. Так, каждый новый смысловой компонент на периферии концепта будет в какой-то степени подобен его ядровым компонентам. Таким образом, смысловые образования фрактальны относительно друг друга, что позволяет исследователю изучать концепт как самоорганизующуюся сложную систему [Мамонова 2015: 10].

При исследовании концептов с помощью метода фрактального моделирования можно использовать актуальную классификацию фракталов, предложенную Н.С. Олизько. Исследователь предлагает данную классификацию в

основном для рассмотрения фрактальности дискурсов, однако многие озвученные ей положения могут найти применение и во фрактальном моделировании концептов. Исследователь предлагает следующие модели фрактальной организации: «концентрические круги», «спираль», «ризома» и «древо» [Мамонова 2015: 11-14].

1. Модель «концентрические круги» представляет из себя самоподобные круги, вложенные друг в друга и обладающие одним центром. Наглядным примером может послужить рябь воды, исходящая в результате падения камушка или другого объекта. Тенденция симметрии, отмечает Н.С. Олизько, «обеспечивает движение «по кругу», асимметрия обуславливает поступательное движение, создающее иллюзию спирали» [Олизько 2009: 89]. Восприятию концепта в виде круга может способствовать распознавание повторяющихся структур. Смысловые компоненты в такой модели будут радиально самоорганизовываться относительно ядра концепта (аттрактора системы), благодаря чему происходит семантическое расширение содержания концепта через множество его интерпретаций. Колебания смысловых компонентов набирают силу относительно смысловому развитию системы от ядра к периферии концепта, где преобладают процессы диссипации. Чем ближе к ядерной области модели, тем более стабильна и менее подвержена флуктуациям система (Рис. 3) [Мамонова 2015: 11-14].

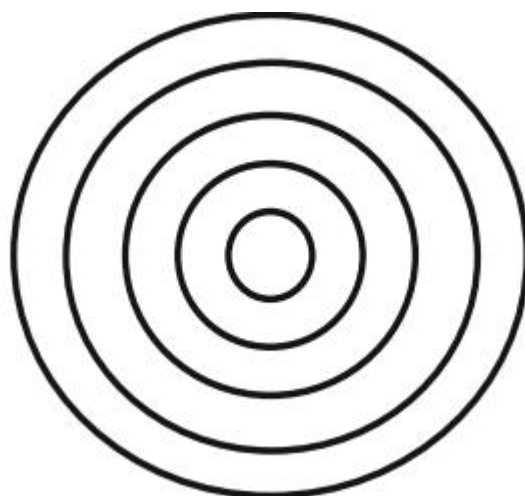

Рисунок 3. Фрактальная модель «концентрические круги»

2. Модель «спираль» – данная модель презентует идею вечного развития и изменения, бесконечности и непрерывности. В этой модели наглядно просматривается идея движения от центра (эволюция) и к центру (инволюция). Данная модель иллюстрирует процесс формообразования в динамике и развитии. Различают следующие виды спиралей: двухмерная и трёхмерная (Рис. 4) [Мамонова 2015: 11-14].

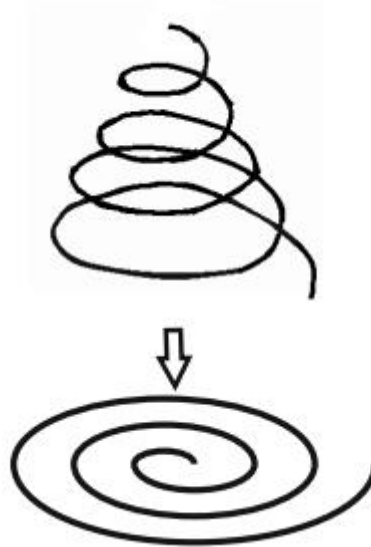

Рисунок 4. Трёхмерная модель спирали и спираль Архимеда

Рассматривая развитие концепта по модели «спираль», мы считаем центром модели ядро концепта, аттрактор системы. По мере семантической эволюции концепта смысловые компоненты самоорганизуются, образуя ядро и периферию концепта, где компоненты последней развиваются по спирали. С каждым новым витком спирали происходит смысловое развитие ядерного концепта, появление эмерджентных его смыслов. Каждый поворот идеальной спирали (цилиндрической) является симметричным отображением ядерного концепта, актуализирующего новые, по сравнению с предыдущим поворотом, значения [Мамонова 2015: 11-14].

3. Модель «ризомы» иллюстрирует разветвлённую многоуровневую структуру, которая переживает состояние динамического изменения. Характерное отличие данной модели в том, что она способна создавать «поперечные» связи между несвязанными семантическими компонентами и обладает возможностью

развиваться в любом направлении и принимать любые установки, так как ризома категорически нелинейна (Рис.5). Так, фрактал «ризома» часто изображается как разветвлённая корневая система со скрытым среди её ветвей стеблем [Бакиев 2017: 519]. Такая модель символизирует хаотичное и творческое развитие авторского замысла, отражая движение его мысли по запутанному лабиринту [Тарасенко 2009]. Ядро концепта, влияющего на развитие системы, может быть обозначено неявно, скрыто от глаз исследователя. В таком случае происходящие в системе флуктуации и бифуркации могут поспособствовать выражению неустойчивости и эмерджентности, что непременно наведёт исследователя на аттрактор, выражающий концептуально важный смысл – ядро концепта [Мамонова 2015: 11-14].

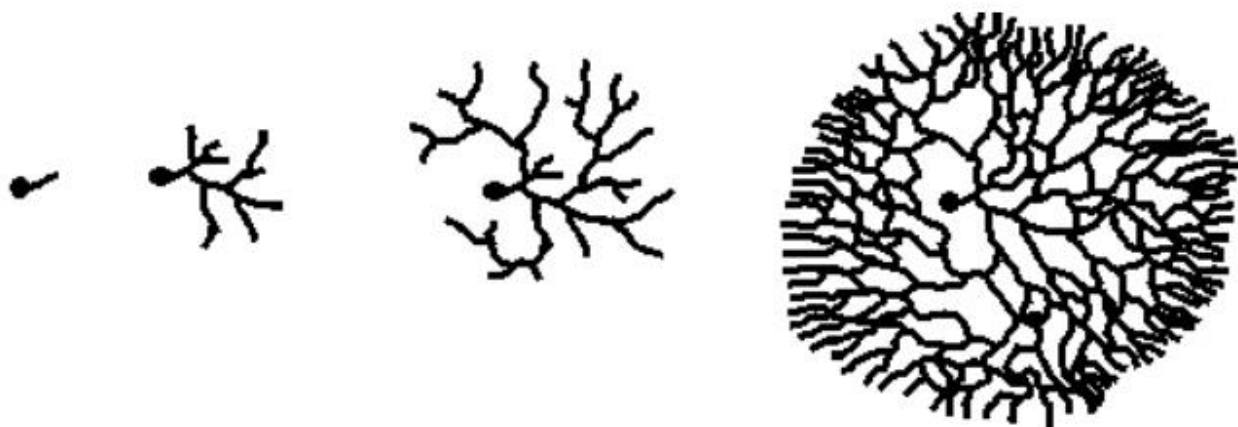

Рисунок 5. Фрактальная модель «ризома»

4. Модель «дерево» зеркально симметрична. Она выступает символом жизни и творчества. Такая модель, несомненно, является одной из самых универсальных структур мышления человека. Принципом самоорганизации такой модели является ветвление из одного центра ввиду процессов бифуркации. Такая модель часто рассматривается в двух частях: «надземной», и её зеркальным отражением – «подземной». В последней, сравнимой с корневой системой, представлены периферийные компоненты концепта, которые вследствие постоянного взаимодействия образуют крупные смысловые образования. Так, по мере развития понятия система движется от периферии к ядру – стволу дерева.

Ствол в свою очередь формирует «новые ветви» при прохождении каждой точки бифуркации (Рис. 6) [Мамонова 2015: 11-14].

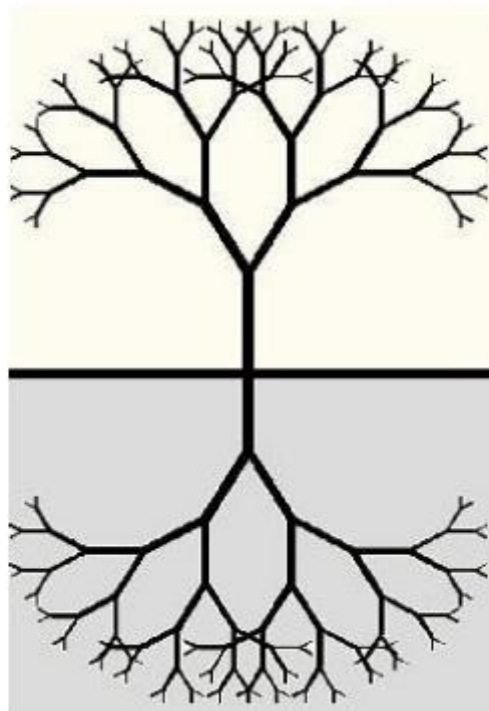

Рисунок 6. Подземная и надземная части фрактальной модели «дерево»

Таким образом, применение метода фрактального моделирования смысловых компонентов локальных концептов дискурса позволяет исследовать и репрезентировать его структурные особенности, реализующиеся в таких моделях фрактальной самоорганизации, как «концентрические круги», «спираль», «ризомы», «дерево».

1.6. Моделирование концепта «СЧАСТЬЕ/HAPPINESS» в работах современных исследователей

Концепт *СЧАСТЬЕ/HAPPINESS* уже был объектом исследований лингвистов, так как эмоциональные концепты представляют большой интерес, в частности, для лингвокультурологии, психолингвистики и когнитивной лингвистики. Изучение таких концептов помогает выявить общие представления и реакции на определённые переживания, как индивидуальные, так и общие для

определённой группы людей. Выявляя определённые закономерности восприятия тех или иных эмоций в сознании, исследователь может делать выводы о различии или схожести этого восприятия у разных народов или социальных групп, или же выявить определённые семантические компоненты, присущие данной эмоции.

Так, концепт *СЧАСТЬЕ* безусловно можно отнести к эмоциональным концептам, под которыми Н.В. Дорофеева понимает «ментальную единицу высокой степени абстракции, выполняющую функцию метапсихической регуляции и отражающую в языковом сознании многовековой опыт интроспекции этноса в виде общеуниверсальных и культурно-специфических представлений об эмоциональных переживаниях» [Дорофеева 2002: 27]. Однако в противовес приведённому определению, хочется отметить, что не всегда культурная составляющая эмоционального концепта доминирует в его формировании и восприятии. Многие эмоции, переживаемые людьми, можно считать универсальными, ведь они могут проявляться даже у младенцев, ещё не усвоивших культурно-этнические ценности (*страх, радость* и т.п.). Так, любой эмоциональный концепт универсален в человеческом сознании, и только лишь уточняется, и конкретизируется культурой и этносом [Ормокеева 2016]. Поэтому, в виду универсальности эмоциональных концептов, в данной главе будут представлены результаты уже проведённых исследований как для концепта *HAPPINESS*, так и *СЧАСТЬЕ*.

С.Г. Воркачѳв исследовал концепт *СЧАСТЬЕ* во многих своих работах. Сам концепт он относит к телеономным концептам – «высшим духовным ценностям, образующим и воплощающим для человека нравственный идеал, стремление к которому создаѳт моральную оправданность его жизни» [Воркачѳв 2007: 37]. В одном из своих исследований учёный просматривает этимологию семантической наполненности концепта *СЧАСТЬЕ*, и отмечает, что его понимание как душевного состояния относительно ново. Изначально, гиперонимом *СЧАСТЬЯ-НЕСЧАСТЬЯ* была *судьба*, а *счастливым* считался человек, которому покровительствуют боги. Однако с распадом мифологического мышления, мифологема *судьба* перестала быть доминантным семантическим признаком концепта, уступив место *удаче*.

Исследователь также отмечает, что в сравнительном современном словаре В. Даля (1953) понятия *СЧАСТЬЯ* как душевного состояния нет – есть лишь раздел *СЧАСТЬЕ-удача*. С.Г. Воркачѳв приходит к выводу, что даже в современном языке, историческая семантика находит своё отражение в реализации концепта:

- *«Ты счастливый, мой мальчик, тебе везѳт, тебе всегда и во всем везѳт» (А.Н. Толстой)*
- *«Счастливым резвым, молодым / Оставим страсти заблужденья» (Пушкин) [Воркачѳв 2002: URL].*

И.А. Арсеньева, исследуя концепт *СЧАСТЬЕ*, провела обширные этимологический, фразеологический и паремиологический анализы употребления данного концепта. Так, с этимологической точки зрения, в семантике общеславянского слова *СЧАСТЬЕ* присутствует компонент «остаться с частью» (с добычей). Паремиологический анализ и здесь показывает, что часто *СЧАСТЬЕ* понимается русским народом как *везение* (*счастливый* случай, *счастливчик* и др.). В пословицах и поговорках *СЧАСТЬЕ* часто капризно и своевольно (*СЧАСТЬЕ – вольная птичка: где захотела, там и села; СЧАСТЬЕ что волк: обманет да в лес уйдѳт* и др.). *СЧАСТЬЕ* как удовлетворѳнность жизнью в русской культуре также непостоянно и идѳт под руку с *НЕСЧАСТЬЕМ* (*СЧАСТЬЕ что палка: о двух концах; бояться неСЧАСТЬЯ – и СЧАСТЬЯ не видать* и др.). Также, *СЧАСТЬЕ* как внутреннее состояние удовлетворения может и не зависеть от внешних обстоятельств, и может культивироваться внутри человека (*СЧАСТЬЕ в нас, а не вокруг да около; СЧАСТЬЯ ключи в своих руках ищи; всякому своё СЧАСТЬЕ – в чужое не заедешь*). Личностные способности человека также могут влиять на достижения *СЧАСТЬЯ*, но не всегда (*СЧАСТЬЕ без ума – дырявая сума: где найдѳшь, там и сгубишь - для СЧАСТЬЯ ума не надо; дураку СЧАСТЬЕ везде*). В результате исследования, И.А. Арсеньева называет *СЧАСТЬЕ* «сложным феноменом», имеющим когнитивный и эмоциональный компонент, отражающий оценку своего состояния как *счастливого* или *несчастливого* [Арсеньева 2010: 11-14]. Оно также может обозначать и сиюминутную радость человека (*счастливый*

миг победы), и чем чаще человек испытывает эти эмоции, тем счастливее он себя считает. Таким образом, *СЧАСТЬЕ* определяется как осознание человеком удовлетворённости своей жизнью или как частота и интенсивность позитивных эмоций [Ильин 2008: 355]. При этом чётких критериев *СЧАСТЬЯ* не существует, ведь, согласно социологическим данным, уровень жизни или внешняя красота не сильно влияют на оценку собственной счастливости-несчастливости. Исследователь подводит итог своей работы словами: «*Каждый человек сам кузнец своего СЧАСТЬЯ*, а соответствующий молот у него и только у него в руках.» [Арсеньева 2010: 15].

При сравнительном лексикографическом анализе словарей разных годов выпуска, У.И. Идзибагандова проследила эволюцию понимания концепта от схожего с современным древнегреческого толкования концепта *СЧАСТЬЕ* как «о счастливом бытии, о наслаждении жизнью, о благосклонности судьбы и об удовлетворённости её различными аспектами», [Идзибагандова 2020: 170] до христианского понимания как состояния человека, при котором важно соответствовать моральным нормам. В досоветский период категориально-лексической семой концепта была *судьба* (*такое наше СЧАСТЬЕ, что на мосту с чашкой; всякому своё СЧАСТЬЕ*), в то время как в советский, такой семой же стало слово *состояние*, как в материальном, так и в психологическом и культурных аспектах (*самое полное СЧАСТЬЕ светится на лице его*). Лишь в постсоветских словарях появляются такие определения *СЧАСТЬЯ*, которые сводятся к категориально-лексической семе *успеха* и дифференциальной семе причины – «*достижение чего-либо*». Так, исследователь сделала вывод, что, помимо ядерной семы «состояние довольства, удовлетворения», в концепте также присутствуют такие компоненты значения, как *радость, успех, удача, судьба* [Идзибагандова 2020: 170].

Так, исследования концепта *СЧАСТЬЕ* в основном происходят в рамках лингвокультурологии с применением методик когнитивной лингвистики и психолингвистики. Такие исследования направлены в основном на изучение специфики концепта в рамках его понимания одного этноса, так как

эмоциональные концепты наилучшим образом отражают характерные черты того или иного народа.

По тем же причинам концепт *HAPPINESS* также зачастую рассматривают с лингвокультурной точки зрения, чтобы наилучшим образом представить английскую языковую картину мира. Например, в исследовании Е.В. Облецово́й и А.А. Тимошенко, также были произведены лексикографический и паремиологический анализы концепта *HAPPINESS*. Изучение словарных дефиниций позволило исследователям выявить следующие концептуальные признаки: *state of well-being, the feeling of being happy, a pleasurable or satisfying experience*. Анализ пословиц и поговорок показал следующие результаты: 1) *СЧАСТЬЕ* – не материально, его нельзя приобрести за деньги (*money can't (won't) buy HAPPINESS*), 2) состояние *СЧАСТЬЯ* можно внушить самому себе (*he is happy that thinks himself so*), 3) *СЧАСТЬЕ* может быть общим (*HAPPINESS is not perfect until it is shared*), 3) антагонизм *СЧАСТЬЯ* со скукой и болью (*the two enemies of human HAPPINESS are pain and boredom*). Также, проведя анализ языкового материала на базе Британского национального корпуса, исследователи подчёркивают, что в английской языковой картины мира концепт *HAPPINESS* крепко взаимосвязан с концептами *love* и *family* (*but on the other hand I've been happy. I really have. I've fallen in love and had someone love me back; we had a lot of enjoyment in my family, a lot of laughter*) [Облецова, Тимошенко 2020: 174-175].

Интересным и полным представляется сравнительное исследование концепта *HAPPINESS* А.С. Уженцевой в рамках трёх дискурсов: в религиозных, политических и художественных текстах. Такое разностороннее исследование было проведено с целью наилучшим образом выявить все три компонента концепта – понятийную, образную и ценностную составляющую – и посмотреть, как именно раскрывается его содержание в зависимости от дискурса, в котором он функционирует. Для начала исследователи вывели три основных понятийных компонента *HAPPINESS* с помощью этимологического и лексикографического анализов: 1) *СЧАСТЬЕ* как проявление благой судьбы, 2) *СЧАСТЬЕ*-удовлетворение и 3) *СЧАСТЬЕ* как положительное эмоциональное состояние

человека. В религиозных текстах 90% употребления лексемы репрезентируют смысл *СЧАСТЬЯ*, как дарованного *Богом*, а идея *СЧАСТЬЯ*, дарованного *судьбой* практически отсутствует. В политическом же дискурсе доминантным понятийным компонентом выступает *СЧАСТЬЕ* как *эмоциональное состояние человека*, однако, из-за пропагандистской природы политического дискурса, *СЧАСТЬЕ* становится некой целью, которая является одним из составляющих успешной жизни человека. И, несмотря на то, что политический и религиозный дискурсы являются манипулятивными, в отличие от американских проповедников, американские политики скорее склонны видеть *судьбу* как источник *СЧАСТЬЯ*, нежели возлагать надежды на божественные силы в приобретении данного блага. Ценностными компонентами концепта в религиозном дискурсе исследователь называет *веру, послушание, самоотречение, любовь и общение*. В политическом дискурсе ими стали *право, свобода, деятельность, мир*. Специфика *HAPPINESS* в бытийном дискурсе тесно взаимосвязана с общечеловеческими ценностями, и наилучшим образом раскрывается в художественных текстах. Самыми яркими ценностными компонентами изучаемого концепта в данном дискурсе становятся *любовь, семья, работа* и также *деньги* [Уженцева 2022]. Таким образом А.С. Уженцева называет концепт *HAPPINESS* многогранным лингвокультурным феноменом, наиболее полно раскрывающийся при глубоком, разностороннем исследовании.

Также, интересным для данной работы будет рассмотрение концепта *HAPPINESS* и с синергетической точки зрения, а именно при помощи фрактального моделирования. Так, Н.В. Мамонова и Н.С. Олизько реализовали модель «концентрические круги» в концепте *HAPPINESS* в британском сказочном дискурсе (сказка «The house that Jack built»).

<i>This is the house that Jack built.</i>	<i>Вот дом, который построил Джек.</i>
<i>This is the malt</i>	<i>Вот солод, что здесь хранится,</i>
<i>That lay in the house that Jack built.</i>	<i>в доме, который построил Джек.</i>
<i>This is the rat,</i>	<i>Вот крыса,</i>
<i>That ate the malt</i>	<i>съевшая солод, что здесь хранится,</i>

<i>That lay in the house that Jack built.</i>	<i>в доме, который построил Джек.</i>
<i>This is the cat,</i>	<i>Вот кошка,</i>
<i>That kill'd the rat,</i>	<i>Что задавила крысу,</i>
<i>That ate the malt</i>	<i>съевшую солод, что здесь хранится,</i>
<i>That lay in the house that Jack built.</i>	<i>в доме, который построил Джек.</i>
<i>This is the dog,</i>	<i>Вот собака,</i>
<i>That worried the cat,</i>	<i>поймавшая кошку,</i>
<i>That kill'd the rat,</i>	<i>Что задавила крысу,</i>
<i>That ate the malt</i>	<i>съевшую солод, что здесь хранится,</i>
<i>That lay in the house that Jack built</i>	<i>в доме, который построил Джек.</i>
<i>(K. A. Briggs. The house that Jack built)</i>	<i>(здесь и далее перевод Н. В. Мамоновой).</i>

Так, лексический повтор смысловых единиц отражает стремление системы к идеальному математическому подобию. Через добавление смысловых компонентов в систему (*malt, rat, cat, dog*) последовательно протекает семантическое расширение концепта. В британском фольклоре хмель (*malt*) является символом жизнеспособности, благополучия, веселья и счастливой семейной жизни. Крыса (*rat*) может ассоциироваться как с благоразумием, так и со злобой, разложением. Семантический компонент «кот» (*cat*) презентует связь с иным миром, а также домашнее тепло, «собака» (*dog*) – верность, процветание [Мамонова, Олизько 2017: 110].

Эти компоненты составляют периферийные значения концепта *HAPPINESS* и самоорганизуются относительно его ядра – «дом» (*house*), означающую в фольклоре Британии самую важную составляющую жизни каждого человека – семейная трапеза, достаток, тепло и уют, доверительные отношения, гарантирующие процветание (Рис.7) [Мамонова, Олизько 2017: 110].

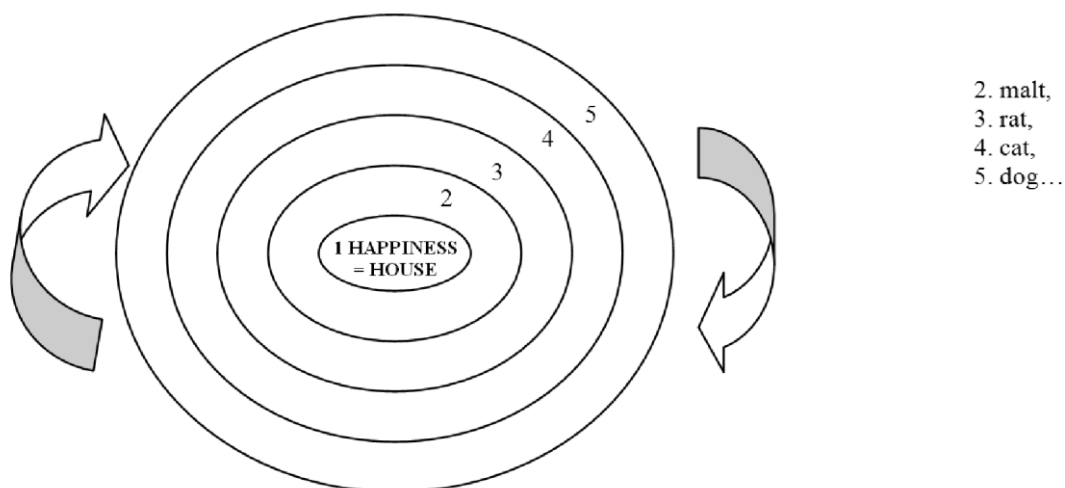

Рисунок 7. Фрактальная модель «концентрические круги» реализации локального концепта *HAPPINESS* в сказке «The house that Jack built»

Намеренные повторы лексических конструкций и семантическое обогащение концепта символизируют коллективный опыт предыдущих поколений о простых секретах процветания и благополучия [Мамонова, Олизько 2017: 110].

Так, метод фрактального моделирования позволяет исследовать концепт как семантическую систему хаоса посредством выделения в самом хаосе элементов порядка. Выявление фрактальных структур делает возможным выявление изменчивости смысловых траекторий концепта, и раскрывает их значение в процессах самоорганизации в нелинейных системах различных масштабов [Мамонова, Олизько 2017: 111].

Таким образом, концепт *СЧАСТЬЕ/HAPPINESS* уже давно представляет интерес для исследования в различных отраслях лингвистики: лингвокультурологии, психолингвистики, когнитивной лингвистики и даже лингвосинергетики. Этот концепт является сложным и многогранным по своей семантической структуре, и должен быть рассмотрен с разных точек зрения, при применении различных и междисциплинарных методик.

Выводы по Главе 1

1. Формы взаимодействия языка и мышления являются предметом исследования лингвистики уже несколько десятилетий. Взгляды на характер данного взаимодействия разнообразны, и практически каждый положил начало собственной языковедческой школе: отождествляющей оба явления, признающей определённые различия между ними, или же исследующей влияние языка и мышления друг на друга. Однако независимо от школы исследования, современная лингвистика признает, что язык и мышление являются неотъемлемой частью друг друга, так как мышление приобретает форму только по средствам языка, и зачастую может подвергнуться анализу лишь с его помощью. Наукой, исследующей связь языка и мышления, является когнитивистика, а её синтез с языковедением – когнитивной лингвистикой.

2. Основным понятием когнитивной лингвистики многие исследователи признают концепт. Являясь ментальной единицей, концепт не может быть непосредственно наблюдаем, отчего существует несколько подходов к трактовке сущности этого явления. Однако, являясь продуктом мыслительной деятельности человека, концепты несут универсальный характер, отчего невозможно строго отнести его к одной из существующих лингвистических школ. Многие из подходов к пониманию термина выделяют в нём общие черты, которые можно свести к следующему определению: концепт – это ментальное образование, отражающее действительность в человеческом сознании и несущее в себе некую культурную информацию, которое находит своё вербальное и знаковое отражение в языке.

3. Структура концепта также варьируется от подхода к подходу. Так, исследователи, относящие себя к лингвокультурной школе исследования концепта, выделяют в его структуре ценностную и этнокультурную составляющие. Лингвокогнитивный же подход, напротив, считает культурный элемент факультативным, и больше сосредотачивается на индивидуальном восприятии явления, чем на коллективном. Однако общим для обоих подходов будет признание

наличия у концепта ядра – основного семантического значения, и периферии – вариаций его трактовки и когнитивных признаков.

4. Исследованием семантической наполненности вербальных выражений концепта, а также его взаимосвязи с сознанием человека занимаются представители лингвокогнитивного подхода к исследованию концепта. В рамках данного течения, существует несколько классификаций концептов, однако самая популярная из них разделяет концепты по следующим категориям: представление, схема, понятие, фрейм, сценарий, гештальт. Представления, схемы, фреймы, сценарии, понятия и гештальты имеют сильную взаимосвязь как в ментальной деятельности человека, так и в его коммуникативной практике. При этом, один концепт может актуализироваться в человеческом сознании сразу на нескольких уровнях, например, схематическом, понятийном и фреймомом и др.

5. Данная школа также обладает эффективными и широко применяемыми методами исследования изучаемого явления. Основным методом, рассмотренным в данной работе, является метод построения номинативного поля концепта (НПК) разработанный З.Д. Поповой и И.А. Стерниным. НПК строится по средствам установления ключевого слова (основного вербального репрезентанта концепта) и его синонимического ряда, что вместе будет составлять ядро концепта, а также построении его периферии, путём анализа фразеологических сочетаний, пословиц и поговорок, устойчивых выражений или словосочетаний, включающих слово-репрезентант концепта.

6. Интерес для данного исследования также представляет психолингвистический подход к изучению концепта, так как именно психолингвистика предоставляет исследователям широкий ряд экспериментальных методик, позволяющих выявить «живые» когнитивные признаки концепта в человеческом сознании. Такой методикой является ассоциативный эксперимент, помогающий реконструировать актуальное семантическое содержание концепта, и построить ассоциативно-вербальную сеть, отражающую образ концепта в сознании человека.

7. Также задачей данной работы является изучить концепт с синергетической точки зрения, поэтому она рассматривает и относительно молодую науку – лингвосинергетику. Синергетика, по мнению многих учёных, является ядром постнеклассической картины мира, так как она открывает новый ракурс исследования открытых, диссипативных, нелинейных систем, при этом сохраняя свою антропоцентрическую направленность. Синергетика поддерживает принцип плюрализма, подразумевающий стирание строгих границ между естественными и гуманитарными науками.

8. Синергетическая мысль во многом строится на основных принципах синергетики: принципах бытия и становления, отражающих смену противоположных фаз существования сложных нелинейных систем – хаоса и порядка. Данные принципы являются основой уникальной методологии синергетики, позволяющей рассмотреть развитие системы от стадии гомеостаза – её спокойного состояния, вхождения в неравновесное состояние в виду внешних флуктуаций, и до становления нового порядка – движения системы в направлении нового аттрактора. Так, синергетическая парадигма может применяться в различных направлениях языкознания, так как язык сам по себе бесспорно является сложной и нелинейной системой, и синергетическая методология предоставляет возможность изучения процессов организации языковых систем и анализа языковых явлений.

9. Концепты также могут быть изучены с применением синергетической методологии, так как они могут считаться сложной динамической системой. Данными исследованиями, как правило, занимается когнитивная лингвосинергетика, изучающая взаимосвязь языка, мышления и окружающей среды как основополагающей силы их формирования. Данная отрасль языкознания рассматривает концепт в непосредственном взаимодействии с социокультурным окружением и основной интерес представляют принципы и законы смыслопорождения и самоорганизации этих смыслов внутри концепта.

10. Одним из действенных способов изучения концепта с синергетической точки зрения является применение метода фрактального моделирования. Данная

методика позволяет выявить структурные особенности концепта, и построить модель его самоорганизации по принципу фрактальности – самоподобию – в виде моделей «концентрические круги», «спираль», «ризома» и «дерево».

11. В данной работе были также рассмотрены некоторые из существующих исследований концептов *счастье/happiness*. Было установлено, что данный концепт уже давно представляет интерес для исследования в различных областях лингвистики, так как его семантика сложна и многогранна. Также, многие исследователи относят данный концепт к эмоциональным или телеономным концептам, так как он обладает высокой степенью абстракции и отражает восприятие духовных ценностей человека. Были отмечены взаимосвязь концепта *СЧАСТЬЕ* с такими понятиями как *судьба* или *удача*, где первый указывал на его связь с религиозным сознанием человека, а второй обозначал уход от такого способа мышления. Так, концепт *СЧАСТЬЕ/HAPPINESS* располагает многогранной семантической наполненностью и несомненно может и должен быть рассмотрен в рамках междисциплинарного исследования, способного наиболее полно отразить глубину его содержания.

ГЛАВА 2. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ДИСКУРСА В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

2.1. Понятие дискурса

Вопрос взаимоотношения языка и текста долгое время вызывал дискуссии в лингвистическом сообществе – с одной стороны, отрицать наличие связи между этими двумя явлениями было невозможно, но, с другой стороны, отсутствие прямой корреляции между ними очевидно. По этим причинам многие языковеды поставили своей целью найти некий средний элемент, находящийся между языком и текстом. Так, в середине XX века появляется термин «дискурс» для уяснения сущности связи между текстом и языком.

Дискурс, несомненно, является одним из самых многозначных понятий в современной лингвистике. Эта многозначность и располагает к широкому применению дискурсивного анализа в различных сферах гуманитарных наук, предмет исследования которых так или иначе предполагает изучение функционирования языка, например, в литературоведении, семиотике, философии, этнологии, социологии, антропологии и др. [Н. Ф. Алефиренко, Е. Г. Озерова, И. И. Чумак-Жунь, М. А. Голованева: URL]. Однако именно из-за востребованности понятия «дискурс» его определение вызывает значительные сложности, так как использование термина в различных областях науки порождает формирование его различных трактовок.

Современная теория дискурса начала формироваться в самостоятельную дисциплину в 70-е годы XX века. Однако ещё до её появления были предприняты попытки определить понятие дискурса. Так, в словаре немецкого языка, разработанном Якобом Вильгельмом Гримом, были указаны такие параметры дискурса, как: 1) диалог, беседа; 2) речь, лекция. Именно этот подход к пониманию термина был характерен в период становления теории дискурса в рамках исследования лингвистики текста, которые выходили за рамки изучения изолированного высказывания и сосредотачивались на анализе синтагматической

цепи высказываний – текста, с целью рассмотреть язык как цельное средство коммуникации и связь языка с различными сторонами человеческой деятельности, которые реализуются через текст. Изучение лингвистики текста повернуло научный интерес языковедческого сообщества от лингвистики языка к лингвистике речи, к акту коммуникации. Однако многие исследователи посчитали термин «лингвистика текста» не совсем удачным, и некоторые из них использовали термин «дискурс» для определения связной речи [Хурматуллин: URL].

Также многосторонность понятия «дискурс» отмечена в «Кратком словаре терминов лингвистики текста» Т.М. Николаевой: «Дискурс – многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных. Важнейшие из них: 1) связный текст; 2) устно-разговорная форма текста; 3) диалог; 4) группа высказываний, связанных между собой по смыслу; 5) речевое произведение как данность – письменная или устная» [Николаева: 467]. И.А. Солодилова же определяет дискурс как «коммуникативное явление, включающее всю совокупность знаний, связанных с процессом текстопорождения» [Солодилова 2014: 35].

Зарубежные исследователи, такие как Патрик Серио, представитель французской школы анализа дискурса, трактуют дискурс как «высказывание, рассматриваемое с точки зрения дискурсного механизма, который им управляет. Лингвистическое исследование условий производства текста определяет его как дискурс» [Серио 2001: 550].

Становление теории дискурса значительно продвинуло лингвистическую науку вперед и поставило перед учёными новую задачу – описать и определить понятие дискурса. Так, ввиду полисемичности термина в современной лингвистике можно выделить несколько подходов к определению дискурса:

1. Коммуникативный подход. Данный подход рассматривает дискурс как вербальное общение/диалог/беседу и т.п. В рамках данного подхода понятие дискурса раскрывается как «некая знаковая структура, которую делают дискурсом её субъект, объект, место, время, обстоятельства создания (производства)» [Карасик 1999: 5]. Понимание дискурса как коммуникативного события берет

начало от концепции Т.А. ван Дейка, которая утверждает, что дискурс в широком его понимании является комплексным единством языковой формы, значения и действия, которое можно охарактеризовать при помощи понятия коммуникативного события или акта. Исследователь также ввёл понятие прагматического контекста – теоретической и когнитивной абстракции разнообразных ситуаций, отражающей исходный контекст коммуникации. [Дейка 1989: 121-122]. Так, согласно Ю. Н. Караулову и В. В. Петрову, в рамках коммуникативно-ориентированного подхода дискурс является сложным явлением коммуникации, который помимо текста включает в себя также и внеязыковые факторы, влияющие на его производство и восприятие [Караулов, Петров 1989: 8].

2. Структурно-синтаксический подход. В рамках этого подхода дискурс рассматривается как часть текста, а именно образование выше уровня предложения, обладающее сверхфразовым единством. Дискурс представляет из себя два или несколько предложений, которые обладают смысловой связью, и именно эта связность является одним из главных признаков дискурса [Макаров 2003, Хурматуллин: URL]. В.А. Звегинцев также разделяет позицию данного подхода, определяя дискурс как «два или несколько предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи», однако отмечает, что дискурс также может состоять и из одного предложения, если это предложение соответствует тем же признакам, которыми отличаются связанные по смыслу множество предложений [Звегинцев 1976: 170-171]. В.З. Демьянков также определяет дискурс как произвольный фрагмент текста, состоящий из более чем одного предложения, или независимой части предложения [Демьянков 1982: 7]. Так, К.Д. Войцех отмечает, что структурно-синтаксический подход сосредотачивается на функционально-структурной составляющей, исследуя связь между единицами языка и дискурсом, однако не берет в расчёт экстралингвистические факторы [Войцех 2022: 16].

3. Функциональный подход. Согласно данному подходу, дискурсом можно называть любое употребление языка. Согласно М.Л. Макарову, в рамках данного подхода исследование дискурса будет происходить в совокупности с

функциями языка, подразумевая изучение всего спектра последних и элементов дискурса [Макаров 2003: 85].

4. Структурно-стилистический подход трактует дискурс как нетекстовую организацию разговорной речи, для которой характерно нечёткое деление на части, главенство ассоциативных связей, спонтанность и ситуативность, контекстность и стилистическая специфика [Хурматуллин: URL].

5. Социально-прагматический подход рассматривает дискурс как текст в ситуации общения, как социальный или идеологически обусловленный тип высказывания, как «язык в языке» представленный в виде социальной данности [Хурматуллин: URL].

Также интересным является трактовка дискурса, предложенная В.Е. Чернявской. По мнению исследователя, существует как минимум два подхода к определению дискурса:

1. Более узкое понимание термина, где дискурс является «конкретным коммуникативным событием, фиксируемым в письменных текстах и устной речи, осуществляемым в определённом ... коммуникативном пространстве» [Чернявская 2006: 75].

2. Более широкий подход, в котором дискурс трактуется как совокупность тематически соотнесённых текстов, объединяемых в дискурс, обращённых, так или иначе, к одной общей теме. «Содержание дискурса раскрывается не одним отдельным текстом, но интертекстуально, в комплексном взаимодействии многих отдельных текстов» [Чернявская 2006: 76]. В современной лингвистике такое понятие дискурса часто лежит в основе многих исследований, например, политического дискурса, рекламного дискурса, бытового дискурса и др. Ю.С. Степанов даёт схожее определение понятию дискурса, описывая его как «язык в языке», представленный в виде социальной данности. Учёный утверждает, что разница языка и дискурса в том, что последний обладает своей собственной особой грамматикой, лексикой, обусловленных социально-контекстуальными условиями существования дискурса [Степанов 1995: 43-44]. З.Д. Попова и И.А. Стернин также рассматривают дискурс как совокупность текстов,

обладающими общими прагматическими свойствами, возникших под влиянием каких-либо социально-психологических факторов [Попова, Стернин 2005].

Таким образом, понятие дискурса в лингвистике неоднозначно. Благодаря его полисемичности, этот термин активно используется в различных сферах исследования языкознания, и оттого имеет множество определений и подходов к изучению. Однако дискурс находится в неразрывной связи с такими явлениями, как речь и текст, так как часто описывается как акт коммуникации, зафиксированный в тексте, при определённых экстралингвистических обстоятельствах. Под дискурсом также можно понимать совокупность связанных между собой текстов, объединённых одной темой.

2.2. Дискурс и текст

Несмотря на то, что в современном языкознании теория дискурса успешно оформилась в отдельную область исследования, она всё же не утратила связи с лингвистикой текста, так как обязана последней своим появлением. Сейчас понятия «текст» и «дискурс», хоть и зачастую рассматриваются неразрывно друг от друга, все же имеют чёткое разграничение.

Так, В.Г. Борботько полагает, что дискурс – это тот же самый текст, но состоящий из коммуникативных единиц языка – предложений или их смысловых единств, и воспринимающийся как цельное образование [Борботько 1981: 8]. Исследователь также обращает внимание на то, что текст, в отличие от дискурса, не всегда может представлять связную речь – дискурс. В понимании исследователя текст – более общее понятие, чем дискурс, который В.Г. Борботько называет частным случаем текста.

Н.Ф. Алефиренко, занимаясь проблемой разграничения понятий дискурса и текста, предполагает, что разница заключается в линейности и нелинейности этих двух понятий. Так, исследователь рассматривает текст как линейное образование, последовательность знаков, объединённых общим смыслом. Дискурс же

отличается своей нелинейной природой, что позволяет рассматривать его в рамках лингвосинергетики – науки о сложных, открытых и нелинейных саморазвивающихся системах [Н. Ф. Алефиренко, Е. Г. Озерова, И. И. Чумаков-Жунь, М. А. Голованева: URL].

А.Ю. Попов видит основное различие дискурса и текста в их спонтанности/динамичности и упорядоченности/статичности соответственно. Учёный противопоставляет статичный, упорядоченный по форме текст спонтанному и динамичному дискурсу. Исследователь также подчёркивает нацеленность дискурса на реакцию адресата в противопоставление закрытой текстовой системе [Попов 2001]. А.Ю. Попов отмечает «живую» природу дискурса, который живёт вместе с предметом обсуждения, и «умирает» с ним же. Текст, по мнению учёного, способен стать дискурсом только когда «к нему прикоснётся рука человека и включится его сознание» [Попов 2001:41-42].

Однако многие исследователи сходятся во мнении, что противопоставление дискурса и текста не должно возводиться в крайность. Так, Е.С. Кубрякова, говоря о «генетическом родстве» этих двух понятий, утверждает, что текст не может существовать вне дискурсивной деятельности, так как дискурс предшествует любому тексту. Таким образом, отношения между данными понятиями характеризуются причинно-следственной связью [Кубрякова 2000].

Общие свойства дискурса и текста также описываются Т.А. Ван Дейком, который считает, что участниками и текста, и дискурса являются автор и читатель [Dijk 1997]. Схожее мнение высказывается и Т.В. Дроздовой, полагающей, что, создавая научный текст, его автор не просто излагает свои мысли в письменной форме, но также включает в получившийся текст свои интенции, прагматические установки или элементы диалога с адресатом [Дроздова 2003]. Другими словами, автор погружается в дискурсивное пространство той науки, в рамках которой создается текст.

З.Д. Попова и И.А. Стернин также утверждают, что в современном языкознании нет определённо точного разграничения понятий «дискурс» и «текст», однако усматривают некие тенденции в использовании этих терминов: для

исследования дискурса имеют значения ситуации, при которых протекает речевая деятельность, обусловленная экстралингвистическими факторами, такими как её социокультурная обусловленность. Исследования текста, с другой стороны, более сосредоточены на его внутреннем устройстве, средстве формирования, связности. По мнению исследователей, текст бесспорно является основой любого дискурса, однако последний гораздо шире самого текста. Дискурс, как утверждают З.Д. Попова и И.А. Стернин, в отличие от текста, принципиально бесконечен, так как представляет собой совокупность текстов определённого вида. Исследователи также приводят более конкретные параметры разграничения дискурса и текста:

Дискурс	Текст
• Устный и письменный	• В основном письменный
• Монолог и диалог	• В основном большинстве монолог
• Принципиально неограниченный по объёму	• Ограниченный по объёму
• Когерентность между речевыми актами	• Поверхностная когезия слов и предложений
• Зависимость от социальной действительности	• Автономность от породившей его действительности
• Не имеет конкретной коммуникативной задачи	• Имеет конкретную прагматическую задачу
• Наличие невербальных компонентов коммуникации	• Отсутствие невербального аспекта [Попова, Стернин 2005].

Таким образом, обобщив описанные в данной главе свойства текста и дискурса, можно утверждать, что данные понятия неразрывно связаны между собой, и, помимо различий, имеют также и схожие черты. Дискурс и текст объединены причинно-следственной связью, где дискурс является более широким

понятием, чем текст, который является результатом процесса письменной речи, однако, как и дискурс, имеющий коммуникативные векторы.

2.3. Художественный дискурс

Принимая во внимание понимание дискурса как совокупности тематически соотнесённых текстов, можно предположить существование различных видов дискурса. Критериями для разграничения дискурса по различным типам в таком случае принято считать прагматику текста, параметры его организации и стилистические особенности. В современной лингвистике принято выделять следующие основные виды дискурсов: публицистический, политический, рекламный, религиозный, литературно-художественный или авторский дискурс.

В современной лингвистике вопрос художественного дискурса часто имеет дискуссионный характер, так как художественный текст отражает коммуникацию особого рода, ведь его создание и восприятие сложно представить как полноценный коммуникативный акт. Также, художественная коммуникация использует специфичный способ передачи информации и особые средства воздействия на читателя. Автор опирается на определённые принципы, коммуникативные намерения и приёмы эстетического воздействия на реципиента [Guo 2017: URL]. Согласно Ю.М. Лотману, художественный дискурс также является посредником между литературой и живым языком, литературой и внешней реальностью. Именно внутри этого дискурса формируется семиотическая среда, являющаяся необходимой для реализации словесного искусства [Лотман 1992].

Специфичность литературного произведения также заключается в речевой деятельности говорящего. При этом, речь идёт именно о дискурсивной коммуникативной деятельности, выходящей за рамки текста и раскрывающейся в смысловом плане через призму восприятия текста читателем. Эта особенность художественного дискурса и позволяет определить его как процесс взаимодействия текста и читателя. Так, художественный текст является одной из единиц

художественной коммуникации, которая, взаимодействуя с дискурсами автора и читателя, создаёт новый тип дискурса - литературно-художественный [Guo 2017: URL].

Одной из главных функций художественного дискурса является его эстетичность. Так, И.Я. Чернухина определяет художественный текст следующим образом: «Художественный текст – это эстетическое средство опосредованной коммуникации, цель которой есть изобразительно-выразительное раскрытие темы, представленное в единстве формы и содержания и состоящее из речевых единиц, выполняющих коммуникативную функцию» [Чернухина 1984: 11]. Таким образом, художественному тексту и, соответственно, дискурсу, свойственна эстетическая функция, способствующая вызову у читателя определённых чувств и эмоций посредством индивидуально-авторской специфики употребления языковых единиц, эксплицирующих как личностную, так и социальную природу авторского мировосприятия [Сапиева, Малова, Шхумишхова 2021].

Рассуждая о природе художественного дискурса, Г.В. Степанов пишет: «Конкретный художественный текст передаёт такой смысл, который, по нашему мнению, не может быть выражен синонимичными высказываниями. Художественный смысл не может быть “семантически представлен” независимо от данного языкового оформления. Изменение языкового оформления влечёт за собой либо разрушение конкретного художественного смысла, либо создание нового» [Степанов 1976: 144]. Так, создавая художественный текст, писатель отражает своё собственное, уникальное отношение к окружающему миру, где человек во всех своих проявлениях – самая важная часть. Ю.М. Лотман утверждает, что важнейший признак художественного дискурса – это тот факт, что содержанием сообщения в таком дискурсе является личность. [Лотман 1994]. Таким образом, художественному дискурсу свойственен антропоцентризм [Ладутько, Сычова: URL].

Художественный дискурс также выполняет и коммуникативную функцию, ведь, рассматривая любое художественное произведение как диалог автора с читателем, можно анализировать художественный дискурс и с точки зрения теории

коммуникации. Ю.Б. Борев рассматривает процесс передачи художественной информации как общение между автором и реципиентом, которое идёт в обоих направлениях: читатель выступает как в роли потребителя художественного текста, так и как участник его создания [Борев 1988]. Данную точку зрения разделяют также И.В. Арнольд, которая говорит о духовном присвоении бытия текста читателем и его обратной связи, играющей важную роль в этом процессе [Арнольд 1999], и Гуо Х., который не видит возможным формирование художественного дискурса вне диалектических отношений: писатель – художественное произведение – читатель [Гуо 2017: URL].

Таким образом, во время художественного общения можно наблюдать сложные отношения между его участниками, а также отношения этих участников с самим текстом и действительностью. Следует, однако, отметить, что участниками подобного рода отношений могут быть не только автор, читатель, текст и действительность. По мнению И.И. Виноградова, в рамках художественного текста некоторые его участники могут «раздваиваться», ведь в тексте создается ещё одно говорящее лицо – «образ автора», который и объединяет все составляющие художественной системы [Виноградов 1971]. При этом, поскольку восприятие реципиентом художественного текста всегда индивидуально, точки зрения автора и образа автора могут не совпадать. Таким же образом, в художественном произведении может формироваться и образ читателя, не совпадающий с действительным. М.В. Ладутько и Е.К. Сычова предлагают следующую наглядную схему коммуникации в рамках художественного дискурса (Схема 1):

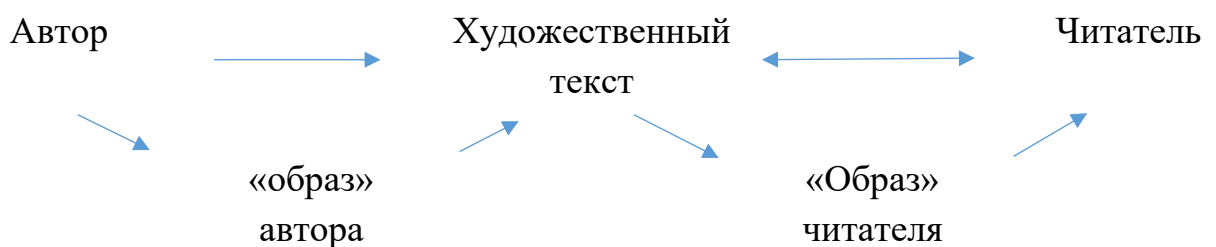

Схема 1. Схема коммуникации в рамках художественного дискурса

Так, в восприятии художественного текста читателем кроется одна из его главных особенностей: так же, как не бывает одинаковых людей, не бывает и двух идентичных пониманий художественного текста, ведь каждый читатель вкладывает в произведение собственный смысл, обусловленный его опытом, гендерной принадлежностью, возрастом, положением в обществе и т.п. Однако Ю.Б. Борев всё-таки ограничивает многообразие пониманий художественного текста, говоря о конкретных инвариантах его различий, обусловленных устойчивой программой восприятия, объективным содержанием, художественной концепцией и ценностными ориентирами художественного текста [Борев 1988].

Другой особенностью художественного дискурса принято считать создание вымышленного мира, в котором автор может не нести ответственности за излагаемую информацию, и даже за искажение им источников информации, манипуляции с реалиями, событиями и текстами (чего нельзя утверждать о политическом или публицистическом дискурсе), ведь все это служит определённым целям художественного дискурса [Самарская 2012].

Стоит также упомянуть о возможной полиморфности художественного дискурса – включении в текст особенностей других видов дискурса, например религиозного или бытийного. Однако стоит ставить под вопрос реалистичность сюжетов, ведь, с одной стороны, персонажи, речь и обстоятельства могут быть реалистичными и зафиксированными в форме бытийного дискурса, но с другой – это лишь инструмент авторской стилизации, имитирующей живую речь, персонажей и ситуации.

Художественная перцепция также является одной из особенностей художественного дискурса. Её главной функцией является выражение особенностей и результатов восприятия (зрительной, слуховой, тактильной, обонятельной или вкусовой) при помощи средств языка [Варламенко 2017: 10]. Благодаря данной функции происходит максимальное погружение читателя в реалии художественного текста, при котором он способен максимально сократить дистанцию между собой и текстом, вплоть до отождествления себя с одним из персонажей произведения или полного включения в вымышленный мир.

Таким образом, художественный дискурс обладает рядом функций и особенностей, отличающих его от других видов дискурса. Художественный дискурс выполняет эстетическую функцию, нацеленную на пробуждение у реципиента определённых эмоций и формирующую его духовно-ценностное отношение к действительности. Он также отличается антропоцентризмом и несёт коммуникативную функцию, представляя из себя диалог между автором и читателем, при котором восприятие информации последним всегда будет уникальным. Художественному дискурсу также характерны полиморфность (включение в себя элементов других видов дискурсов) и художественная перцепция, совокупность выразительных средств, помогающих читателю погрузиться в авторский мир произведения для лучшего понимания авторского замысла.

2.3.1. Основные методы анализа художественного дискурса

Анализ художественного дискурса является предметом изучения не только теории языка, но и теории литературы. Толкование дискурса в последней объединяет в себе как языковедческие его модели, так и философские и идеологические аспекты, передающиеся при помощи слов и словосочетаний. Так, традиционный анализ художественного дискурса включает в себя изучение входящих в этот дискурс текстовых единиц, грамматических категорий и стилистических средств.

Т.А. ван Дейк, как один из основоположников теории дискурса, разработал методику его когнитивного анализа, которая предполагает текстуальный и контекстуальный анализы любого типа дискурса. Так как в рамках данной работы особый интерес представляют методики анализа дискурса как совокупности текстов, предлагается подробно рассмотреть именно текстуальный анализ дискурса. Данная методика предлагает анализ различных уровней текста: фонетический, графический, морфологический, синтаксический, семантический,

макроструктурный и риторический и может успешно применяться и по отношению к художественному дискурсу:

1. Фонетический уровень. Т.А. ван Дейк предлагает начинать анализ с наименьшей единицы, которой в случае дискурса оказывается звук. Ударение, интонации, высота тона, громкость, темп, наличие реакции реципиента в виде смеха или аплодисментов может иметь важное значение для понимания дискурса [Dijk 1983: 3]. Однако фонетический анализ не всегда является возможным при отсутствии звуковой записи единиц дискурса.

2. Графический уровень. Данный уровень может иметь огромное значение при анализе различных единиц художественного дискурса [Dijk 1998: 4]. Визуальные средства выделения информации, такие как курсив, жирный шрифт, заглавные буквы, подчёркивание и т.п. могут не только показать важность той или иной информации, но также нести определённые импликации, выражая отношение говорящего к тому или иному высказыванию.

3. Морфологический уровень. При анализе художественного дискурса представляет интерес с точки зрения авторского словообразования.

4. Синтаксический уровень. По словам Т.А. ван Дейка, для дискурсивного анализа представляют интерес те синтаксические конструкции, использование которых может варьироваться от жанра и контекста. Например, сочетание «артикль + существительное» установлено правилами грамматики в большинстве европейских языков и обязательно во всех контекстах, а значит нерелевантно для настоящего анализа [Dijk 1998: 5]. Синтаксис предложения также может говорить о семантических ролях участников коммуникации при помощи использования пассивных/активных форм или определённого порядка слов.

5. Семантический уровень. Данный этап анализа концентрируется на используемых в высказывании лексических единицах. Обращается внимание на слова, описывающие участников дискурса, их действия, характеристики. Следует также обратить внимание на то, какие события описываются детально и подробно, а какие – абстрактно. Например, говоря о своих достоинствах, человек, как правило, использует конкретные выражения, а говоря о недостатках – более

абстрактные и общие. Соответственно, для выражения положительного мнения о том или ином явлении используются эпитеты с положительной коннотацией, а для выражения неодобрения – с отрицательной [Dijk 1998: 8]. Так, Т.А. ван Дейк считает, что идеологически пристрастная точка зрения выражается, как в синтаксисе, так и в семантике текста [Шапочкин 2013].

6. Уровень макроструктур. Данный уровень, несомненно, является более глобальным чем микроуровень слов и предложений. Макроуровень отражает общие темы текста и даёт описание его общей связности (когерентности) и основному смыслу [Дейк 1989].

7. Риторический аспект. Под данным термином Т.А. ван Дейк понимает то, что придаёт тексту большую убедительность – стилистические приёмы и фигуры речи (сравнения, метафоры, параллелизм и т.п.) [Dijk 1998: 267].

Таким образом, контекстуальный анализ дискурса Т.А. ван Дейка включает в себя анализ языковых структур на всех уровнях текста, позволяя исследователю наиболее полно исследовать ту или иную единицу или аспект изучаемого дискурса.

Свой вариант анализа художественного дискурса также предлагает и М.А. Голованева. Исследователь утверждает, что огромному многообразию толкования дискурса необходима обобщающая позиция или метод, отвечающий всем требованиям необходимого исследования [Голованева: URL]. М.А. Голованева представляет свою точку зрения на когнитивно-дискурсивный метод анализа художественного дискурса, включающий следующие приёмы функционально-смыслового и коммуникативно-прагматического характера:

1. Извлечение текстовой и внетекстовой (экстралингвистической) информации о дискурсивной ситуации, названной исследователем «дискурсообразующей реальностью» автора. Данная реальность состоит из исторических и идеологических условий, при которых создавалось художественное произведение, и составляет базовый предмет изображения.

2. Выявление и дискурсивная интерпретация основных когнитивных структур, способствующих смысловой передаче содержания произведения.

Данными структурами, по мнению исследователя, являются макроконцепты, концепты и субконцепты.

3. Семантизация единиц языка, репрезентующих в произведении выявленные когнитивные структуры.

4. Установление смыслового варьирования высказывания, под чем понимаются лексемы и фразеологизмы, вступающие в различные языковые конфигурации и участвующие в различных «семантических приращениях». Такие высказывания помогают установить мнения и духовные установки участников драматургического диалога.

5. Дискурсивная интерпретация коммуникативных действий, при которых реализуются речевые стратегии, образующие пространство художественной коммуникации и помогающие правильно воспринимать перформативную информацию и обстоятельства.

6. Коммуникативно-прагматическое и лингвокультурологическое обобщение полученных в результате анализа сведений для общего осмысления и подведения результатом анализа художественного дискурса [Голованева 2013: 16-17].

Таким образом, анализ художественного дискурса требует многостороннего исследования определённого пласта текстов, при котором изучаются как языковые структуры на всех уровнях текста (фонетический, морфологический, синтаксический, смысловой, уровень макроструктур и риторический), так и внетекстовые ситуации – условия – при которых создавались изучаемые тексты.

2.4. Фрактальная природа дискурса

В современном языкознании метод фрактального моделирования активно применяется в лингвистических исследованиях: концепта (С.Г. Воркачев) или дискурса (И.Н. Пономаренко, С.Н. Плотникова, В.Ю. Ключникова, Н.С. Олизько); метафоры (С.А. Хахалова, Е.Л. Орлова). В рамках дискурсивного подхода фрактал,

по определению Н.Н. Белозеровой, представляет собой «модель вечноразвивающейся сущности, основанной на образовании самоподобных структур из каждой точки развития» [Белозерова: URL].

Одним из первооткрывателей фрактальной организации текста был Г.Г. Москальчук. Исследователь считает, что развитие смысла в структуре текста протекает по принципу фрактальности, ведь с самого начала текста, в каждом последующем его участке наблюдается «покадровое прояснение деталей, касающееся как смысла, так и структуры целого» [Москальчук 2003: 185- 186]. То есть предполагается, что смысловая наполненность каждого отрывка текста представляет собой одну из частиц многомерного фрактала – основной идеи текста. Эта частица в той или иной степени способна отразить смысл всего произведения [Бакиев 2015: 53].

Важно также отметить, что направление развития смысла в тексте может развиваться хаотично, что наделяет фрактал принципом нелинейности. Так, в открытом пространстве дискурса смысл крайне уязвим к внешним потрясениям – флуктуациям – благодаря различным «внутри- и межтекстовым отношениям». В точке бифуркации смысл способен легко поменять траекторию своего развития, порождая все новые смысловые структуры [Олизько 2009: 76]. Такое видение организации дискурса нашло своё отражение в исследованиях П. Верта, В.Ю. Ключниковой, И.Н. Пономаренко, С.Н. Плотниковой, Н.С. Олизько и многих других.

Исследования С.Н. Плотниковой сосредоточены на разработке теории фрактальности дискурса и методологии его анализа на основе теории дискурсивных пространств. Автор считает, что дискурсивное пространство – логическая среда существования дискурсов в общем континууме. Так, совокупность множества дискурсов в таком пространстве напоминает фрактальную структуру, существующую по принципу самоподобия, «интеррации и рекурренции дискурсов-фракталов, заполняющих общее дискурсивное пространство» [Плотникова, 2011: 132].

П. Верт рассматривает фрактальную организацию дискурса при помощи введения таких понятий как «мир текста», «мир дискурса», «субмир». Исследователь полагает, что каждый текст можно представить как определённый мир, ментальную модель дискурсивной организации [Хахалова, 2013: 82]. Следуя данному суждению, любой автор, создавая своё произведение, разрабатывает особый художественный мир с собственными устройством, сценарным сюжетом и персонажами, который может быть как схожим с реальностью, так и вымышленным и несуществующим в действительности. Так или иначе, помимо художественного мира, созданного автором, сам текст может включать в себя и бесконечное множество других миров и субмиров, которые, по мнению П. Верта, накладываются друг на друга согласно принципам фрактальности [Хахалова, 2013: 83]. При прочтении текста любой читатель воспроизводит художественный мир автора по-своему, и восприятие этого мира читателем может в разной степени отличаться от авторского замысла, а также от представления о нём других читателей. И.Н. Пономаренко объясняет отличное понимание одного и того же текста разницей поколений, а также множеством различных социальных, культурных или политических факторов, влияющих на читателя [Пономаренко, 2005: 88]. Так, можно сделать предположение о существовании бесконечного количества текстовых миров, которые подобны друг другу ввиду воспроизведения различных вариантов одного авторского смысла. Эти миры образованы по фрактальному принципу и в конечном итоге формируют одну фрактальную фигуру - «концентрические окружности» (Рис.8) - с одним общим центром – инвариант – и множеством периферийных окружностей – текстовых миров.

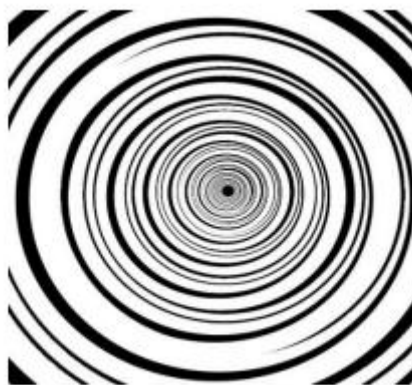

Рисунок 8. Фрактальная организация дискурса

И.Н. Пономаренко также отмечает, что каждое последующее знакомство с текстом превозносит новые оттенки смысла в восприятие читателя, и со временем можно наблюдать явление «эволюции смысла» [Пономаренко, 2005: 89-90]. Тем самым, образуется потенциально бесконечная цепь самоподобных текстовых миров, которые накладываются друг на друга по принципу фрактальности.

Так, с точки зрения исследования дискурса, фрактал рассматривается уже не как застывшая фигура (подобно евклидовым), а как непрерывно эволюционирующая структура. Фрактал – это «ген самообразования», упакованная гигантская информация и огромная потенциальная энергия, дающая импульс развитию системы [Войцехович, URL]. С точки зрения его фрактальности, дискурс обладает большим потенциалом, заложенным в его многообразных когнитивных структурах, и представляет собой «импульс к их тиражированию» [Ключникова, 2012: 6].

Фрактальность дискурса следует рассматривать как фрактальность смысловых компонентов, при этом смысловая фрактальность дискурса может быть описана с точки зрения особенностей функционирования концептов. Специфика художественного дискурса по отношению к другим видам дискурсов определяется системообразующим концептом, процесс развития которого и приводит систему художественного дискурса к реализации креативного аттрактора.

Системообразующий концепт включает в себя локальные концепты исследуемого дискурса [Мамонова 2015: 11-14].

Таким образом, представление о фрактальной организации дискурса как о нелинейной динамичной системе является частью современной синергетической парадигмы. Дискурс не является статичной, застывшей структурой, не подверженной различному восприятию читателей. Он обладает бесконечным потенциалом воспроизведения смысла в текстовых мирах – подобных авторскому, но не идентичных ему. Данные пространства образуются по принципу фрактальности, представляя из себя единую фигуру, где в центре будет авторский замысел, а на периферии – множество его вариаций, воспроизводимых читателями.

2.5. Особенности дискурса романов-антиутопий

Художественный дискурс, являясь совокупностью различных произведений искусства, развивается согласно законам и природе искусства: синтагматические и парадигматические концепты искусства отображаются в компетенции дискурса. Все эти параметры ведут к понятию «идея», что приводит к распространённому мнению, что именно «идея» является ядром дискурса. Так, Ю. Руднев утверждает, что идеология, понимаемая автором обобщённо и нейтрально как система установок субъекта высказывания, является главной составляющей дискурса и представляет из себя систему ограничений, предполагающую норму и понятие отклонения от нормы [Руднев: URL]. Все аспекты художественного произведения – знаковые, коммуникативные или эстетические – формируются на уровне «идеи» [Кенжегараев 2012].

Таким образом, дискурс романов антиутопий существует и развивается по законам жанра антиутопии, при этом в его ядре будет та идеология, которая заложена в основании большинства романов соответствующего жанра. Соответственно, ввиду поставленной в данной работе задачи, требуется чётко определить жанр антиутопии. Словарь литературоведческих терминов даёт следующее определение антиутопии:

Антиутопия – жанр, представляющий собой своеобразную антитезу социальной утопии, подвергая сомнению саму идею идеального социума. При этом, если в жанре традиционной утопии происходит воображаемое обращение авторов в прошлое и настоящее, то антиутопия всегда обращена в будущее. В антиутопии мир, выстроенный на тех же началах, что и мир утопии, дан изнутри, через чувства его единичного обитателя, испытывающего на себе, своей частной судьбе законы идеального общества [Словарь литературоведческих терминов: URL].

Любая утопия, даже самая объёмная, всегда несколько схематична: она без колебаний рисует искомое равенство людей в идеальном государстве. Антиутопия – это попытка проникнуть внутрь утопической теории, и не столько проверка утопии на её осуществимость (авторами антиутопии никогда не ставится под сомнение возможность осуществления технической стороны дела), сколько проверка «на нравственность».

В антиутопии используется особый «тип художественности»: в отличие от утопии, в ней есть романский конфликт. Рассмотрение этого конфликта и позволяет автору открыть своё отношение к происходящему в изображаемом мире. Так, зарождение антиутопии как отдельного жанра было в первую очередь обусловлено понятием самой утопии [Ланин 2007]

Однако, несмотря на, казалось бы, ясную формулировку понимания сущности романа антиутопии, проблема определения жанра давно стоит в литературоведческом мире. Поэтому для наилучшего понимания его границ необходимо рассмотреть отдельные исследования по данному вопросу.

Разные учёные могут выделять разные основополагающие черты антиутопии. Среди главных особенностей такого течения можно выделить то, что авторы предлагают читателю возможную негативную картину будущего, которая создана на основе одной из существующих утопических идей [Обухова 2019: 161]. «Человек, раненный злом окружающего мира, имеет потребность вообразить образ совершенного, гармоничного строя общественной жизни», – писал Н.А. Бердяев [Бердяев 1951: 78]. Антиутопии же, наоборот, демонстрируют неизбежность торжества Хаоса (стихийности) над Порядком (системностью). Такую точку зрения

поддерживают А. Л. Мортон [Мортон 1956: 198], А. А. Чамеев [Чамеев 1995: 103], Э. Я. Баталов [Баталов 1989: 216], Ф. Полак [Полак 1961: 343] и многие другие. Также стоит отметить, что с синергетической точки зрения, где хаос имеет первостепенное значение как фактор самоорганизации системы, хаос антиутопии можно считать явлением положительного характера, ведь именно его главенство в художественном мире романа неизбежно приводит к возникновению нового порядка в обществе.

Так, понятие жанра антиутопии до сих пор остаётся спорным и сложным и имеет множество вариантов трактовки. Долгое время термин воспринимался литературоведами только с точки зрения идеологических установок общества [Обухова 2019: 161]. Другие авторы считают антиутопию жанром, совмещающим в себе одновременно несколько черт, таких как критику настоящего и пессимистический взгляд в будущее, а также критику утопических идей, проявивших свою обратную сторону по мере развития процесса [Кагарлицкий 1974: 296].

По мнению Е.И. Козьминой, можно выделить два основных подхода к определению этих черт: 1) интегрирующий – ставящий своей задачей найти сходства между антиутопией и другими жанрами литературного творчества, и 2) дифференцирующий – отграничение жанра романа-антиутопии от других (смежных) литературных явлений – и прежде всего от утопии [Козьмина 2013: 21]. Так, считаем нужным начать обзор сторонников интегрирующего подхода.

Сначала рассмотрим подход Е.Ю. Коломийцевой. Исследователь придерживается убеждения, что антиутопия – это не что иное, как разновидность романа, предопределяющийся «жанровой доминантой», заключающейся в «прогнозе отношений человека и государства» [Коломийцева 2000: 60]. К тому же, Е.Ю. Коломийцева обращает внимание на некоторые характерные признаки жанра антиутопии:

1. Конфликт между личностью и государством.

2. «Фабульная» концовка, при которой вопрос, поставленный в произведении, остаётся открытым, однако его персонажи подведены к некому итогу.

3. «Концептуальный хронотоп», под чем исследователь понимает возможность того или иного события, так как к этому имеются предпосылки.

Тем не менее, в своей работе Е.Ю. Коломийцева может намерено отбирать лишь те черты романа, которые в наибольшей степени подходят жанру антиутопии [Козьмина 2013: 22].

Также популярно мнение, что жанр антиутопии следует относить к научной фантастике, так как обоим направлениям присущ специфичный образ мира, который для главного героя, в отличие от читателя, кажется чем-то обыденным и реальным. Однако научной фантастике, в отличие от антиутопии, совсем не свойственна иносказательность. Во многом на основе последнего, не каждая антиутопия фантастична. Так, например, роман Е.И. Замятина «Мы» определённо не фантастический, в то время как «451° по Фаренгейту» Р. Брэдбэри традиционно относится к жанру фантастики. Тем более, всегда будут существовать произведения «где-то на рубеже», например, роман братьев Стругацких «Обитаемый Остров», который изначально писался с мыслью о развлекательном приключенческом романе, а закончился как наполненное иносказательностью и стилистической мыслью антиутопическое произведение [Козьмина 2013: 23].

И, конечно же, существует точка зрения, согласно которой антиутопия и утопия должны быть разновидностью одного и того же жанра. Е.Н. Ковтун уверена, что антиутопия – это всего лишь вид утопии, где к последовательному описанию утопического уклада добавляется динамичное повествование, наполненное одновременно фантастическим и рациональным [Ковтун 1999: 13]. Так, по мнению исследователя, антиутопия является лишь отрицательным вариантом утопии, *романом-предупреждением*, который стремится предостеречь от последствий быстрого и нерегулируемого развития некоторых социальных направлений. Так, можно сделать вывод, что ключевое различие между утопией и антиутопией лежит

в авторской оценке событий произведения, а в целом это лишь два направления одной и той же художественной структуры [Ковтун 1999: 76].

Таким образом, в современном литературном мире существует тенденция относить антиутопию к другим жанрам, в основном к роману, фантастике или утопии. Однако существует и мнение, что к антиутопии следует относиться как к самостоятельному литературному жанру. Такую позицию поддерживает дифференцирующий подход.

В рамках данного подхода существуют исследования, склонные сопоставлять антиутопию и сатиру. С.С. Романов сопоставляет данные жанры по предмету изображения и отмечает, что сатира гораздо более привязана к современности автора и читателя, чем антиутопия, так как сатира отрицает определённые явления действительности и даже иногда весь социум, однако не затрагивает скрупулёзного описания государственного устройства, в отличие от романа-антиутопии [Романов 1998: 33].

Р. Гальцева и И. Роднянская сосредоточили своё исследование на разграничении жанров утопии и антиутопии. Они выделяют три признака последней:

1. Антиутопия, как правило, будет изображать индустриальный мир, построенный на обломках природного.
2. В антиутопическом мире обязательно господство тоталитарной власти, которое всегда бескомпромиссно отрицательно относится к индивидуальной (книжной) культуре.
3. Утопия характерна наличием двух персонажей: внешнего пришельца и местного проводника и изображается глазами первого, в то время как антиутопия предпочитает взгляд изнутри [Гальцева, Роднянская 2000: 220].

Так, проанализировав взгляды разных учёных на проблему определения границ жанра антиутопии, а также принимая во внимания собственный опыт работы с данным жанром, мы можем сделать следующие выводы:

1. Действие жанра антиутопии происходит, как правило, в будущем.

2. Для внутреннего мира антиутопии типична тоталитарная власть. Также для романа характерно подробное описание данного режима правления.

3. Миру характерна индустриальность.

4. Цель романа-антиутопии – критика утопических идей об идеальном обществе, стремление развенчать миф не о возможности его существования, а о его нравственности.

5. Мир антиутопии освещается изнутри через персонажа, в той или иной степени противопоставленного государству.

6. Стилистика жанра антиутопии отличается иносказательностью и имплицитностью. Автор зачастую критикует мир «идеального общества» не напрямую, а доставляя эту мысль косвенно, заставляя читателя самого прийти к нужному выводу.

Таким образом, дискурс романов-антиутопий формируется из тех произведений, которые имеют характерные соответствующему жанру черты. К тому же, те специфичные особенности, которые могут охарактеризовать произведения антиутопического жанра, также присущи и всему дискурсу антиутопии как совокупности текстов этого жанра. Благодаря яркой идеологической установке и схожему авторскому смыслу, все произведения, входящие в дискурс антиутопии, будут развиваться по схожему сценарию и имеют похожие основообразующие ценностные установки и когнитивные структуры.

Выводы по Главе 2

1. Понятие дискурса в современной науке полисемично, ввиду чего термин может быть применён в различных сферах исследования лингвистики и имеет множество подходов к исследованию. Так, под дискурсом традиционно понимают акт коммуникации, зафиксированный в тексте при конкретных экстралингвистических обстоятельствах, или же совокупность связанных между собой текстов, имеющих общую семантику. Абсолютно однозначной, однако, является неразрывная связь дискурса с такими явлениями, как речь или текст.

2. Взаимосвязь текста и дискурса исследуется лингвистикой довольно давно, и были установлены как их сходства, так и различия. Так, дискурсу свойственны и устная и письменные формы, монологичность и диалогичность, зависимость от окружающей действительности, наличие невербальных компонентов и высокая когерентность между актами речи. Дискурс также принципиально бесконечен, так как является совокупностью схожих по тематике текстов, и он не привязан к конкретной коммуникативной задаче. В случае с текстом, все перечисленные параметры обращаются в их противоположность – ему присуща письменная форма, монологичность, автономность, отсутствие невербальных знаков, поверхностная когезия предложений, наличие конкретной коммуникативной задачи и ограниченность в объёме. Однако оба явления объединены причинно-следственной связью, при которой дискурс – понятие более широкое, чем текст.

3. Одной из разновидностей дискурса является художественный (литературный) дискурс. К особенностям, разграничивающим данный вид дискурса от других, относятся 1) выполнение эстетической функции с целью вызвать у реципиента определённые эмоции и отношение к действительности, 2) антропоцентризм, 3) коммуникативная направленность, выражающаяся в диалоге автора с читателем, 4) полиморфность, подразумевающая включение в художественный дискурс ряд других дискурсов, таких как религиозный или бытовой, 5) художественная перцепция как использование различных

выразительных средств, помогающих читателю погрузиться в авторский мир произведения. Анализ художественного дискурса требует комплексного исследования конкретного пласта текстов, при котором будут изучаться как языковые структуры на всех его уровнях, так и экстралингвистические условия, при которых создавался данный текст.

4. Также любому дискурсу свойственна фрактальная структура, под которой понимается нелинейная и динамичная природа дискурса как системы. С точки зрения синергетической парадигмы, дискурс – далеко не статичное явление. Он подвержен различному, индивидуальному восприятию читателей и от того обладает бесконечным потенциалом смысловоспроизведения в текстовых мирах, подобных миру автора, но ему не идентичных. Такие текстовые миры образуются по принципу фрактальности, представляя из себя одну фигуру, в центре которой будет авторский замысел, а на периферии – его вариации, создаваемые читателем.

5. Дискурс антиутопии также относится к художественному дискурсу, являясь его конкретным подвидом. Соответственно, он также имеет ряд особенностей, присущих большинству романов данного жанра, таких как 1) действие романа происходит в будущем, 2) государственное устройство авторского мира – тоталитарное, 3) индустриальность художественного мира, 4) критика утопических идей с точки зрения их нравственности, 5) мир освещается через взгляд персонажа, идущего на некий конфликт с государством и его идеологией, 6) стилистика, которой присущи иносказательность и имплицитность. Так, ввиду яркой идеологии и схожего авторского замысла, произведения, входящие в дискурс антиутопии будут развиваться по схожему сценарию и иметь похожие основообразующие ценностные установки и когнитивные структуры.

ГЛАВА 3. ЭМПИРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА *HAPPINESS* В ДИСКУРСЕ АНТИУТОПИИ

Понимание концепта *СЧАСТЬЕ* в антиутопическом дискурсе является уникальным. Раскрытие смысла данного понятия является одной из фундаментальных идей произведений-антиутопий, так как именно вопрос об универсальном *СЧАСТЬЕ*, его сути и поиске стоит в центре авторского замысла.

Большинство романов антиутопий показывают читателю мир «абсолютно счастливых людей», но в отличие от утопии, общество антиутопического романа жертвует многим, ради ощущения такого псевдо-*СЧАСТЬЯ*. Таким образом, художественный мир антиутопии строит свое собственное, неповторимое видение концепта *СЧАСТЬЕ*, где все его смысловые компоненты искажены и перевернуты в угоду тоталитарной власти вымышленного мира, и лишь один протагонист удивительным образом невосприимчив к её пропаганде. Так, протагонист произведения является мостом между искаженным *СЧАСТЬЕМ* антиутопии и тем *СЧАСТЬЕМ*, которое сформировано в сознании читателя или исследователя. Именно поэтому, данный жанр может предоставить исследователю невероятно обширный и глубокий материал для изучения таких эмоциональных и духовных концептов, как *СЧАСТЬЕ*.

3.1. Методика эмпирического анализа

Поставленная перед исследованием задача подразумевает глубокий и междисциплинарный анализ концепта *СЧАСТЬЕ* в дискурсе антиутопии. Именно такой подход к исследованию наиболее ярко и точно отобразит особенности изучаемого концепта в названном дискурсе.

Методика эмпирического анализа в данной работе опирается на метод построения номинативного поля концепта (НПК), предложенного И.А. Стерниным и З.Д. Поповой, которая позволяет выявить специфичные когнитивные признаки концепта *СЧАСТЬЕ* в рамках жанра антиутопии. Полученные когнитивные признаки концепта рассматриваются сквозь призму лингвосинергетических

принципов развития сложных нелинейных систем, что помогает выявить, как именно происходит порождение смыслов внутри концепта *СЧАСТЬЕ* в дискурсе антиутопии, и наблюдать процесс самоорганизации системы изучаемого концепта. Для верификации полученных в ходе контекстуального анализа данных был также проведён психолингвистический ассоциативный эксперимент.

Первым шагом к проведению анализа особенностей семантики и самоорганизации концепта *СЧАСТЬЕ* в дискурсе антиутопии стал подбор эмпирического материала. Анализ проводился на базе концепта *HAPPINESS*, так как жанр антиутопии особенно популярен среди англоязычных авторов. Так, в качестве материала для исследования были отобраны 11 произведений жанра антиутопии, которые в большей степени соответствуют названным ранее особенностям жанра.

Следующим шагом в проведении исследования стал дефиниционный анализ как часть методики построения НПК. Данный шаг позволяет выявить закреплённые в словарях и языке особенности семантики изучаемого концепта. Он представляет из себя разбор дефиниций концепта *HAPPINESS* и его ближайших синонимов, вычленение из этих дефиниций когнитивных признаков концепта и объединение этих признаков в когнитивные классификаторы. Данный этап также предоставляет возможность сравнить словарные значения изучаемого концепта с тем, как он функционирует в дискурсе жанра антиутопии для выявления особенностей семантики концепта в названном дискурсе.

Следующим этапом исследования является контекстуальный анализ функционирования концепта *СЧАСТЬЕ* в дискурсе антиутопий. Данный этап многоступенчатый и подразумевает несколько шагов исследования. Для его проведения были отобраны примеры употребления концепта *HAPPINESS* и его ближайших синонимов в рамках произведений жанра антиутопии и проведены следующие виды исследований:

- Анализ взаимозаменяемости ключевого концепта и его синонимов. Данный шаг позволяет выявить следующее: 1) насколько ключевой концепт близок по значению со своими синонимами, 2) разницу в частотности использования слов,

обозначающих ключевой концепт и его синонимы, 3) особенности семантики ключевого концепта по сравнению с его синонимами.

- Анализ сочетаемости концепта *HAPPINESS* и его синонимов с другими лексемами. На этом этапе исследования выявляется, каким эпитетам свойственно окружать изучаемый концепт в дискурсе антиутопии. Оценивается их положительная или отрицательная коннотация и их частотность, а также контекст употребления тех или иных эпитетов. На данном этапе исследователь также может оценить, как концепт *СЧАСТЬЕ* концептуализируется в сознании персонажей романов в жанре антиутопии и как это влияет на восприятие того же концепта читателем.

- Анализ концепта *HAPPINESS* как составляющей тропов и фигур речи. Данный этап также способствует выявлению дополнительных когнитивных признаков и семантических особенностей концепта в дискурсе антиутопии, дополняя его НПК.

- Анализ жанроспецифичных особенностей восприятия концепта *HAPPINESS*. Этот шаг исследования способствует реконструкции самоорганизации концепта в дискурсе антиутопии. Здесь исследователь не только обобщает и закрепляет те данные, которые были получены в результате предыдущих видов исследований, но и снова дополняет НПК *HAPPINESS* новыми смыслами. На этом этапе также удаётся наглядно проиллюстрировать и описать особенности смыслопорождения и самоорганизации внутри системы концепта *СЧАСТЬЕ* с лингвосинергетической точки зрения: какое состояние системы концепта *СЧАСТЬЕ* считается состоянием гомеостаза системы, а именно какой когнитивный компонент находится в ядре концепта в дискурсе жанра антиутопии и как с помощью принципов становления синергетики концепт переживает реорганизацию и приходит к новому аттрактору (смене смыслового ядра). Результатом данного вида исследования также является установление соответствующей фрактальной модели развития концепта *СЧАСТЬЕ*.

- Ассоциативный эксперимент. Данная психолингвистическая методика заключается в проведении ассоциативного эксперимента, сборе его результатов и когнитивной интерпретации полученных данных. Результаты такого эксперимента помогают верифицировать или опровергнуть выводы, сделанные в результате контекстуального анализа изучаемого концепта.

Таким образом, данная работа предоставляет ход и результаты комплексного, междисциплинарного исследования концепта *СЧАСТЬЕ* в дискурсе антиутопии.

3.1.1 Лингвистические и экстралингвистические критерии отбора эмпирической базы исследования

Для выполнения задач, поставленных перед данной работой, необходимо было рассмотреть, как функционируют концепты в контексте произведений антиутопического жанра. Для этого требовалось отобрать такой материал, который наиболее полно раскроет семантическую сущность данного концепта. Так, фактологический материал в данной работе извлекался из таких произведений как:

1. *Brave New World*, Aldous Huxley;
2. *1984*, George Orwell;
3. *Fahrenheit 451*, Ray Bradbury;
4. *A Handmaid's Tale*, Margaret Atwood;
5. *The Giver*, Lois Lowry;
6. *Atlas Shrugged*, Ayn Rand;
7. *The End of Eternity*, Isaac Asimov;
8. *Do Androids Dream of Electric Sheep?*, Philip K. Dick;
9. *Never Let Me Go*, Kazuo Ishiguro;
10. *Catching fire*, Suzanne Collins;
11. *The Mockingjay*, Suzanne Collins.

Все перечисленные произведения можно считать представителями жанра антиутопии, так как они в той или иной степени отвечают особенностям названного

жанра, описанным ранее в работе. Так, первые три произведения из списка (*Brave New World, 1984, Fahrenheit 451*) можно назвать своего рода «классическими» представителями жанра:

- действие романов происходит в будущем, где автор описывает технологически развитое общество;
- во всех произведениях государство принимает усиленные меры по искажению моральных ценностей общества в своих интересах;
- главный герой произведения резко противопоставляется обществу и борется с тоталитарным государством;
- во всех трёх произведениях практически полностью противопоставляются такие понятия, как *свобода* и *СЧАСТЬЕ*;
- имеется фабульная концовка.

Действие романа *A Handmaid's Tale* Маргарет Этвуд разворачивается в фантастической версии Новой Англии близкого будущего – жестоком кастовом обществе под названием Республика Гилеад, где к власти пришли религиозные радикалы. Данное произведение также максимально близко подходит к определению «классической антиутопии», где главная героиня резко противостоит местной власти, «подобравшей» под себя идейных граждан.

Произведение *The Giver* писательницы Лоис Лоури относят к подростковой литературе, однако оно произведение также отвечает всем установленным критериями антиутопии и рассказывает о мальчике, который становится новым «принимающим воспоминания». Так, узнав многочисленные истории из человеческих жизней, протагонист узнаёт, что такое любовь, дружба, горе, одиночество и свобода. В конце произведения герой также «восстаёт» против общества, в котором живёт.

Действие романа *Atlas Shrugged* Айн Рэнд разворачивается в индустриализированном будущем, где главные герои противостоят политикам, пропагандирующим социализм (а конкретно – полный запрет на монополизацию рынка). В связи с этим роман многими исследователями считается антиутопичным,

так как одна из основных особенностей антиутопии XX века – резкая критика идей социализма. Данный роман также интересен тем, что стал началом целой философии – объективизма, основное положение которого заключается в том, что целью жизни каждого человека является стремление к собственному СЧАСТЬЮ.

Следующие два произведения (*The End of Eternity*, *Do Androids Dream of Electric Sheep?*) относятся к жанру антиутопии ровно настолько, насколько и к жанру фантастики. Однако по большинству критериев их с уверенностью можно назвать антиутопичными. Произведение Айзека Азимова *The End of Eternity* переносит читателя в далёкое будущее, где организация «Вечность» манипулирует временем ради «человеческого СЧАСТЬЯ», искореняя «ошибки», допущенные людьми на протяжении их существования. Однако автор указывает, что именно эта организация и заложила предпосылки к концу человеческой расы, и именно свобода совершать ошибки может гарантировать человеческое СЧАСТЬЕ.

Do Androids Dream of Electric Sheep? – это роман Филипа Дика, основным мотивом которого является определение «человечности». Данное произведение не поднимает проблему «человек против государства», однако его действие разворачивается в далёком будущем, где роботов-андроидов не отличить от человека. Проблемы произведения в основном этические, и, раскрывая вопрос о сущности людей, автор определённо затрагивает такие духовные понятия, как СЧАСТЬЕ, свобода, любовь и т.д.

Следующее в списке произведение, *Never Let Me Go* Кадзуо Исигуро, поднимает схожую проблему. Главными героями романа являются клоны, созданные исключительно для донорства здоровых органов. Однако эти герои обладают такими же эмоциями и чувствами, как и обычные люди. Интересно, что ни разу за время действия романа герои не упомянули такое понятие, как «свобода воли», или не попытались радикально изменить свою судьбу. Именно это показывает читателю безысходность их ситуации и раскрывает основную проблему произведения.

Романы *Catching Fire* и *The Mockingjay* автора Сьюзен Коллинз относятся к циклу «Голодные игры», который состоит из фантастических романов для

подростковой аудитории, однако также, несомненно, имеет черты антиутопии: взгляд в будущее, тоталитарное и деспотичное государство и борьба протагониста произведения с правительством. В данной трилогии ставится вопрос о предопределённости социальных ролей и важности личностной свободы.

Таким образом, в настоящем диссертационном исследовании в качестве анализируемого материала были отобраны 11 произведений. Отбор осуществлялся в соответствии с лингвистическими и экстралингвистическими критериями. К первым относятся:

1. Наличие единой жанровой доминанты, которая в той или иной степени задаёт всем анализируемым произведениям общность стилистики и транслируемого авторского смысла.

2. Критерий иллюстративности, который выражается в наличии ярких примеров употребления концепта *HAPPINESS*, представляющих интерес для семантической трактовки.

К критериям экстралингвистического характера относятся:

1. Признание литературной ценности произведений посредством наличия литературных премий.

2. Количество выпущенных экземпляров романов, а также многочисленных переводов на другие языки.

3. Наличие качественных переводов произведений, или же экранизированных версий в виде фильмов или сериалов.

3.2. Дефиниционный анализ концепта *HAPPINESS*

Первым шагом к практическому исследованию послужил анализ дефиниций изучаемого концепта в рамках исследования номинативного поля концептов И.А. Стернина и З.Д. Поповой. Данная ступень позволила нам увидеть, какие семантические признаки концепта закрепились в языке на лексикографическом уровне и лежат в его ядре [Старикова 2022а]. Также было необходимо взглянуть на

словарные определения близких синонимов изучаемого концепта, чтобы выявить его самые яркие и дополнительные концептуальные признаки. Самыми близкими синонимами концепта *HAPPINESS* в английском языке могут выступать такие понятия, как *satisfaction*, *contentment*, *joy*. Таким образом, материалом для анализа дефиниций послужили определения ключевого концепта и его синонимов, взятые из словарей *Merriam-Webster Dictionary* и *Collins Online Dictionary*:

	Happiness	Satisfaction	Contentment	Joy
Merriam-Webster	1. a. a state of <u>well-being</u> and <u>contentment</u> : <u>JOY</u> b. a <u>pleasurable</u> or <u>satisfying</u> experience 2. <u>FELICITY</u> , <u>APTNESS</u> 3. obsolete: <u>good fortune</u> : <u>PROSPERITY</u>	<u>fulfillment</u> of a need or want.	feeling or showing <u>satisfaction</u> with one's <u>possessions</u> , <u>status</u> , or <u>situation</u>	the emotion evoked by <u>well-being</u> , <u>success</u> , or <u>good fortune</u> or by the <u>prospect</u> of <u>possessing</u> what one desires.
Collins Online Dictionary	1. the quality or state of being happy 2. <u>good fortune</u> ; <u>pleasure</u> ; <u>contentment</u> ; <u>joy</u>	the <u>pleasure</u> that you feel when you <u>do</u> something or <u>get something that you wanted</u> or needed to do or get.	a feeling of <u>quiet</u> <u>HAPPINESS</u> and <u>satisfaction</u> .	a feeling of great <u>HAPPINESS</u>

Первое, что можно заметить – концепт *HAPPINESS* представляет собой понятие более широкое, чем его синонимы, значения которых как бы дополняют и уточняют понимание ключевого концепта и являются одними из его компонентов. Тем не менее, все выявленные когнитивные признаки – как ключевого концепта, так и его синонимов – будут составлять поле значений концепта *HAPPINESS* в рамках дефиниционного исследования.

Так, ознакомившись с дефинициями, мы посчитали необходимым проследить, какие компоненты значений ключевого концепта, а также его синонимов, наиболее часто повторяются в словарных определениях. Так, можно наблюдать следующие компоненты по степени их частотности:

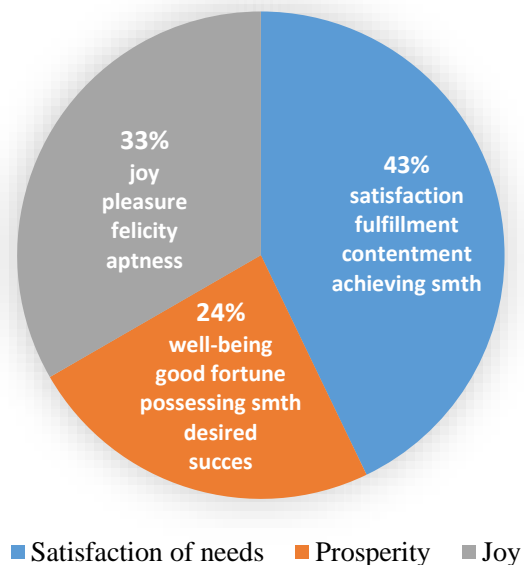
1. Pleasure (3).	7. Fulfillment of want/need (2).
2. Good fortune (3).	8. Possessing (2).
3. Satisfaction (3).	9. Felicity.
4. Well-being (2).	10. Aptness.
5. Contentment (2).	11. Success.
6. Joy (2).	

Далее, данные когнитивные признаки могут быть объединены в когнитивные классификаторы – более общие по своему значению группы – чтобы наглядно представить поле значений концепта *HAPPINESS*. Так, можно выделить такие классификаторы как:

1. **Satisfaction of needs:** *satisfaction (3), fulfillment of want/need (2), contentment (2), possessing something desired (2).*
2. **Joy:** *joy (2), pleasure (3), felicity, aptness.*
3. **Prosperity:** *well-being (2), good fortune/prosperity (3), success.*

Данные классификаторы расположены по порядку убывания их семантической яркости. Для наглядности можно ознакомиться со следующей диаграммой (Диаграмма 1):

Диаграмма 1. Яркость компонентов значения концепта *HAPPINESS*

Таким образом, принимая во внимание наиболее яркие семантические признаки концепта *HAPPINESS*, мы можем утверждать, что когнитивный классификатор *satisfaction of needs* имеет наибольшую яркость. Его когнитивные признаки были объединены по принципу удовлетворённости и достижения такого состояния. Они могут обозначать достижение неких материальных благ, но также и достижение удовлетворения нужд или духовных потребностей (однако напрямую в словарях такого не утверждается). Вторым за ним будет *joy*, который более нейтрально передаёт чувство *радости, удовольствия и благополучия*. И замыкает ряд классификатор *prosperity*, в котором заложены, как достижение материальных благ и обладание чем-либо (*good fortune, well-being*), так и успех в общем его понимании (*success*). Однако стоит отметить, что классификаторы *satisfaction of needs* и *prosperity* во многом схожи между собой в смысловом плане.

Соответственно, можно сделать вывод, что словарное толкование концепта *HAPPINESS* концентрирует внимание в основном на *процветании, успехе, удовлетворённости* и в меньшей степени на *радости*. Такое понимание наталкивает на мысль, что для достижения *СЧАСТЬЯ* главным образом необходимо обладать хорошим здоровьем, достатком, добиться желаемого успеха и достичь поставленных целей. Полученные в результате дефиниционного анализа данные помогают выявить, насколько сильно концепт *HAPPINESS* схож или отличается от лексикографического значения в дискурсе антиутопии, а также насколько точно «живое» понимание данного концепта актуализировано в словарях.

3.3. Контекстуальный анализ функционирования концепта *HAPPINESS*

Контекстуальный анализ конкретного употребления концепта *HAPPINESS* позволяет выявить специфику его самоорганизации в жанре антиутопии. Как уже было оговорено, антиутопия – жанр, основным мотивом которого называют критику идеального утопического общества, где главным компонентом является

всеобщее равенство и *СЧАСТЬЕ*. Так, ключевые концепты исследования в данном жанре имеют наибольший потенциал для смыслового раскрытия.

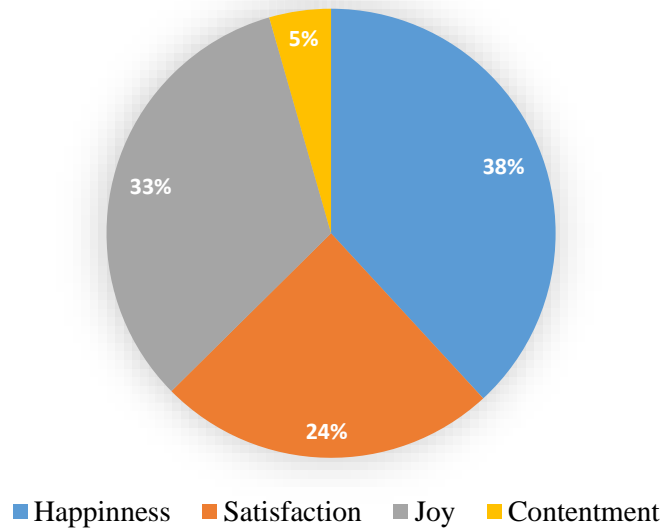
3.3.1. *HAPPINESS*. Взаимозаменяемость с синонимами

Анализ взаимозаменяемости ключевого концепта с его синонимами включает в себя выявление закономерностей употребления ключевого концепта исследования и его синонимов, проведение анализа их взаимозаменяемости, выявление их семантических различий и особенностей употребления в рамках жанра антиутопии.

Так, ближайшими синонимами концепта *HAPPINESS*, согласно словарям *Merriam-Webster Dictionary* и *Collins Online Dictionary*, можно считать такие понятия, как *satisfaction, joy, contentment*. Конечно, каждое из этих понятий несёт собственную смысловую окраску, и нельзя утверждать, что они могут быть полностью взаимозаменяемыми, так как ранее проведённый анализ дефиниций нам подсказал, что такие понятия, как *satisfaction, joy, contentment* выражают лишь некоторые компоненты, составляющие концепт *HAPPINESS*. Однако по этой же причине нельзя оставлять их без внимания, так как то, что наполняет смыслом ключевой концепт, может быть источником дополнительной информации о его когнитивных признаках.

Первым шагом к исследованию взаимозаменяемости концепта *HAPPINESS* с его синонимами будет подсчёт частотности их употребления. Данный шаг позволит исследователю оценить, насколько часто каждое из понятий употребляется в тексте и, соответственно, насколько востребовано в сознании автора то понятие, которое обозначает концепт. Так, из 270 примеров употребления ключевого концепта и его синонимов, складывается следующее процентное соотношение (Диаграмма 2):

Диаграмма 2. Частота употребления концепта *HAPPINESS* и его синонимов

Так, становится ясно, что ключевой концепт *HAPPINESS* употребляется авторами чаще какого-либо из его синонимов в рамках жанра антиутопии. Однако такие понятия, как *satisfaction* и *joy* не сильно уступают ему в востребованности в тексте, чего нельзя сказать о понятии *contentment*. Полученные данные говорят о том, что концепт *HAPPINESS* имеет хорошую репрезентативность в рамках выбранного жанра и понятие, вербализированное данным концептом, часто нуждается в соответствующем обозначении.

Далее требуется рассмотреть, как и насколько ключевой концепт отличается от своих синонимов в смысловом плане: какие оттенки значения свойственно нести каждому из них в контексте жанра антиутопии. Начнём с концепта *HAPPINESS*, и выберем те примеры, которые наиболее ярко продемонстрируют его значение, в сравнении с его синонимами:

- “*And that,*” put in the Director sententiously, “*that is the secret of HAPPINESS and virtue-liking what you’ve got to do. All conditioning aims at that: making people like their unescapable social destiny.*” (A. Huxley “*Brave New World*”)
- *Our HAPPINESS is part memory. What I remember is Luke, with me in the hospital, standing beside my head, holding my hand, in the green gown and white mask they gave him.* (M. Atwood “*The Handmaid’s Tale*”)

- *Lucy was well-meaning enough. But if she'd had her way, your **HAPPINESS** at Hailsham would have been shattered. Look at you both now! I'm so proud to see you both. You built your lives on what we gave you. (K. Ishiguro "Never Let Me Go")*

- *From its start, this country was a threat to the ancient rule of mystics. In the brilliant rocket-explosion of its youth, this country displayed to an incredulous world what greatness was possible to man, what **HAPPINESS** was possible on earth. It was one or the other: America or mystics. (A. Rand "Atlas Shrugged")*

Так, в рамках жанра антиутопии под **HAPPINESS** часто понимается общее состояние **СЧАСТЬЯ** – состояния, в момент которого в жизни индивида всё хорошо. Такое состояние, конечно, зависит от потребностей конкретного индивида (персонажа произведения), однако по примерам становится понятно, что подразумевается состояние радости и общей удовлетворённости жизнью. Это не быстрая эмоциональная реакция сознания на внешний раздражитель, а продолжительное обстоятельство.

Далее, рассмотрим примеры употребления понятия *satisfaction*:

- *He turned toward Lily and noticed to his **satisfaction** that her ribbons were, as usual, undone and dangling. (L. Lowry "The Giver")*

- *When Owen Kellogg entered her office, she looked at him with **satisfaction**. She was glad to see that she had been right in her vague recollection of his appearance—his face had the same quality as that of the young brakeman on the train, the face of the kind of man with whom she could deal. "Atlas Shrugged»")*

- *"Then it is useless," said Sennor with **satisfaction**, "and therefore it is a negative factor. My view entirely." (I. Asimov "The End of Eternity")*

- *"Those old magazines," Pris said; she had gathered a few things together to take with her, and Isidore lifted the bundle from her arms, feeling the glow that comes only from **satisfaction** at a goal achieved. (P. K. Dick "Do Androids Dream of Electric Sheep")*

- *With a faint feeling of **satisfaction** Winston laid the fourth message aside. It was an intricate and responsible job and had better be dealt with last. (G. Orwell “1984”)*

В отличие от *HAPPINESS*, понятие *satisfaction* редко передаёт значение продолжительного состояния и гораздо более успешно обозначает быструю реакцию на обстоятельства – удовлетворение от увиденного, содеянного или полученного. Поэтому часто встречается в сочетании с предлогом *with* (*said with satisfaction/ notice with satisfaction* и др.), передавая текущее состояние персонажа и его эмоции в данной ситуации. *Satisfaction* лишь в исключительных случаях может заменить *HAPPINESS* в тексте как синоним, так как не передаёт всех оттенков ключевого понятия. Также в рамках отобранного материала была выявлена интересная закономерность – *satisfaction* довольно часто используется, когда персонаж удовлетворён чужой неудачей, *неСЧАСТЬЕМ* или злостью:

- *He observed, with **satisfaction**, that she was silenced by anger. He liked to observe emotions; they were like red lanterns strung along the dark unknown of another's personality, marking vulnerable points. (A. Rand “Atlas Shrugged»”)*

- *Mrs. Taggart heard James say one evening, in the presence of guests, a peculiar tone of **satisfaction** in his voice, “Dagny, even though you were named after her, you really look more like Nat Taggart than like that first Dagny Taggart, the famous beauty who was his wife.” (A. Rand “Atlas Shrugged»”)*

- *He looked at her; his face assumed the **satisfaction** of a person about to utter something that has the power to hurt (A. Rand “Atlas Shrugged»”)*

- *An angry spark flashed in Taggart's veiled eyes, then his eyelids narrowed slowly and he, too, leaned back in his chair, his face relaxing to a faint look of mockery and satisfaction. (A. Rand “Atlas Shrugged»”)*

- *He looks undignified, thought Harlan with **satisfaction**, undignified and unsavory. So much the better. (I. Asimov “The End of Eternity”)*

- *I brush off her concerns about my ribs, and we take our places in the line. It hurts, but the **satisfaction** of having Snow watch me dance with my little sister reduces other feelings to dust. (S. Collins “The Mockingjay”)*

- *If that fails, I've got my knife. And I'll have Katniss," says Gale with a smile. "She won't give them the **satisfaction** of taking me alive."* (S. Collins "The Mockingjay")

Примеры выше являются яркой иллюстрацией того, что чувство удовлетворения, вербализированное понятием *satisfaction*, часто возникает в результате чужой неудачи. Таким образом, автор хочет обозначить отношение персонажа к другому герою произведения, подчеркнуть их антагонизм (как в примерах "*but the satisfaction of having Snow watch me dance with my little sister reduces other feelings to dust*"; "*He looks undignified, thought Harlan with satisfaction*"), либо выделить определённые черты характера героя, показать, что он может черпать удовольствие в чужом горе (*his face assumed the satisfaction of a person about to utter something that has the power to hurt*). Таким образом, *satisfaction* в дискурсе антиутопии свойственно притягивать к себе отрицательную коннотацию – «злого», «надменного» удовлетворения.

Следующим шагом будет анализ употребления понятия *joy*:

- *Joy flared up like fire within him. <...> He opened the green suitcase; and all at once he was breathing Lenina's perfume <...>.* (A. Huxley "Brave New World")
- *He was walking down the corridor, waiting for the bullet. <...> He walked easily, with a **joy** of movement and with a feeling of walking in sunlight. <...>.* (G. Orwell "1984")
- *But I see it turn the corner, come along the street, stop in front of the house, still blaring, and it's red. **Joy** to the world, rare enough these days.* (M. Atwood "The Handmaid's Tale")
- ***Joy.** That's the expression on her face. At the sound of my voice, it brightens, erases the suffering momentarily.* (S. Collins "The Mockingjay")
- *There was a veiled glimmer of **joy** in Harlan's eyes, but he did not smile. "Thank you, sir."* (I. Asimov "The End of Eternity")
- *He held his head as if he faced a challenge and found **joy** in his capacity to meet it.* (A. Rand "Atlas Shrugged")

Как видно из примеров, *joy* так же, как и *satisfaction*, может обозначать

непродолжительное эмоциональное состояние. Оно очень редко несёт какую-либо отрицательную коннотацию, и используется авторами для передачи искреннего чувства *радости*. Оно также может передавать чувство *СЧАСТЬЯ*, однако *joy*, как видно из примеров и ранее приведённых дефиниций, не состояние (state), а эмоция или чувство (emotion, feeling). Возможно, в тексте оно более состоятельно заменит слово *HAPPINESS* без утраты смысла, однако только в тех случаях, когда само концепт *HAPPINESS* передаёт мимолётное чувство:

- *When I wake, I have a brief, delicious feeling of **HAPPINESS/joy** that is somehow connected with Peeta. (S. Collins “Catching Fire”)*
- *Strange bits of **HAPPINESS/joy**, like the photo of Finnick and Annie's newborn son. (S. Collins “The Mockingjay”)*
- *She thought, replacing the receiver, that his return was natural and as she had always expected it to happen, except that she had not expected her sudden need to pronounce his name or the **stab of HAPPINESS/joy** she felt while pronouncing it. (A. Rand “Atlas Shrugged»”)*

Конечно, в данных примерах нельзя утверждать, что понятием *joy* можно полностью заменить употребление *HAPPINESS*, однако по смысловому наполнению *joy* способно более полноправно заместить ключевой концепт, нежели *satisfaction*.

Далее будут приведены несколько примеров, содержащих понятие *contentment*:

- *There must be men to tend them, men as steady as the wheels upon their axles, sane men, obedient men, stable in **contentment**. (A. Huxley “Brave New World”)*
- *If this is the manner of your love for me, if bearing the name of my wife will give you some form of **contentment**, I won't take it away from you. (A. Rand “Atlas Shrugged»”)*
- *She could renounce the railroad, she thought; she could find **contentment** here, in this forest; but she would build the path, then reach the road below, then rebuild the road—and then she would reach the storekeeper of Woodstock and that would be the*

end, and the empty white face staring at the universe in stagnant apathy would be the limit placed on her effort. (A. Rand "Atlas Shrugged»")

Так, понятие *contentment*, в отличие от *satisfaction* и *joy*, несмотря на словарное значение как чувства (feeling), в данных примерах скорее обозначает продолжительное состояние – удовлетворённости имеющимся, благосостояния, возможно даже стабильности. Оно во многом схоже в значении с *satisfaction*, так как первоначально обозначает достижение некоего удовлетворения от имеющегося, однако с семантическим оттенком *спокойствия и стабильности* (в рамках изученных примеров). Оно не всегда даже несёт яркий компонент *радости* или *СЧАСТЬЯ*. Поэтому, понятие *contentment* в редком контексте может являться полноправным синонимом понятия *HAPPINESS*.

Таким образом, в результате анализа употребления и взаимозаменяемости синонимов концепта *HAPPINESS* в дискурсе антиутопии было установлено следующее:

1. Ключевой концепт употребляется в текстах жанра антиутопии гораздо чаще своих синонимов. Это говорит не только о хорошей репрезентативности концепта в выбранном дискурсе, но и о востребованности понятия *HAPPINESS* в данном жанре.

2. Понятие *satisfaction* чаще всего используется для передачи эмоции удовлетворения. Оно редко может заменить ключевой концепт без утраты компонентов смысла и в рамках жанра часто используется с негативной коннотацией с целью художественной выразительности.

3. Понятие *joy* употребляется в тексте также для иллюстрации реакции радости на внешнее событие. Хотя оно и не всегда способно обозначать длительное состояние, в определённом контексте оно способно заменить ключевой концепт без большой утраты семантического значения.

4. Понятие *contentment*, в отличие от двух предыдущих, способно описывать длительное эмоциональное состояние, однако по семантической наполненности отличается от ключевого концепта и также способно заменить его лишь в редком контексте.

Так, концепт *HAPPINESS* является более сложным и глубоким смысловым образованием по сравнению с его синонимами. Когнитивные признаки ключевого концепта сами по себе подразумевают то, что обозначают его синонимы, поэтому он редко может быть ими заменён в тексте без утраты какого-либо семантического значения. Однако, так как понятия *satisfaction*, *joy* и *contentment* с лексикографической точки зрения считаются синонимами концепта *HAPPINESS* и фактически представляют собой вербализированные компоненты его значения, примеры их употребления также будут анализироваться при дальнейшем анализе самоорганизации концепта *СЧАСТЬЕ* в дискурсе антиутопии.

3.3.2. Сочетаемость концепта с другими лексемами

По завершении анализа взаимозаменяемости ключевого концепта с его синонимами, исследование может перейти к основной задаче: выявление специфики функционирования и самоорганизации концепта *СЧАСТЬЕ* в дискурсе антиутопии. Для выполнения поставленной задачи примеры употребления концепта в тексте были проанализированы сперва с точки зрения сочетаемости *HAPPINESS* с другими лексемами, чтобы определить, какие эпитеты могут характеризовать концепт *СЧАСТЬЕ* в дискурсе выбранного жанра и как это коррелирует с восприятием ключевого концепта в сознании читателей [Старикова 2020а].

На данном этапе в работе одновременно решается задача построения номинативного поля концепта, а также с синергетической точки зрения выявляется специфика смыслопорождения внутри сложной системы концепта *СЧАСТЬЕ*.

Таким образом, сперва было рассмотрено, какие эпитеты притягиваются к концепту *HAPPINESS* в антиутопическом дискурсе. Рассмотрим группу примеров, где *HAPPINESS* притягивает к себе отрицательные в семантической наполненности эпитеты:

Примеры из контекста	Когнитивное значение
<p><i>“Well, I’d rather be unhappy than have the sort of false, lying HAPPINESS you were having here.” (A. Huxley “Brave New World”)</i></p>	<p><u>Неискренность,</u> <u>лживость</u></p>
<p><i>Linda looked on, vaguely and uncomprehendingly smiling. Her pale, bloated face wore an expression of imbecile HAPPINESS. (A. Huxley “Brave New World”)</i></p>	<p><u>Неполноценность,</u> <u>«блаженность»</u></p>
<p><i>Montag and Beatty stared, one with dry satisfaction, the other with disbelief, at the house before them, this main ring in which torches would be juggled and fire eaten. (R. Bradbury “Fahrenheit 451”)</i></p>	<p><u>Сухость</u> Контекст: в мире данного произведения, сжигаются все запрещённые литературные произведения, а их хранение – преступление.</p>
<p><i>Finge went on, in a suddenly much lower voice, "I will not report, for the present, your recent attempt at violence against me." And although his smile remained and his glance remained mild, there was a relish of cruel satisfaction about him. (I. Asimov “The End of Eternity”)</i></p>	<p><u>Жестокость</u></p>
<p><i>Here, however, was something unusual. Harlan had complained concerning the girl, the so-called secretary. Finge was afraid the complaint might go further. ("The guilty fleeth when no man pursueth," thought Harlan with grim satisfaction and tried to remember where he had read that phrase.) (I. Asimov</i></p>	<p><u>Мрачность</u></p>

<p>“The End of Eternity”)</p>	
<p><i>Syme was venomously orthodox. He would talk with a <u>disagreeable gloating</u> satisfaction of helicopter raids on enemy villages <...>. (G. Orwell “1984”)</i></p>	<p><u>Неприветливость,</u> <u>злорадность</u></p>
<p><i>Dagny drew a black line across Train Number 93 on the schedule, and felt a moment's <u>desolate</u> satisfaction in noting that she did it calmly. (A. Rand “Atlas Shrugged»”)</i></p>	<p><u>Пустота, покинутость</u></p>
<p><i>He stood on the sidewalk, feeling <u>an odd, heavy, foggy</u> sense of satisfaction. (A. Rand “Atlas Shrugged»”)</i></p>	<p><u>Странность, тяжесть,</u> <u>неясность</u></p>
<p><i>I've always known that under that ascetic look of yours you were a plain, crude sensualist who sought nothing from a woman except an <u>animal</u> satisfaction which I pride myself on not having given you. (A. Rand “Atlas Shrugged»”)</i></p>	<p><u>Животность,</u> <u>первобытность</u></p>
<p><i>Do they call it a <u>low, animal</u> joy—this feeling that I would not care if the rail did break to bits under us now—it won't—but I wouldn't care, because I have experienced this? A low, physical, material, degrading pleasure of the body? (A. Rand “Atlas Shrugged»”)</i></p>	
<p><i><...> transformed and embellished by the soma in her blood, were the marvellous constituents, and smile once more her broken and discoloured smile of <u>infantile</u> contentment. (A. Huxley “Brave New World”)</i></p>	<p><u>Инфантильность,</u> <u>незрелость</u></p>
<p><i>After a hurried breakfast - he had lost time due to the discussion with his wife - he ascended clad for venturing out, including his Ajax model Mountibank Lead Codpiece, to the covered roof pasture whereon his electric sheep "grazed." Whereon it, sophisticated piece of</i></p>	<p><u>Искусственность</u></p>

<p><i>hardware that it was, chomped away in <u>simulated contentment</u>, bamboozling the other tenants of the building. (P. K. Dick “Do Androids Dream of Electric Sheep”)</i></p>	
---	--

Так, становится ясно, что в контексте жанра антиутопии, концепту *HAPPINESS* свойственно притягивать к себе определения со знаком минус, отрицательные в своём семантическом значении. В этом и проявляется авторская критика типичного устройства общества антиутопии: достижение «универсального», «всеобщего» *СЧАСТЬЯ* стоит одной из основных целей гротескно-тоталитарного антиутопического государства, однако это его желание совершенно точно неискренне. Сквозь призму сознания протагониста произведения читатель наблюдает, что то, что преподносится в авторском мире как *СЧАСТЬЕ*, на самом деле таковым может и не являться. Такие эпитеты, как *lying*, *imbecile*, *infantile* указывают, что существующая система концепта *СЧАСТЬЕ* в сознании героя уже больше не актуальна и в будущем она потенциально будет реорганизовываться в новую. Таким образом, в рамках жанра, *СЧАСТЬЕ* не сформировано до конца (остановилось где-то на середине значения), и его истинное значение недоступно большинству населения антиутопического государства. Более того, эмоции, характеризующие состояния *СЧАСТЬЯ* (такие как *satisfaction*), могут отличаться «жестокостью» или «мрачностью» [Старикова 2020б].

Также стоит обратить внимание, что зачастую, если рядом с ключевым концептом стоит эпитет, положительный в своей трактовке, в большинстве случаев это будет лишь авторская ирония [Старикова 2021а]:

Примеры из контекста	Когнитивное значение
<p><i>I can see him trying to read my expression, to figure out my</i></p>	<p><u>Истинность, неподдельность.</u></p>

<p><i>transformation. Since he doesn't know that President Snow thinks I have failed, he can only assume that I think we have succeeded. Perhaps even that I have some genuine HAPPINESS at our engagement.</i> (S. Collins "Catching Fire")</p>	<p>Контекст: персонаж иронизирует, показывая невозможность переживать «настоящее» СЧАСТЬЕ в данной ситуации.</p>
<p><i>Mildred, leaning anxiously, nervously, as if to plunge, drop, fall into that swarming immensity of color to drown in its bright HAPPINESS.</i> (R. Bradbury "Fahrenheit 451")</p>	<p><u>Яркость</u> Контекст: в мире произведения в домах часто устанавливают экраны во все стены, однако главный герой не считает их по-настоящему способными приносить СЧАСТЬЕ – лишь его упрощенный «заменитель» в виде яркой картинки.</p>
<p><i>She lifted her bare wet shoulders in a small shrug. "I don't know. I don't think anybody does, except the committee. He just bowed to all of us and then walked, like they all do, through the special door in the Releasing Room. But you should have seen his look. Pure HAPPINESS, I'd call it."</i> (L. Lowry "The Giver")</p>	<p>В данном примере персонаж говорит о <i>чистом СЧАСТЬЕ</i>, выраженном на лице Роберто, идущего на смерть. В обществе, описанном в произведении, это нормальная практика, избавляющее социум от слабых или старых людей. Даже несмотря на то, что Роберто полностью осознавал свою дальнейшую судьбу, и испытывал СЧАСТЬЕ, избавляя общество от бремени своего существования, читатель понимает, что это результат антиутопической пропаганды.</p>

<p><i>If Rick were here, she thought, he'd get me to dial 3 and that way I'd find myself wanting to dial something important, ebullient joy or if not that then possibly an 888, the desire to watch TV no matter what's on it. (P. K. Dick "Do Androids Dream of Electric Sheep")</i></p>	<p><u>Энергичность/радостность</u> Контекст: в мире произведения есть устройства, способные заставить человека переживать определённые эмоции. Однако это, в любом случае, очередная попытка тоталитарного государства заменить истинное СЧАСТЬЕ синтетическим.</p>
---	---

Таким образом, в примерах выше исследователь может наблюдать, как в рамках жанра антиутопии есть общая жанровая доминанта – многие произведения отличаются неким «суррогатом» **СЧАСТЬЯ**, например «parlor walls» («телестены») в «451 градус по Фаренгейту», «mood organ» («модулятор») в «Мечтают ли андроиды об электроовцах», «soma» («сома») в «Дивный новый мир». Все эти приспособления так или иначе направлены на изменение настроения населения, будь то наркотик сома, вызывающий чувство «глупой» (*imbecile*) эйфории, или же телестены, «зомбирующие» сознание граждан яркими незамысловатыми изображениями. Такие устройства существуют для того, чтобы притуплять когнитивные способности людей, для облегчения контроля над ними. Однако критика данной политики присутствует как опосредованно (с помощью авторской иронии), так и напрямую, когда звучит из уст протагониста. Таким образом, благодаря эпитетам, характеризующим **HAPPINESS** с его отрицательной стороны, исследователь понимает, что антиутопическое **СЧАСТЬЕ**, а особенно то, каким оно выступает в начале произведений, не устраивает как автора, так и его протагониста. В сознании героя, как правило, возникает когнитивный диссонанс, так как его

понимание концепта *СЧАСТЬЕ* начинает отличаться от того, которое устоялось в антиутопическом мире.

Конечно, концепт *HAPPINESS* может притягивать к себе и положительные в своей коннотации эпитеты. Однако стоит обратить внимание, что все эти примеры объединены схожим контекстом:

Примеры из контекста	Когнитивное значение
<p><i>And suddenly I felt the disappointment ebbing away and being replaced by a real HAPPINESS. We didn't do things like hug each other much at Hailsham. But I squeezed one of her hands in both mine when I thanked her. (K. Ishiguro "Never Let Me Go")</i></p>	<p><u>Подлинность</u></p>
<p><i>All of it was new to him. After a life of Sameness and predictability, he was awed by the surprises that lay beyond each curve of the road. <...>During his twelve years in the community, he had never felt such simple moments of exquisite HAPPINESS. (L. Lowry "The Giver")</i></p>	<p><u>Изысканность,</u> <u>совершенство</u></p>
<p><i>He sat still, looking up at her, I love you, he said to the girl on the flatcar, silently pronouncing the words that had been the meaning of that moment four years ago, feeling the solemn HAPPINESS that belonged with the words, even though this was how he had to say it to her for the first time. (A. Rand "Atlas Shrugged")</i></p>	<p><u>Торжественный,</u> <u>искренний</u></p>
<p><i>When I wake, I have a brief, delicious feeling of HAPPINESS that is somehow connected with Peeta. <...> Still, the sensation's so unexpected and sweet I cling to it, if only for a few moments. Before the gritty sand, the hot sun, and my itching skin demand a return to reality.(S. Collins "Catching fire")</i></p>	<p><u>Неожиданность,</u> <u>сладость</u></p>

<p><i>But the future, she thought, would be like Francisco's smile, there was the key to it, the advance warning of its nature—in his face in the firelight under the pine branches—and suddenly she felt an <u>unbearable</u> HAPPINESS, unbearable because it was too full and she had no way to express it. (A. Rand “Atlas Shrugged»”)</i></p>	<p><u>Невыносимость</u></p>
<p><i>He must disguise the fact that with Noys's nonexistence in the new Reality he was almost physically overwhelmed by a flood of pure elation, <u>unbearable</u> joy. (I. Asimov “The End of Eternity”)</i></p>	
<p><i>She did not answer, she felt as if a word would overflow the fullness of this moment, she merely turned to him with a look of acquiescence that was disarmed, childishly humble and would have been an apology but for its <u>shining</u> joy, He smiled—in amusement, in understanding, almost in comradeship of the things they shared and in sanction of the things she felt. (A. Rand “Atlas Shrugged»”)</i></p>	<p><u>Сияющее</u></p>
<p><i>For Rick Deckard an escaped humanoid robot, which had killed its master, which had been equipped with an intelligence greater than that of many human beings, which had no regard for animals, which possessed no ability to feel <u>emphatic</u> joy for another life form's success or grief at its defeat - that, for him, epitomized The Killers. (P. K. Dick “Do Androids Dream of Electric Sheep”)</i></p>	<p><u>Решительность,</u> <u>чёткость</u></p>
<p><i>On this unexpected, casual holiday he felt happy, as he always had on holidays; but with a <u>deeper</u> HAPPINESS than ever before. Thinking, as he always did, about precision of</i></p>	<p><u>Глубокое</u></p>

<i>language, Jonas realized that it was a new depth of feelings that he was experiencing. (L. Lowry “The Giver”)</i>	
--	--

Данный тип примеров объединяет общность трактовки контекста: во всех указанных случаях персонаж произведения чувствует искреннее *СЧАСТЬЕ*, связанное с людьми, которые им дороги (как в первых двух примерах), или с ощущением долгожданной, ещё не изведанной *свободы*. В таких случаях автор не скупится на эпитеты, описывающие *HAPPINESS* как «глубокое», «сияющее», «сладкое» даже порой «невыносимое» чувство. Именно в моменты близости герой произведения осознает, *что* именно должно стоять в ядре его *СЧАСТЬЯ* – не стабильность и мнимое равенство, а *любовь* или *дружба*.

Также можно предположить, что в произведениях, написанных в более позднем периоде, авторы стараются подчеркнуть истинные компоненты *СЧАСТЬЯ* не путём иронии или противопоставления, а через определённый контекст – герой по-настоящему счастлив, когда имеет возможность взаимодействовать с другими людьми или когда его личностную свободу ничего не ограничивает.

Далее, анализу подлежат те примеры сочетаемости *HAPPINESS* с эпитетами, которые стоит рассмотреть отдельно, так как их сложно отнести в какую-либо из указанных выше групп. Так, проанализируем следующий пример:

- *The Isles of the Blessed. That is what the Greeks called it, thousands of years ago. They said Atlantis was a place where hero-spirits lived in a **HAPPINESS** unknown to the rest of the earth. <...> A radiant island in the Western Ocean. Perhaps what they were thinking of was America. They never found it. For centuries afterward, men said it was only a legend. (A. Rand “Atlas Shrugged»”)*

Так, здесь можно наблюдать когнитивный признак «неизведанности». Описывая Атлантиду, персонаж рассказывает, что в древней цивилизации таилось «неведомое» сейчас *СЧАСТЬЕ*, чем автор подчёркивает, что в нынешнем антиутопическом обществе понятие *СЧАСТЬЯ* сильно отличается от того, которое существовало во времена задолго до его современности. Далее, говоря о том, что

античные люди могли воспринять Америку за Атлантиду, которую так и не нашли, Айн Рэнд могла отсылаться не столько к фактическим географическим открытиям, сколько к тому, что, даже открыв Америку, ставшую в производстве антиутопичной индустриализованной страной, люди так и не нашли искомого *СЧАСТЬЯ*, сокрытого в древней цивилизации атлантов.

- *Call it the fault of civilization. God isn't compatible with machinery and scientific medicine and **universal HAPPINESS**. (A. Huxley "Brave New World")*

В данном примере отражён когнитивный признак «универсальности», или «общности», ярко иллюстрирующий отношение тоталитарной власти антиутопического романа к понятию *СЧАСТЬЕ*. Оно обязательно должно быть общим для всех, и стоит наравне с такими понятиями, как «технологии» и «научная медицина» – то, что может быть изучено и создано. А религиозные концепции, такие как Бог, только мешают «универсальности» *СЧАСТЬЯ*, ведь могут задавать излишние моральные ориентиры.

- *An Eternal, who must sell the **normal** satisfactions of family life for a handful of perforations on foil, is ripe for infection. (I. Asimov "The End of Eternity")*

В произведении Айзека Азимова «вечные» (Eternals) служат во благо человеческого *СЧАСТЬЯ*, путешествуя во времени и предотвращая войны и катастрофы. Так, они должны жертвовать «нормальными» радостями жизни ради обязанностей. Здесь проявляется когнитивный признак «нормативности», подразумевая, что удовлетворение может быть «нормальным» (как например удовлетворение семейной жизнью).

Таким образом, анализ сочетаемости концепта *HAPPINESS* с другими лексемами выявил следующие особенности:

1. Концепту *HAPPINESS* в дискурсе антиутопии свойственно притягивать к себе эпитеты с отрицательной коннотацией. Таким образом авторы романов-антиутопий критикуют навязанную тоталитарным государством идею *СЧАСТЬЯ*. В таких случаях концепт имеет такие когнитивные признаки как: *неискренность, искусственность, неполноценность, сухость, жестокость, мрачность,*

неприветливость, покинутость, странность, тяжесть, неясность, первобытность, незрелость. Многие из таких примеров указывают на то, что протагонист произведения порицает такое *СЧАСТЬЕ*, что что говорит о том, что существующий аттрактор его системы концепта *СЧАСТЬЕ* неэффективен, и система должна пережить реорганизацию для достижения нового стабильного состояния, с другим аттрактором.

1. *HAPPINESS* в дискурсе антиутопии часто становится частью иронии, так как, употребляясь в паре с эпитетами с положительной коннотацией, в контексте характеристика концепта не всегда положительная. Такие примеры также иллюстрируют авторскую критику антиутопического *СЧАСТЬЯ* как искусственного и искажённого.

2. Зачастую *HAPPINESS* характеризуется положительным эпитетами тогда, когда персонаж произведения чувствует близость с другими людьми. *СЧАСТЬЕ* близости не порицается и не критикуется авторами произведений, раскрывая авторский замысел: истинное *СЧАСТЬЕ* возможно испытать через дружбу или любовь. В таких случаях *СЧАСТЬЕ* имеет такие когнитивные признаки, как *подлинность, изысканность, совершенство, торжественность, искренность, невыносимость, сияющий, решительность, глубина.*

Таким образом, анализ сочетаемости концепта *HAPPINESS* с другими лексемами позволяет убедиться, что дискурсу антиутопии свойственна имплицитность. Авторы многих произведений не дают определение *СЧАСТЬЯ* напрямую и хотят, чтобы читатель сам вывел для себя «формулу» данного понятия от обратного: если представленное в мире антиутопии «универсальное» *СЧАСТЬЕ* является «искусственным» и «недоразвитым», каким оно должно быть? Если *СЧАСТЬЕ* «подлинно» только в моменты близости с другими, не в этом ли оно тогда заключается?

Так, можно сделать предварительный вывод, что в дискурсе антиутопии порождения смыслов внутри концепта *СЧАСТЬЕ* движутся согласно синергетическим принципам: от одного состояния гомеостаза к другому. От

восприятия персонажем *СЧАСТЬЯ* как чего-то *ненатурального, искусственного и неприветливого* к принятию новой смысловой системы понятия. Однако стоит оговориться, что первоначальное состояние «гомеостаза» протагониста можно считать иллюзорным или *квазистабильным*, ведь главный персонаж романов подобного жанра изначально создается авторами по каким-то причинам устойчивым к навязанным государствам идеалам.

3.3.3. Концепт *HAPPINESS* как составляющая тропов и фигур речи

Концепт *HAPPINESS* в выбранном дискурсе часто является участником и объектом множества стилистических тропов и фигур речи. Помимо того, что это говорит о важности концепта в мире романов-антиутопий, анализ данного явления поможет выявить дополнительные когнитивные признаки изучаемого понятия и выяснить, как он концептуализирован в сознании героев произведения.

- *It was the sort of idea that might easily decondition the more unsettled minds among the higher castes-make them lose their faith in HAPPINESS as the Sovereign Good and take to believing, instead, that the goal was somewhere beyond (A. Huxley "Brave New World")*
- *"Of course it does. Actual HAPPINESS always looks pretty squalid in comparison with the over-compensations for misery. <...> . HAPPINESS is never grand." (A. Huxley "Brave New World")*
- *HAPPINESS is a hard master-particularly other people's **HAPPINESS**. (A. Huxley "Brave New World")*
- *Our Ford himself did a great deal to shift the emphasis from truth and beauty to comfort and HAPPINESS. Mass production demanded the shift. Universal HAPPINESS keeps the wheels steadily turning; truth and beauty can't. We've gone on controlling ever since. It hasn't been very good for truth, of course. But it's been very good for HAPPINESS. <...> HAPPINESS has got to be paid for. (A. Huxley "Brave New World")*

Так, можно заметить ту же тенденцию среди авторов (из выбранных в данной работе источников) к прямолинейности выражения своих критических идей. *HAPPINESS* в метафорах всё так же часто выступает отрицательным персонажем. Но следует отметить, что данные примеры: о *СЧАСТЬЕ* как о «всеобщей цели», как о «суровом хозяине», о его «убогости» – все это слова героя романа (представителя власти) в сторону общечеловеческого, привычного читателю понятия *СЧАСТЬЕ*. Интересно, как автор критикует антиутопическое *СЧАСТЬЕ* и, в то же время, критикует и «наше с вами» через уста одного из своих героев. Он словно пытается убедить читателя вместе с главным персонажем, что *СЧАСТЬЕ* как свобода выбора, любовь, дружба, полет творческой мысли – это неразумно. А выбор государства вести людей к *СЧАСТЬЮ* как «высшей цели», подальше от «убогости» – вот что разумно. Отбросьте любовь и дружбу – это отвлекает, не читайте художественную литературу – лишь забивает голову, забудьте муки выбора – здесь мы заботливо всё решили за вас. Вот такое оно, *СЧАСТЬЕ* в рамках антиутопии – искусственное, из пробырки. Именно поэтому можно утверждать, что жанр антиутопии живёт иносказательностью и импликацией. И именно от этого прямого, упрощённого понимания *СЧАСТЬЯ* как «состояния удовлетворения всех нужд и потребностей, состояния радости» читатель отталкивается в своей идее, что понятие *СЧАСТЬЯ* гораздо глубже.

Более того, политика властей в антиутопическом мире предоставляется ими как «дар», как «освобождение», *СЧАСТЬЕ* свободы от самой же свободы – тяжкой, мучительной и обременяющей. Антиутопический тоталитаризм старательно вкладывает мысль о своей добродетели, ведь человек не знает, что ему делать со своей свободой. А где человек не знает – заботливо подсказет власть, выложит всё на блюдечке, направит в нужное русло и решит все проблемы. Но самое страшное в романах антиутопиях – не всевластие деспотичного государства, а нежелание общества с ним бороться [Старикова 2020б].

Э. Фромм в своей работе «Бегство от свободы» рассуждал о свободе в рамках феномена тоталитаризма. Автор различал два вида свободы – «свобода от» и «свобода для». Первая предоставляется как свобода негативная, и, по утверждению

автора, человек имеет три механизма бегства от такой свободы. Это авторитарная, конформистская и деструктивная разновидности невротического характера. Первый выражается в мазохистской страсти к подчинению себя другим или в садистской страсти к подчинению других себе. Второй состоит в отказе от своей индивидуальности и стремлении быть «как все». Третий – в неудержимой тяге к насилию, жёсткости, разрушению» [Фромм 2017: 147]. Таким образом, по мнению Э. Фромма, человеку самому свойственно «бежать» от своей свободы, что отлично вписывается в антиутопическую концепцию, где общество абсолютно аморфно по отношению к своей индивидуальности и свободам.

Следующий пример наглядно показывает, как тоталитарное правительство отвлекает своих граждан от возможности задуматься над действительностью происходящего. Оно убедительно «подкармливает» их развлечениями, которые притупляют в людях даже элементарное чувство морали: массы наслаждаются появлением их лидера, в то время как в обществе нормализованы «спортивные» игры насмерть:

- *Caesar is beside himself, the Capitol audience is hysterical, shots of crowds around Panem show a country **besotted with HAPPINESS**. (S. Collins “Catching Fire”)*

В следующем примере наглядно видно, как некоторые персонажи все же осознают своё несчастье, однако не имеют возможности вырваться из заданного государством стандарта жизни. Для персонажа *СЧАСТЬЕ* является лишь маской, под которой он прячет свои искренние переживания и эмоции:

- *He **wore his HAPPINESS like a mask**, the girl had run off across the lawn with the mask, and there was no way of going to knock on her door and ask for it back. (R. Bradbury “Fahrenheit 451”)*

В произведении Айзека Азимова главный персонаж служит «во благо» человеческого *СЧАСТЬЯ* в межпространственной организации, способной вмешиваться в ход человеческой истории. Данные примеры отмечают, что *СЧАСТЬЕ* данной организацией понимается как математическая сущность, которая может быть изменена в угоду «правильному решению»:

- *Regardless of the facts of life to which the practical men of Eternity made a perfunctory obeisance it remained true that the ideal Eternal was a dedicated man living for the mission he had to perform, for the betterment of Reality and the improvement of the sum of human HAPPINESS. Harlan liked to think that Eternity was like the monasteries of Primitive times. (I. Asimov “The End of Eternity”)*

- *“Then there would be a new Reality and a new you with new memories. It would be just as though nothing had happened, except that the sum of human HAPPINESS would have been increased again.” (I. Asimov “The End of Eternity”)*

Следующие примеры раскрывают, что антиутопичная реальность неустанно лишает персонажей их личного СЧАСТЬЯ, за счёт превознесения в их жизнь трудностей, связанных с жизнью в тоталитарном государстве:

- *Our HAPPINESS is part memory. What I remember is Luke, with me in the hospital, standing beside my head, holding my hand, in the green gown and white mask they gave him. (M. Atwood “A Handmaid’s Tale”)*

- *I guess he's still going, anyway. But the HAPPINESS has fled, leaving an all-too-familiar strain in its place. “Mine, too. I'll just have to make her see reason. Take her for a long walk. Make sure she understands we won't survive the alternative.” (S. Collins “Catching Fire”)*

- *An Eternal, who must sell the normal satisfactions of family life for a handful of perforations on foil, is ripe for infection (I. Asimov “The End of Eternity”)*

Другая группа примеров HAPPINESS как части стилистических тропов показывает, в каких случаях персонажи произведений всё же чувствуют неподдельное СЧАСТЬЕ: в очередной раз это происходит в моменты близости с другими людьми:

- *Alone, Isidore made his way down the echoing, empty hall to the stairs. The potent, strong fragrance of HAPPINESS still bloomed in him, the sense of being—for the first time in his dull life—useful. Others depend on me now, he exulted as he trudged down the dust-impacted steps to the level beneath (P. K. Dick Do Androids Dream of Electric Sheep?)*

- *He shook his head. This was not the time for his old doubts. He felt that he could forgive anything to anyone, because HAPPINESS was the greatest agent of purification. (A. Rand “Atlas Shrugged»”)*

- *But she did not want to think of it now, because they were moving away from the burdens, because within the space of a speeding car they held the stillness of full HAPPINESS. She moved her head imperceptibly to let it touch his shoulder for a moment. (A. Rand “Atlas Shrugged»”)*

- *She thought, replacing the receiver, that his return was natural and as she had always expected it to happen, except that she had not expected her sudden need to pronounce his name or the stab of HAPPINESS she felt while pronouncing it. (A. Rand “Atlas Shrugged»”)*

Однако даже в таких случаях многие эпитеты указывают, что не всегда такое состояние кажется героям привычным (*strange*), и иногда с ним даже нужно бороться. Во многом, это тот же результат тоталитарной пропаганды, и персонажи антиутопического романа не всегда понимают, что достойны переживать искреннее СЧАСТЬЕ:

- *Strange bits of HAPPINESS, like the photo of Finnick and Annie's newborn son. (S. Collins “The Mockingjay”)*

- *He was fighting to regain control, there was almost a touch of apology in his smile, the apology of a child pleading for indulgence, but there was also an adult's amusement, the laughing declaration that he did not have to hide his struggle, since it was HAPPINESS that he was wrestling with, not pain. (A. Rand “Atlas Shrugged»”)*

- *"Forgive me, I mustn't say that. Not until you say it," He was trying to control his voice, but the look of HAPPINESS was beyond his power of control. (A. Rand “Atlas Shrugged»”)*

Таким образом, анализ концепта *HAPPINESS* как части стилистических тропов и фигур речи показал, что данная сущность в выбранном дискурсе имеет специфические смысловые компоненты. В системе концепта СЧАСТЬЕ в жанре антиутопии в ядре находится *стабильность*, как результат воспитания в

тоталитарном обществе. В социуме романов антиутопий на первом месте – спокойная жизнь и удовлетворение своих нужд, а развитие и личные желания зачастую порицаются. Однако герои произведения всё же понимают, что состояние *СЧАСТЬЯ* приходит тогда, когда они *свободны* чувствовать.

3.3.4. Жанроспецифичные особенности антиутопического *HAPPINESS*

Ранее в работе удалось установить, что *СЧАСТЬЕ* в рамках жанра антиутопии существенно различается с авторским и читательским прочтением данного понятия. Так, для описания понимания *СЧАСТЬЯ* в художественном мире антиутопии авторы используют прямое словарное толкование, где *СЧАСТЬЕ* понимается как процветание (в данном жанре больше в материальном плане), удовлетворение нужд и желаний и простые удовольствия. Читатель же одновременно с протагонистом произведения понимает, что понятие *СЧАСТЬЯ* нуждается в некоторых семантических уточнениях – ведь герои романа антиутопии зачастую далеко несчастны, хоть и обладают всеми выше названными «компонентами» *СЧАСТЬЯ*.

Так, следующая часть анализа направлена на изучение примеров, которые ясно иллюстрируют жанроспецифичные особенности понимания концепта *HAPPINESS* и способствуют реконструкции его самоорганизации в дискурсе антиутопии. Для удобства, примеры разделены по группам. Первая группа примеров наглядно показывает, как *HAPPINESS* несопоставимо со свободой в мире антиутопии:

- “*And that,*” put in the Director sententiously, “*that is the secret of HAPPINESS and virtue-liking what you’ve got to do. All conditioning aims at that: making people like their unescapable social destiny.*” (A. Huxley “*Brave New World*”)
- “*We believe in HAPPINESS and stability. A society of Alphas couldn’t fail to be unstable and miserable. Imagine a factory staffed by Alphas that is to say by separate and unrelated individuals of good heredity and conditioned so as to be capable (within*

limits) of making a free choice and assuming responsibilities. Imagine it!" (A. Huxley "Brave New World")

- *It was the sort of idea that might easily decondition the more unsettled minds among the higher castes-make them lose their faith in HAPPINESS as the Sovereign Good and take to believing, instead, that the goal was somewhere beyond, somewhere outside the present human sphere, that the purpose of life was not the maintenance of well-being, but some intensification and refining of consciousness, some enlargement of knowledge. <...> "Not to be published" drew a second line, thicker and blacker than the first; then sighed, "What fun it would be," he thought, "if one didn't have to think about HAPPINESS!" (A. Huxley "Brave New World")*

- *We did not make ourselves, we cannot be supreme over ourselves. We are not our own masters. We are God's property. Is it not our HAPPINESS thus to view the matter? Is it any HAPPINESS or any comfort, to consider that we are our own? (A. Huxley "Brave New World")*

- *She did not understand that there was no such thing as HAPPINESS, that the only victory lay in the far future, long after you were dead, that from the moment of declaring war on the Party it was better to think of yourself as a corpse (G. Orwell "184").*

- *That the choice for mankind lay between freedom and HAPPINESS, and that, for the great bulk of mankind, HAPPINESS was better. That the party was the eternal guardian of the weak, a dedicated sect doing evil that good might come, sacrificing its own HAPPINESS to that of others (G. Orwell "184").*

- *Every success, every achievement, every victory, every scientific discovery, all knowledge, all wisdom, all HAPPINESS, all virtue, are held to issue directly from his leadership and inspiration. Nobody has ever seen Big Brother. (G. Orwell "184")*

- *Now I will tell you the answer to my question. It is this. The Party seeks power entirely for its own sake. We are not interested in the good of others; we are interested solely in power. Not wealth or luxury or long life or HAPPINESS: only power, pure power. (G. Orwell "184")*

Так, на базе этих примеров можно сделать уверенный вывод, что первым признаком антиутопического СЧАСТЬЯ будет «отсутствие возможности выбора», или «предопределённость». Однако свободу у СЧАСТЬЯ отобрали не задаром, а заменили её «стабильностью». Хотя, конечно же, это лишь красивая обёртка для «оков», ведь антиутопия умело искажает и выворачивает все ценностные понятия, подгоняя их значения под ей удобную форму. Далее рассмотрим ещё несколько примеров, подтверждающих политику антиутопического государства против свободомыслия и творческого развития [Старикова 2022б]:

- “Yes,” Mustapha Mond was saying, “that’s another item in the cost of stability. It isn’t **only art that’s incompatible with HAPPINESS; it’s also science. Science is dangerous; we have to keep it most carefully chained and muzzled.**” (A. Huxley “Brave New World”).
- “Of course it is,” the Controller agreed. “**But that’s the price we have to pay for stability. You’ve got to choose between HAPPINESS and what people used to call high art. We’ve sacrificed the high art. We have the feelies and the scent organ instead.**” (A. Huxley “Brave New World”)
- Our Ford himself did a great deal to **shift the emphasis from truth and beauty to comfort and HAPPINESS. Mass production demanded the shift. Universal HAPPINESS keeps the wheels steadily turning; truth and beauty can’t** (A. Huxley “Brave New World”).
- **ART, SCIENCE-you seem to have paid a fairly high price for you HAPPINESS”** (A. Huxley “Brave New World”).
- Our Ford himself did a great deal to **shift the emphasis from truth and beauty to comfort and HAPPINESS. Mass production demanded the shift. Universal HAPPINESS keeps the wheels steadily turning; truth and beauty can’t. We’ve gone on controlling ever since. It hasn’t been very good for truth, of course. But it’s been very good for HAPPINESS. <...> HAPPINESS has got to be paid for.** (A. Huxley “Brave New World”).

• *Lucy was well-meaning enough. But if she'd had her way, your HAPPINESS at Hailsham would have been shattered. Look at you both now! I'm so proud to see you both. You built your lives on what we gave you. You wouldn't be who you are today if we'd not protected you. <...> Why should you have done, knowing what lay in store for each of you? (K. Ishiguro "Never Let Me Go")*

Теперь наглядно становится ясно, что из антиутопического СЧАСТЬЯ можно смело вычёркивать такие компоненты, как «возможность к познанию», «фантазия», «размышление», «творчество», «тяга к прекрасному». Антиутопия не приемлет полёта мысли так же, как она не приемлет свободы выбора. Она открыто заявляет своим героям: да, пришлось «заплатить цену» за ваше СЧАСТЬЕ, но смотрите, как хорошо может быть и без него.

Теперь, перед тем, как сделать окончательные выводы о специфике семантики и самоорганизации концепта *HAPPINESS* в рамках жанра антиутопии, предлагаем ознакомиться со сводной таблицей различий и сходств антиутопического *HAPPINESS* с его словарными семантическими признаками:

	Антиутопическая трактовка	Общепринятая
Satisfaction	+	+
Joy	+	+
Prosperity	+	+

Таблица наглядно показывает, что лексическому толкованию *HAPPINESS* жанр антиутопии напрямую не противоречит. Напротив, он отвечает всем признакам ближайшего значения концептов. Даже углубившись в произведения, читатель не поспорит с тем, что, как правило, большинство населяющих художественный мир антиутопии людей отчётливо испытывают все перечисленные чувства к искусственному суррогату СЧАСТЬЯ (за исключением протагониста произведения). Это и есть та самая лазейка антиутопического мира на пути к ценностной манипуляции: он берёт идею, безжалостно уродует и

извращает её значение. Именно такая деформация и происходит с понятием *СЧАСТЬЕ*. Почти что карикатурно-деспотичное государство антиутопии использует этот концепт как плату за послушание, скармливая своим гражданам суррогат *СЧАСТЬЯ*, выверенный до последней цифры в его «идеальной» формуле. Однако благодаря той самой когнитивной базе – набору встроенных моральных регуляторов и убеждений, подсказывающий, что *СЧАСТЬЕ* невозможно построить на предлагаемых словарём компонентах, что оно неотрывно связано с человеческим стремлением к самореализации, росту, наличию близких по духу людей, возможности сделать выбор и даже ошибку – читатель понимает, насколько фальшив этот заменитель, даже при отсутствии прямого пояснения автора. Это, несомненно, доказывает не только наличие у концепта *СЧАСТЬЕ* широкого набора периферийных признаков, но также наличие у людей способности их выявлять (хотя бы частично) без каких-либо лингвистических знаний и словарей [Самигуллина, Старикова: 2020].

Таким образом, изучив семантические особенности концепта *СЧАСТЬЕ* в рамках жанра антиутопии, мы можем сделать вывод, что понятие условно имеет две трактовки: антиутопическую и общепринятую. Под первой подразумевается то, как концепт *СЧАСТЬЕ* воспринимается населением внутри вымышленного художественного произведения. Данная трактовка отличается искажённостью когнитивных компонентов в угоду авторскому смыслу и заведомо *ложна*. Она является продуктом иронии над утопическим обществом, и её цель – сформировать в сознании читателей тот образ *СЧАСТЬЯ*, который автор антиутопии считает истинным (общепринятым).

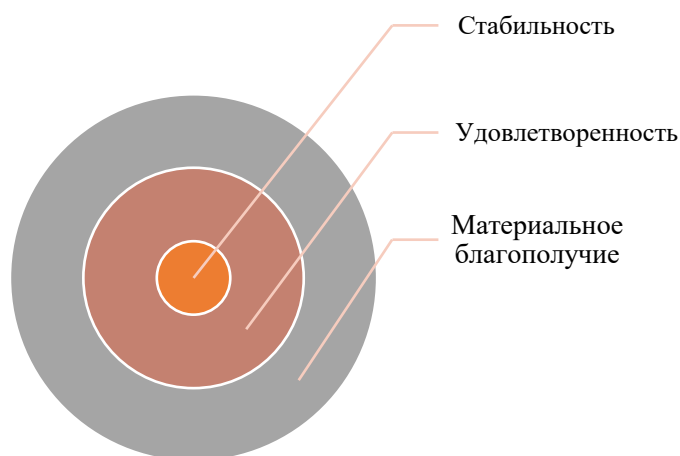
Соответственно, антиутопическая трактовка концепта *СЧАСТЬЕ* имеет следующую специфику:

- Стабильность, чем тоталитарное государство на самом деле прикрывает невозможность определения своей собственной судьбы.
- Определённость, а именно – слепая вера в свою значимость для общества и уверенность в том, что твой труд идёт на благо социуму.

- Общая цель, но при этом отсутствие духовных идеалов коллективизма.
- Удовлетворённость, практически обязательно достигаемая за счёт активной пропаганды или даже наркотических веществ (напр. «сома» в мире «Дивного нового мира» О. Хаксли).
- Материальное благополучие, часто основанное на унифицированности людей и их достатка (или же внутри определённого класса).

Таким образом, в начале почти каждого романа в сознании протагониста произведения жанра антиутопии *СЧАСТЬЕ* имеет схожие компоненты значения. Говоря о принципах существования и развития сложных нелинейных систем, чем и является эмоциональный концепт *СЧАСТЬЕ*, можно установить, каким является состояние гомеостаза для системы изучаемого концепта. Для концепта *СЧАСТЬЕ* состоянием покоя в дискурсе антиутопии будет следующая его иерархическая организация (Рис.9):

Рисунок 9. Состояние гомеостаза концепта *HAPPINESS* в дискурсе антиутопии

Так, ядром и аттрактором – конечной целью, куда стремится система концепта *СЧАСТЬЕ* – будет являться когнитивный признак *стабильности*. Другими словами, в сознании людей первостепенным источником *СЧАСТЬЯ* является стабильность, и вся система этого концепта функционирует с одной

главной целью – обеспечение стабильности и спокойствия [Старикова 2021в]. Этому способствует окружающий героев произведения мир – политика антиутопического государства долго работала над формированием ценностей своих граждан. Власть искореняет возможность людей к инакомыслию и, соответственно, никакие внешние раздражители не имеют возможности потревожить функционирование системы концепта *СЧАСТЬЕ* в сознании героев.

Однако во многих романах-антиутопиях, что особенно ярко выражено в классических представителях жанра, протагониста неизбежно ждёт некое внешнее потрясение, которое заставит героя сомневаться в правильности его моральных ориентиров. Он начинает чувствовать, что его образ *СЧАСТЬЯ* не совпадает с тем, что заложен в сознании других людей:

- *He's right. HAPPINESS is important. Fun is everything. And yet I kept sitting there saying to myself, I'm not happy, I'm not happy."*

"I am." Mildred's mouth beamed. "And proud of it." (R. Bradbury "Fahrenheit 451")

Так, система концепта, согласно принципам синергетики, имеет такие свойства, как нелинейность, незамкнутость и неустойчивость. Нелинейность системы означает, что у неё есть множество вариантов развития. По отношению к концептам это может означать, что у любого концепта есть опция развиваться по разному вектору. Так, например, концепт *СЧАСТЬЕ* может реорганизоваться в совершенно новую структуру, если у него сменится аттрактор, который в данном случае характеризуется компонентом *стабильности*. Принцип незамкнутости означает, что любая сложная динамическая система открыта к внешнему миру и, соответственно, подвержена его влиянию.

Так становится ясно, как в результате этих двух принципов система концепта *СЧАСТЬЕ* героя переходит в неустойчивое состояние: он ярко осознаёт своё *неСЧАСТЬЕ*. Несмотря на то, что у персонажа романа Рэя Брэдбери есть и супруга, и хорошая работа, и дом, снабжённый телестенами – он *несчастен*. И, осознавая это, сам протагонист не понимает, почему же он таковым себя ощущает. Так,

система концепта *СЧАСТЬЕ* в его сознании неустойчива. В таком состоянии, она сильна подвержена флуктуациям – влиянию факторов внешнего мира. Система начинает искать новый вектор развития, чтобы выйти из этого беспокойного состояния. Так и персонажи романов-антиутопий начинают искать новый смысл *СЧАСТЬЯ* в этом мрачном мире.

Именно в этот момент авторы стараются раскрыть трактовку «истинного» *СЧАСТЬЯ*, которое, по их мнению, заключается далеко не в стабильности и удовлетворённости потребностей. Читатель замечает, что протагонисты романов осознают себя счастливыми в определённые моменты произведений:

Пример	Контекст
<p><i>When I wake, I have a brief, delicious feeling of HAPPINESS that is somehow connected with Peeta. <...> Still, the sensation's so unexpected and sweet I cling to it, if only for a few moments. Before the gritty sand, the hot sun, and my itching skin demand a return to reality. (S. Collins “Catching fire”)</i></p>	<p>Испытывают <i>СЧАСТЬЕ</i> из-за любви к другому персонажу</p>
<p><i>Relaxed in HAPPINESS and in complete exhaustion, she turned lazily to glance at him. (A. Rand “Atlas Shrugged»”)</i></p>	
<p><i>Joy flared up like fire within him. <...> He opened the green suitcase; and all at once he was breathing Lenina’s perfume <...>. (A. Huxley “Brave New World”).</i></p>	

<p><i>But there's no way I can process it all so quickly--the joy of seeing Peeta alive and unharmed, his defense of my innocence in collaborating with the rebels, and his undeniable complicity with the Capitol now that he's called for a cease-fire. (S. Collins "Catching fire")</i></p>	
<p><i>"Married. You know-for ever. They say 'for ever' in the Indian words; it can't be broken."</i></p> <p><i>"Ford, no!" Bernard couldn't help laughing.</i></p> <p><i>John also laughed, but for another reason-laughed for pure joy. (A. Huxley "Brave New World").</i></p>	<p>ИСПЫТЫВАЮТ СЧАСТЬЕ из-за дружбы</p>
<p><i>When I first felt her stirring inside of me, I was consumed with a terror that felt as old as life itself. Only the joy of holding her in my arms could tame it. Carrying him was a little easier, but not much. (S. Collins "Catching fire")</i></p>	<p>ИСПЫТЫВАЮТ СЧАСТЬЕ из-за близости со своим ребёнком</p>
<p><i>Alone, Isidore made his way down the echoing, empty hall to the stairs. The potent, strong fragrance of HAPPINESS still bloomed in him, the sense of being—for the first time in his dull life—useful. Others depend on me now, he exulted as</i></p>	<p>ИСПЫТЫВАЮТ СЧАСТЬЕ, так как полезны для других</p>

<i>he trudged down the dust-impacted steps to the level beneath. (P. K. Dick Do Androids Dream of Electric Sheep?)</i>	
--	--

Таким образом, часть авторского посыла заключается в том, что человек не всегда счастлив тогда, когда в обществе есть лживое равенство. Человек ощущает себя счастливым, когда кому-то нужен, когда у него есть близкие люди, любовь, дружба, семья. Вымышленный мир антиутопии не всегда порицает близость (как например в романе О. Хаксли «Дивный новый мир», где поощряется интимная связь без обязательств, и партнёры должны соответствовать друг другу по положению в обществе), но в большинстве случаев она кажется практически невозможной из-за обстоятельств романа, виной которым всё также тоталитарное устройство власти.

И, когда протагонист наконец осознает, чего лишён, тогда в его системе понятия *СЧАСТЬЯ* наконец начинают зарождаться новые смыслы. Так проявляется принцип эмерджентности систем – способность порождать новые качества на разных её уровнях. Породив новые качества – в случае с концептом под качеством в данной работе понимаются компоненты его номинативного поля – система наконец-то может выбрать новый аттрактор и организовать систему так, чтобы её траектория стремилась к нему.

Так, персонажи романа-антиутопии наконец понимают, что такое истинное *СЧАСТЬЕ* и в чём оно заключается. В романе А. Рэнд «Атлант расправил плечи», например, персонаж приходит к философии, где собственное *СЧАСТЬЕ* должно являться смыслом жизни каждого человека, при этом критикуя устои, что человек обязан жертвовать своим *СЧАСТЬЕМ* ради чужих интересов:

- *We are on strike against the dogma that the pursuit of one's HAPPINESS is evil. We are on strike against the doctrine that life is guilt. (A. Rand "Atlas Shrugged")*
- *HAPPINESS is that state of consciousness which proceeds from the achievement of one's values. <...> By the grace of reality and the nature of life, man – every*

man – is an end in himself, he exists for his own sake, and the achievement of his own HAPPINESS is his highest moral purpose. (A. Rand “Atlas Shrugged»”)

- *We will rebuild America's system on the moral premise which had been its foundation, but which you treated as a guilty underground, in your frantic evasion of the conflict between that premise and your mystic morality: **the premise that man is an end in himself, not the means to the ends of others, that man's life, his freedom, his HAPPINESS are his by inalienable right.** (A. Rand “Atlas Shrugged»”)*

В других произведениях (таких как «Дивный новый мир» и «1984») СЧАСТЬЕ обязательно подразумевает свободу и равенство – но равенство не лживое, где народ слепо подчиняется верхушке правительства, а истинное, где каждый обладает свободой выбора и правом на СЧАСТЬЕ:

- *WE HOLD THESE TRUTHS TO BE SELF-EVIDENT, THAT ALL MEN ARE CREATED EQUAL, THAT THEY ARE ENDOWED BY THEIR CREATOR WITH CERTAIN INALIENABLE RIGHTS, THAT AMONG THESE ARE LIFE, LIBERTY, AND THE PURSUIT OF HAPPINESS. (G. Orwell “184”)*

Имеет место также осознание СЧАСТЬЯ как свободы чувствовать, творить, БЫТЬ ЛИЧНОСТЬЮ:

- *But now Jonas **had experienced real sadness.** He had felt **grief.** He knew that there was no quick comfort for emotions like those.*

*These were deeper and they did not need to be told. **They were felt.***

*Today, he felt **HAPPINESS.** (L. Lowry “The Giver”)*

- *He had seen a birthday party, with one child singled out and celebrated on his day, so that now he understood **the joy of being an individual, special and unique and proud.** (L. Lowry “The Giver”)*

- *Downward, downward, faster and faster. Suddenly he was aware with certainty and **joy that below, ahead, they were waiting for him;** and that they were waiting, too, for the baby. For the first time, he heard something that he knew to be music. He heard people singing. (L. Lowry “The Giver”)*

Таким образом, система концепта *СЧАСТЬЕ* организуется в свою совершенно иную форму: в ядре концепта в дискурсе антиутопии будет *свобода*, а новые компоненты, обогатившие систему, будут двигать её по направлению к соответствующему аттрактору. Таким образом, вторая трактовка концепта *HAPPINESS*, которую можно назвать общепринятой, отличается следующим:

- Свобода (выбора, мысли). Человеческой натуре «тесно» в клетке, и она очень чувствительна к запретам. Любая сформированная личность всегда будет стремиться к свободе в своих решениях.
- Возможность познания, чему будет доказательством история научной мысли человечества.
- Возможность самовыражения.
- И наконец, духовная близость с другими людьми, будь то дружба или любовь. Людям просто необходимо чувствовать поддержку, тепло и заботу близких. Даже самое индивидуалистическое общество никогда не смогло бы отказаться от таких «человечных» радостей.

Принимая во внимание все ранее сделанные выводы, мы можем утверждать, что концепт *СЧАСТЬЕ* в дискурсе антиутопии развивается по принципу фрактала «ризом»: именно такая модель фрактальной организации не только ярко отражает динамические изменения концепта, но и подчёркивает хаотичное и творческое развитие авторского замысла, словно движение его мысли по лабиринту. В таком «лабиринте» ядро концепта скрыто от глаз читателя, но, благодаря флуктуациям и неустойчивости системы концепта, исследователь обязательно выйдет на аттрактор (ядро) концепта, скрытый в центре лабиринта.

Так и произошло с концептом *СЧАСТЬЕ* в дискурсе антиутопии: в начале произведения он представляется читателю как *стабильность, удовлетворённость и материальное благополучие*, однако двигаясь вместе с протагонистом вдоль произведения, наблюдая, как система его понимания концепта подвергается внешнему воздействию и меняется, читатель выходит на новое понимание *СЧАСТЬЯ* в антиутопичном дискурсе. Так, фрактальную модель концепта

СЧАСТЬЕ в выбранном дискурсе можно изобразить как подобную ризоме структуру (Рис. 10):

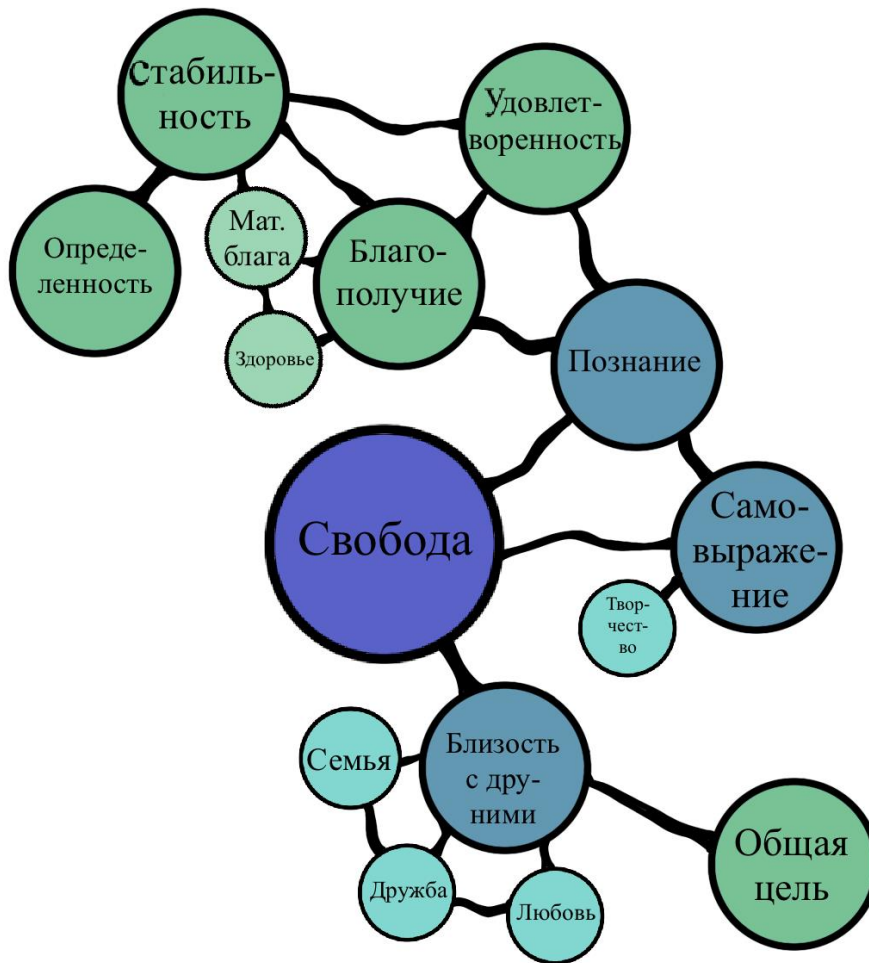

Рисунок 10. Фрактальная модель «ризомы» концепта *СЧАСТЬЕ* в дискурсе антиутопии

Таким образом, становится ясно, как именно происходит процесс смыслопорождения внутри системы концепта *СЧАСТЬЕ* в дискурсе антиутопии: авторы произведений используют данные словарём когнитивные признаки *СЧАСТЬЯ*, в рамках художественного мира искажают их до абсолюта и выдают как совершенно ординарное понимание ключевого концепта. Однако постепенно читатель движется по запутанной «ризоме» смыслов все ближе к ядру, вместе с протагонистом понимая, что *СЧАСТЬЕ* – в свободе, любви, познании, творчестве.

Подводя итоги, хотелось бы добавить, что жанр антиутопии всегда будет искажать ценностные понятия, выжимая из них всё иррациональное и «человеческое», искривляя ценностную логику людей. Так, манипуляционная идеология переосмысливает моральные ориентиры с целью все больше прогнуть и сковать подчинённое ей общество. В частности, такая деформация и произошла с концептом *СЧАСТЬЕ* [Старикова 2021б]. Авторы не напрямую, а через контекст говорят: это не только *успех* и *благополучие*, это также *свобода мысли и действий*, *духовность*, *любовь*, и даже *переживания*, *сомнения* – все это вместе и отличает человеческое *СЧАСТЬЕ*.

3.4. Экспериментальное исследование особенностей восприятия концепта *HAPPINESS*

На основе такого метода психолингвистического анализа содержания концептов, как ассоциативный эксперимент, было проведено собственное исследование, направленное на выявление актуальных семантических особенностей концепта *СЧАСТЬЕ* в сознании реципиентов, лежащих в основе понимания и восприятия данного эмоционального концепта.

С целью выявления этих актуальных когнитивных признаков концепта *СЧАСТЬЕ* был проведён психолингвистический ассоциативный эксперимент свободного типа. Результаты данного эксперимента помогут верифицировать или опровергнуть выводы, сделанные в результате контекстуального анализа изучаемого концепта.

3.4.1. Описание эксперимента

Данный эксперимент включал в себя несколько этапов: 1) подготовительный этап, 2) сбор полученного материала, 3) когнитивная интерпретация результатов. Первый этап включает в себя несколько шагов:

1. Подбор стимульного материала или слова-стимула. В соответствии с проведённым когнитивно-синергетическим анализом, словом стимулом для изучаемого концепта стало слово *HAPPINESS*. Оно является наиболее семантически полным словесным репрезентантом понятия *СЧАСТЬЯ* в английском языке и даёт широкий набор вызванных ассоциаций, что способствует получению обширного материала для когнитивной интерпретации.

2. Выбор испытуемых. Несмотря на то, что многие исследователи считают обязательным выдвигать столь же строгие критерии для подбора испытуемых, как для слова-стимула, цель данной работы того не требует. Настоящее исследование стремится выявить универсальные признаки концепта *HAPPINESS* без привязки к гендеру, возрасту или социальному положению реципиента.

Дискурс антиутопии, как правило, способствует наполнению концепта *СЧАСТЬЕ* индивидуально-оценочными смыслами и ассоциациями, но, тем не менее, вложенный в роман-антиутопию авторский смысл распознаётся читателем любой социальной группы. Таким образом, целесообразно проверять полученные в ходе контекстуального анализа результаты на предмет совпадения/несовпадения выявленных смысловых штрихов с результатами ассоциативного эксперимента, не ограниченного строгими рамками подбора испытуемых. Соответственно, единственную функцию, которую несёт проведённый ассоциативный эксперимент – верификация полученных в ходе когнитивно-синергетического анализа результатов об общем, универсальном понимании *СЧАСТЬЯ*. Нюансы варьирования интерпретации концепта в зависимости от гендера, возраста или социального положения реципиента не имеют значения в данной работе.

К тому же, важным критерием отбора испытуемых был факт, что все они должны были быть носителями английского языка. С этой целью была создана анкета на платформе Google Forms, которая была распространена посредством зарубежных социальных сетей. Таким образом, к интернет-коммуникантам не могут быть выдвинуты строгие критерии отбора, так как в любом случае

достоверность соответствия данным критериям может оставаться под вопросом. В ассоциативном эксперименте анонимно приняли участие 65 человек.

3. Составление инструкции по заполнению анкеты и процедура эксперимента. Способ сбора данных, применённый в данном эксперименте, можно отнести к методу *свободного* ассоциативного эксперимента (так как испытуемым не было задано никаких ограничений на форму словесной реакции) на слово-стимул *HAPPINESS*. А.Н. Леонтьев особо подчёркивал, что на ассоциации, полученные при проведении свободного ассоциативного эксперимента, одновременно оказывают влияние два фактора: лингвистический (определённые характеристики слова-стимула) и прагматический (личность самого испытуемого и его жизненный опыт) [Леонтьев, 1977, 7].

Соответственно, задача перед испытуемыми была сформулирована следующим образом: “What do you associate with *HAPPINESS*? Write your answer in the field below.” Испытуемые не были ограничены в количестве ассоциаций, так же, как и во времени.

4. Когнитивная интерпретация результатов ассоциативного эксперимента заключалась в следующем:

- Изучение полученных ассоциаций.
- Проведение качественного анализа полученных реакций – интерпретация ассоциатов как репрезентаций определённых когнитивных признаков.
- Проведение количественного анализа полученных реакций – распределение всех ассоциатов согласно тому когнитивному признаку, который они обозначают.
- Определение индекса яркости тех или иных когнитивных признаков;
- Обобщение полученных когнитивных признаков и выявления на их основе «когнитивных классификаторов».

3.4.2. Когнитивная интерпретация результатов эксперимента

Качественный и количественный анализы полученных результатов ассоциативного эксперимента позволили выявить частотность повторяющихся реакций и интерпретировать их как определённые когнитивные признаки концепта *HAPPINESS*.

В результате проведённого эксперимента было получено 133 ассоциата, которые были распределены по следующим когнитивным признакам изучаемого концепта:

1. Freedom (24) – *freedom (9), freedom of thought (4), freedom of choice (2), freedom of self-expression (2), freedom of movement, freedom of creativity, freedom of travelling, freedom of love, freedom as responsibility, desire to live your life the way you want, freedom from oversight, time.*
2. Love (17) – *love (16), partner (1).*
3. Friendship (11) - *friendship (9), friends, devoted friends by your side.*
4. Connection with others (8) – *care (2), connection with others, relationships, harmonious emotional attachment, belonging to place/group of people, meaningful connections, pets.*
5. Health (8) – *good health (6), mental health (2).*
6. Stability (8)– *calmness (3), safety (3), peace (2), calming feeling of good future, ease, comfort, security, certainty.*
7. Wealth (6)– *money (3), extra money, salary, wealth.*
8. Self-love (6) – *self-love, self-satisfaction, self-acceptance, feel one with yourself, mutual understanding with yourself, feeling of self-necessity and own significance.*
9. Belonging (6) – *being comfortable with where/who/what you are with/what you have, feeling that you are in the right place at the right time, feeling that you are in a right place, feel yourself admitted in the society, absence of needing to be understood/ seen in a particular way, understanding.*

10. Virtue (6) – *consciousness, loyalty, honorable, kindness, truthful, feeling of being helpful.*
11. Recognition (4) – *appreciation (2), importance to others, acknowledgement.*
12. New experience (4) – *travelling (2), meeting new people, visiting new places.*
13. Well-being (4) – *success, flourishing, fulfillment, well-being.*
14. Having good time (4) – *fun, pleasant thought, memes, videos with cats.*
15. Enjoying little things (4) – *the ability to enjoy little things, wanting less, gratitude, trifles.*
16. Interests (3) – *inspiration, aesthetics, hobby.*
17. Family (3) – *family, family well-being, parents.*
18. Self-development (3) – *self-growth, self-development, sense of completeness.*
19. Absence of responsibilities (2) – *ability to disconnect from obligations, without planning.*
20. Responsibility (2) – *productivity, responsibility.*

В результате интерпретации выявленных когнитивных значений концепта, и объединения их в определённые когнитивные признаки, исследователь может также выявить соответствующую когнитивную яркость каждого признака, которая определяется путём количественного употребления определённой реакции. Так, наибольшую яркость имеют следующие признаки:

1. *Freedom* (24/65).
2. *Love* (17/65).
3. *Friendship* (11/65).

Далее с одинаковой когнитивной яркостью идут следующие группы когнитивных признаков:

4. *Connection with others, health, stability* (8/65).
5. *Wealth, self-love, belonging, virtue* (6/25).
6. *Feeling of self-importance, new experience, success, having good time, enjoying little things* (4/65).

7. *Interests, family, self-development (3/65).*

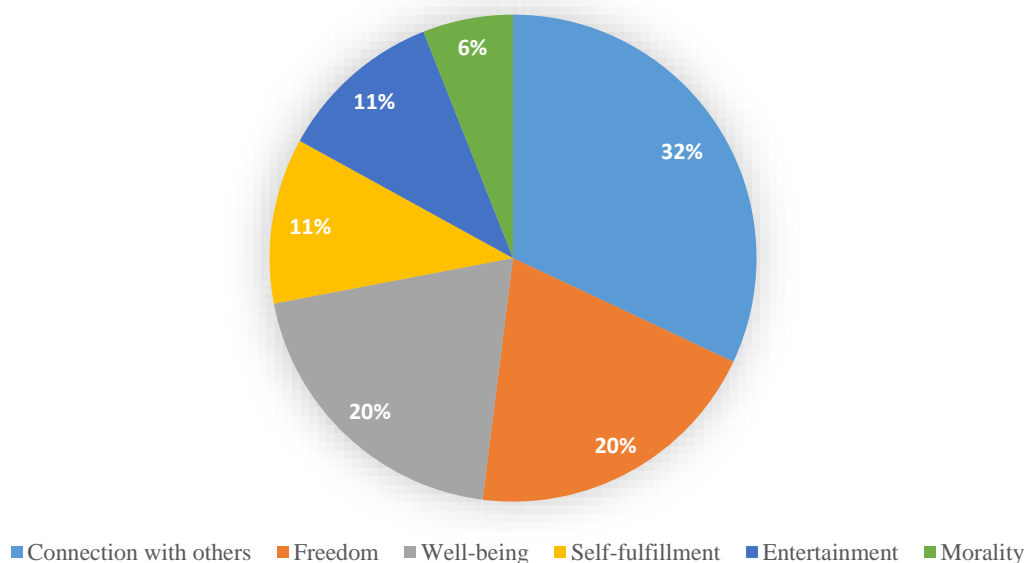
8. *Absence of responsibilities, responsibility (2/65).*

Так, данные признаки могут быть упорядочены на более высоком уровне и объединиться в когнитивные классификаторы, которые будут использованы для концептуализации понятия *СЧАСТЬЕ*. Так, предлагается выделить следующие классификаторы:

1. Connection with others (43) – *love (17), friendship (11), connection with others (8), recognition (4), family (3).*
2. Freedom (26) – *freedom (25), absence of responsibilities (2).*
3. Well-being (26) – *stability (8), health (8), wealth (6), well-being (4).*
4. Self-fulfillment (15) – *self-love (6), belonging (6), self-development (3).*
5. Entertainment (15) – *new experience (4), having good time (4), enjoying little things (4), interests (3).*
6. Morality (8) – *responsibility (2), virtue (6).*

На базе этих данных также можно определить когнитивную яркость этих когнитивных классификаторов (Диаграмма 3):

Диаграмма 3. Когнитивные классификаторы концепта *HAPPINESS* и их яркость

Таким образом наглядно видно, что самым ярким когнитивным классификатором концепта *СЧАСТЬЕ* становится *connections with others*,

объединяя в себе различные виды взаимоотношений между людьми – любовь, дружбу, признание, семью и др. – всё, что может дать человеку ощущение признания другими или возможность отдавать свои чувства в ответ.

Свобода также является немаловажным показателем *СЧАСТЬЯ*: людям важно знать, что они во многом движимы только своими собственными интересами, что у них есть право выбора вести свою жизнь в том русле, в котором им кажется уместным. *Благополучие* также имеет высокую когнитивную яркость, так как оно подразумевает под собой стабильность во всех проявлениях, здоровье и осознание спокойной и комфортной жизни.

Саморазвитие, выражающееся в умении принять себя и движении вперёд, осознании того, что чтобы быть принятым в обществе, достаточно быть собой, высоко оценивается респондентами в поле концепта. Респонденты также выделили в *СЧАСТЬЕ* желание получать новые эмоции и расслабляться в собственных интересах, умение находить удовольствие даже в малых вещах.

И, наконец, *СЧАСТЬЕ* также может подразумевать и высокую *мораль*: осознание и принятие некоторой ответственности, воспитание в себе положительных качеств, оказывающих хорошее влияние, как на самого индивида, так и на окружающее его общество.

Таким образом, развитие концепта *СЧАСТЬЕ* в дискурсе антиутопии в действительности соответствует его восприятию в человеческом сознании. Именно поэтому литература данного жанра и вложенный в произведения авторский замысел правильно воспринимается читателями на массовом уровне. Человеку не нужно объяснять, что такое *СЧАСТЬЕ*, ведь на протяжении всей жизни в его сознании самоорганизовывается собственное виденье этого понятия. И, насколько бы индивидуальным оно ни было, большинство людей подсознательно строят его вокруг одних и тех же компонентов – отношения с другими, свобода, признание, благополучие и др. Такое понимание *СЧАСТЬЯ* воспитывается в людях не только обществом, но и собственным стремлением быть признанным и понятым, и немаловажно – *свободным* двигаться вперёд и развиваться, наслаждаться тем, что нравится, совершать ошибки и учиться на них.

3.5. Анализ и интерпретация полученных результатов

Междисциплинарный анализ концепта *СЧАСТЬЕ* в дискурсе антиутопии с когнитивной, лингвосинергетической и психолингвистической точек зрения позволил данному исследованию погрузиться в причины и факторы его самоорганизации как в художественном мире антиутопии, так и в реальной окружающей среде.

Так, контекстуальный анализ показал, как изучаемый концепт переходит из стадии *квазистабильности* в состояние «истинного» гомеостаза – с помощью авторской иронии и долгосрочного раскрытия авторского замысла читатель и исследователь смогли наблюдать, как из синтетического антиутопичного *СЧАСТЬЯ*, в ядре которого находятся мечты о стабильности и мнимом равенстве, это понятие превращается в понятное и привычное всем *СЧАСТЬЕ* как свободы, возможности любить, творить и познавать. Данная реорганизация смысловой системы концепта продвигалась согласно основным синергетическим принципам становления (порождающим и конструктивным).

Ассоциативный эксперимент, позаимствованный из методик психолингвистики, послужил инструментом верификации полученных результатов. Так, проведение данного эксперимента позволило подтвердить те выводы, что были сделаны ранее –, *СЧАСТЬЕ* действительно ассоциируется у большинства испытуемых со свободой и близостью с другими людьми. Таким образом, стало возможным построение схемы концепта *СЧАСТЬЕ/HAPPINESS* с учётом его семантических особенностей в рамках жанра антиутопии с привлечением полученных в ходе ассоциативного метода результатов (Рис.11):

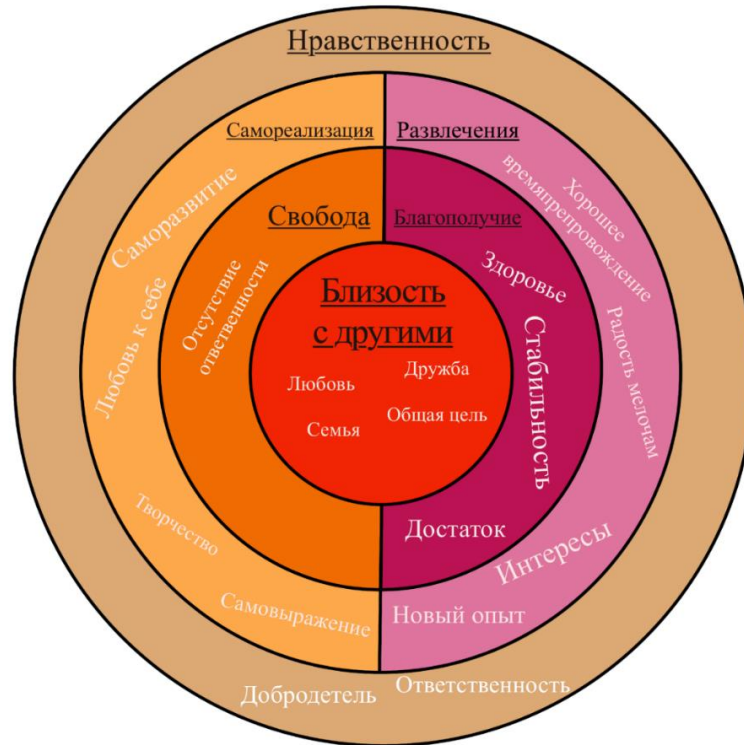

Рисунок 11. Когнитивная модель концепта *СЧАСТЬЕ*

Данная модель изученного концепта была построена согласно фрактальной модели «концентрические круги», которая наилучшим образом отражает радиальную самоорганизацию периферийных компонентов смысла концепта относительно его ядра-аттрактора. Стоит также отметить, что все периферийные признаки концепта в данной модели, согласно принципам синергетики, частично самоподобны друг другу. В связи с этим, они способны не только передать часть смысловой наполненности друг друга, но и работать вместе с целью обеспечения достижения ядра-аттрактора системы. Так, например, компонент *свободы* не только подразумевает *близость с другим человеком*, но и в какой-то степени обеспечивает возможность такой близости.

Так, на данной модели концепта *СЧАСТЬЕ* мы видим, какие его когнитивные признаки находятся в ядре, а какие на периферии, при этом чем ближе они к ядру, тем большую когнитивную яркость имеют. Каждый сегмент обозначен

соответствующим когнитивным классификатором и имеет внутри соответствующие ему когнитивные признаки.

Так, ярче всех в результате проведённого исследования оказался классификатор, выражающий возможность *близости с другими людьми*. Несмотря на то, что конкретно в дискурсе антиутопии в ядре *СЧАСТЬЯ* стоит *свобода*, на конечной схеме концепта она занимает периферийное и второе по значимости место. Однако можно утверждать, что именно *свобода* в антиутопии обеспечивает возможность иметь тесные связи с другими людьми, то есть быть свободным в выражении своих чувств и выборе окружения. Поэтому, хоть в результате ассоциативного эксперимента этот когнитивный признак не встал в центр ядра, он как ни один другой обеспечивает один из факторов его функциональности.

Благополучие как классификатор настолько же яркий, как и *свобода*. Конечно, многие испытуемые ассоциируют *СЧАСТЬЕ* с такими признаками, как *здоровье, достаток и стабильность*, ведь они обеспечивают благоприятное существование для любого индивида. На первый взгляд, данный классификатор во многом антагонизируется в дискурсе антиутопии, ведь благополучие – это то, чем часто приходится жертвовать ради *свободы* и *близких*, однако не стоит упускать из виду, что именно *благополучие* в изучаемом дискурсе было главным рычагом воздействия антиутопического тоталитарного режима. Так, состояния достатка и стабильности очень важны для людей, и поэтому классификатор *благополучия* занимает значимую семантическую роль в системе концепта *СЧАСТЬЕ*.

Самореализация и развлечения как классификаторы также равны друг другу по когнитивной яркости. Первый реализует потребность людей в поиске и самосовершенствовании себя (что в антиутопическом дискурсе часто взаимосвязано с относительной *свободой* персонажа, что обуславливает близкое расположение классификатора в схеме с классификатором *свободы*). Второй транслирует желание людей испытывать радость, веселье и новые эмоции.

На самой дальней периферии располагается классификатор *нравственности*, поскольку входящие в него когнитивные признаки, такие как *ответственность* и *добродетель* были не раз отмечены испытуемыми. Данный признак также находит

отклик и в романах-антиутопиях, ведь именно художественным произведениям свойственно поднимать вопросы морали и духовности. Интересно, что в данном классификаторе присутствует такой когнитивный признак, как *ответственность*, когда как в более близком к ядру классификаторе *свободы* есть такой признак, как *отсутствие ответственности*. Так, свобода для некоторых людей может заключаться в свободе от нежелательной ответственности, свободе от того, что человек делать не хочет (например, от каких-либо рабочих обязанностей). В то время как этот же человек может всё же осознавать ответственность за те сферы его жизни, где он считает проявление безответственности безнравственным (например, за его детей).

Таким образом, синтезируя все три ракурса, применённые в данном исследовании, нам удалось воспроизвести актуальную на данный момент модель системы концепта *СЧАСТЬЕ*. Конечно, она не является верной для каждого отдельного индивида, однако представляет собой обобщённую когнитивную модель данного понятия в человеческом сознании.

Выводы по Главе 3

1. Для анализа концепта *СЧАСТЬЕ* в дискурсе антиутопии была разработана комплексная, междисциплинарная методика. Она включает в себя дефиниционный анализ, анализ взаимозаменяемости концепта с его синонимами, анализ сочетаемости концепта с другими лексемами и как составляющей тропов и фигур речи, анализ жанроспецифических особенностей его функционирования, проведённые с применением лингвосинергетической перспективы исследования. По завершению названных видов анализа, был проведён психолингвистический ассоциативный эксперимент, направленный на верификацию полученных в ходе контекстуального анализа данных.

2. Были названы лингвистические и экстралингвистические факторы отбора эмпирического материала: к первым относятся наличие единой жанровой доминанты и иллюстративность, ко вторым признание литературной ценности, количество выпущенных экземпляров и наличие качественных переводов и экранизаций.

3. Дефиниционный анализ концепта *HAPPINESS* показал, что лексикографическое толкование концепта концентрирует внимание в основном на *процветании, успехе, удовлетворённости* и в меньшей степени на *радости*. Такое понимание наталкивает на мысль, что для достижения *СЧАСТЬЯ* главным образом необходимо обладать хорошим здоровьем, достатком, добиться желаемого успеха, и достичь поставленных целей.

4. В результате анализа взаимозаменяемости концепта *HAPPINESS* с его синонимами, стало ясно что ключевой концепт употребляется в текстах жанра антиутопии гораздо чаще своих синонимов, что говорит о яркой репрезентативности концепта и о его востребованности в выбранном дискурсе. Концепт *HAPPINESS* является более сложным и глубоким смысловым образованием по сравнению с его синонимами, которые в редком контексте способны заменить его в тексте. Однако синонимы ключевого концепта также будут участвовать в последующих анализах, так как представляют из себя

вербализированные компоненты значения осинового концепта и помогут выявить его дополнительные когнитивные признаки;

5. Анализ сочетаемости ключевого концепта с другими лексемами показал, что концепт *HAPPINESS* в дискурсе антиутопии часто притягивает к себе эпитеты с отрицательной коннотацией. Таким образом авторы романов-антиутопий критикуют навязанную тоталитарным государством идею *СЧАСТЬЯ*. В случаях, когда концепт употребляется в паре с положительным по семантике эпитетом, это зачастую является проявлением авторской иронии, также направленной на критику утопического *СЧАСТЬЯ*. Действительно положительными эпитетами концепт характеризуется тогда, когда персонаж произведения чувствует близость с другими людьми. *СЧАСТЬЕ* близости не порицается и не критикуется авторами произведений, раскрывая авторский смысл: истинное *СЧАСТЬЕ* возможно испытать через дружбу или любовь;

6. Анализ сочетаемости ключевого концепта с другими лексемами также показал, что в дискурсе антиутопии порождение смыслов внутри концепта *HAPPINESS* движется согласно синергетическим принципам: от одного состояния гомеостаза к другому. От восприятия персонажем *СЧАСТЬЯ* как чего-то *ненатурального, искусственного и неприветливого* к принятию новой смысловой системы понятия.

7. Анализ концепта *HAPPINESS* как части стилистических тропов и фигур речи показал, что в системе концепта *HAPPINESS* в дискурсе антиутопии в ядре находится *стабильность*, как результат пропаганды тоталитарной власти. Однако герои произведения все же понимают, что состояние *СЧАСТЬЯ* приходит тогда, когда они свободны чувствовать;

8. Анализ жанроспецифических особенностей функционирования концепта *HAPPINESS* показал, что в дискурсе антиутопии понятие *СЧАСТЬЯ* несовместимо с понятием свободы и творческого развития. Так, авторы романов антиутопий используют прямое словарное толкование *СЧАСТЬЯ* как сочетания удовлетворения, процветания и радости, искажают и выворачивают его чтобы проиллюстрировать как с помощью такого «изуродованного» суррогата *СЧАСТЬЯ*

тоталитарная власть антиутопического мира контролирует население. Таким образом, в исследовании были описаны две трактовки понятия *СЧАСТЬЯ*: антиутопическое и общепринятое. Под первым понимается *СЧАСТЬЕ* как *стабильность, определённая, наличие общей цели, удовлетворённостью, материальное благополучие*.

9. Общепринятая («истинная») трактовка *СЧАСТЬЯ* в дискурсе антиутопии скрыта от глаз читателя. Так, протагонист произведения приходит к такому пониманию *СЧАСТЬЯ* по мере того, как концепт самоорганизовывается от антиутопического понимания к общепринятому в его сознании. Так, концепт *СЧАСТЬЕ* проходит все стадии организации сложных нелинейных систем согласно принципам синергетики: от одного состояния гомеостаза, когда ядром концепта является *стабильность*, через состояние хаоса, где система реорганизуется при помощи принципов становления, к другому состоянию гомеостаза, где аттрактором системы является *свобода*. Тогда протагонисту произведения и открывается значение истинного *СЧАСТЬЯ* (по мнению авторов романов), которое характеризуется следующими составляющими: *свобода, возможность познания и самовыражения, близость с другими людьми*;

10. Таким образом, концепт *СЧАСТЬЕ* в дискурсе антиутопии развивается по фрактальной модели «ризомы», которая ярко отражает динамические изменения концепта и хаотичное и творческое развитие авторского замысла. В центре фрактала-«ризомы» находится ядро концепта *СЧАСТЬЕ* – когнитивный компонент *свободы*, а вокруг него его периферийные признаки, по которым читатель движется к центру, постепенно открывая для себя суть авторского замысла.

11. Результаты проведённого ассоциативного эксперимента показали, что развитие концепта *СЧАСТЬЕ* в дискурсе антиутопии в действительности соответствует его восприятию в человеческом сознании. Большинство испытуемых выделили в концепте *СЧАСТЬЕ* такие компоненты как *connection with others, freedom* и *well-being*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблемы современного языкознания всё чаще требуют междисциплинарного и многостороннего характера исследования, так как анализ языкового явления, проведённый только с одной из доступных исследователю точек зрения, может оказаться неполным и предвзятым. Синтез методик, заимствованных из различных научных областей лингвистики, с другой стороны, способен предоставить не только более обширный и полный результат исследования, но и широкую перспективу решения проблемы.

Таким образом, исследование концептов также стоит рассматривать не только с точки зрения когнитивной лингвистики, но и обогащать его методиками и подходами, которыми располагают и другие сферы языкознания, такие как лингвосинергетика и психолингвистика. Таким образом, в данной работе концепт *СЧАСТЬЕ* был рассмотрен с точки зрения многостороннего подхода, отличающегося междисциплинарным характером.

Методы когнитивной лингвистики, такие как построение номинативного поля концепта, отлично справляются с такими задачами, как выявление когнитивных семантических признаков концепта и его смысловой наполненности. Такие методики позволяют не только выделить в концепте закрепившиеся компоненты значения (например, при анализе концепта как части паремиологических единиц или анализе его словарных дефиниций), но и исследовать его актуальную, «живую» специфику при помощи контекстуального анализа. Так, концепт *СЧАСТЬЕ* в данной работе также подвергся контекстуальному изучению с использованием различных видов анализа, каждый из которых поспособствовал заключению следующих выводов:

1. Дефиниционный анализ, как подготовительный этап перед изучением поведения концепта в контексте, помог выявить базовые, стабильные когнитивные признаки концепта *СЧАСТЬЕ* (на материале англоязычного *HAPPINESS*). Так, его основными когнитивными классификаторами стали *satisfaction of needs, joy* и *prosperity*, что говорит о том, что ядро понятия *HAPPINESS*, согласно

лексикографическому толкованию, концентрируется в основном на *процветании, успехе, удовлетворённости* и, в определённой степени, на базовом ощущении *радости*. Такая трактовка представляет максимально обобщённое понимание *СЧАСТЬЯ* и, как показало дальнейшее исследование, может быть уточнено и расширено определёнными семантическими компонентами, передающимися через текст как пример «живого» языка.

2. Анализ взаимозаменяемости с синонимами был необходим для установления специфики концепта *HAPPINESS* по сравнению с его ближайшими по смыслу понятиями. Как показало исследование, синонимы ключевого концепта *satisfaction, joy* и *contentment* только в очень редком контексте способны заменить *HAPPINESS* без потери смысла и при условии, что основной концепт в таком контексте используется для передачи быстрой эмоции, текущего эмоционального состояния. Это говорит о том, что изучаемый концепт гораздо шире по своей смысловой наполненности, чем его синонимы, и даже в какой-то степени является гиперонимом по отношению к ним.

3. Анализ сочетаемости с другими лексемами (в частности, с различными эпитетами) и анализ концепта как части тропов и фигур речи показали, какие определения свойственны изучаемому концепту в дискурсе антиутопии, и как он семантически раскрывается, будучи частью стилистических приёмов. Так, было установлено, что концепт *HAPPINESS* часто употребляется в тексте в паре с эпитетами отрицательной коннотации, в чём выражается авторская критика того понимания *СЧАСТЬЯ*, которое считается в художественном мире антиутопии общепринятым. Анализ концепта как части тропов показал, что зачастую *СЧАСТЬЕ* в дискурсе антиутопии раскрывается через такие признаки, как *общая цель* или *суровый хозяин, математическая формула*, что антиутопическое *СЧАСТЬЕ*, по своей сути, искусственно выведенное и подселённое в сознание граждан понятие, помогающее тоталитарной власти держать государство под контролем. Оно предоставляется жителям как некий дар, «свобода от свободы». Именно такое *СЧАСТЬЕ* часто описывается такими эпитетами, как *lying, imbecile, gloating, dry* и др., что символизирует недовольство и неприятие протагонистов

антиутопии по отношению к подобному понимаю *СЧАСТЬЯ*. Данная критика также транслируется в тех случаях, когда концепт употребляется и с конвенционально положительными эпитетами (*bright, genuine* и др.), но, по факту, является лишь предметом иронии. В тех же случаях, когда изучаемый концепт положительно характеризуется в контексте произведений, в большинстве случаев исследователь может наблюдать один и тот же контекст – протагонист произведения чувствует *свободу* или же *любовь*, переживает *дружбу*, не ограничен в *творчестве* и *познании*. Данное явление не только указывает на имплицитный характер авторского смысла – *СЧАСТЬЕ* настоящее только в моменты близости и свободы – но и позволяет заглянуть в сознание протагониста и понять, что система концепта *СЧАСТЬЕ* в его сознании на пути к реорганизации и смене вектора своего развития;

4. Жанроспецифичные особенности концепта *СЧАСТЬЕ* в дискурсе антиутопии заключаются в его антагонизме к таким понятиям, как *свобода, познание и творчество, искренняя близость с другими*. И его антиутопическая трактовка, в таком случае, отличается следующими когнитивными признаками: в ядре понятия находится *стабильность*, на его близкой периферии такие компоненты как *определённость, удовлетворённость, общая цель и материальное благополучие*. Однако авторский замысел выстроен так, что как исследователь, так и читатель приходят к выводу, что такая трактовка в корне неверна. Не все методы когнитивной лингвистики способны ответить на вопрос, как именно происходит рождение смыслов внутри концепта и как он способен изменяться в своём значении на протяжении времени (или произведения). Ответ на этот вопрос может дать актуальная на данный момент лингвосинергетика, объектом исследования которой являются сложные, динамичные и нелинейные системы. Концепт как явление, безусловно, относится к таким системам, так как обладает многоуровневой иерархичной структурой и имеет свойство изменять свои внутренние семантические параметры. Так, благодаря синергетическим принципам самоорганизации сложных систем было установлено, как именно происходит раскрытие авторского замысла и «перерождение» смысловой наполненности

концепта к привычному пониманию *СЧАСТЬЯ*. Следуя от «антиутопичной» трактовки – старого порядка, где ядром концепта была *стабильность* – система концепта *СЧАСТЬЯ* переживает реорганизацию. Так, сначала она вынуждена пройти через состояние хаоса, вызванное внешними сюжетными потрясениями, спровоцировавшими оценочное переосмысление базовых когнитивных компонентов *СЧАСТЬЯ*. Однако далее, согласно принципам синергетики, хаос приводит систему к новому порядку, что в случае с изучаемым концептом означает перестроение содержательных компонентов концепта в новую понятную читателю трактовку концепта. Так, авторами романов-антиутопий *СЧАСТЬЕ* понимается как совокупность таких когнитивных признаков, как *свобода, познание, самовыражение и близость с другим людьми*, а фрактальной моделью, наилучшим образом раскрывающей такое движение авторской мысли, является модель «ризомы». Данная фрактальная модель состоит из множества подобных друг другу образований, представляющих собой различные когнитивные признаки концепта, со «скрытым» в середине модели ядром (или аттрактором) в виде компонента *свободы*.

Таким образом, именно синтез когнитивистики и синергетики обеспечил наиболее полное раскрытие семантических особенностей концепта *СЧАСТЬЕ* в дискурсе антиутопии. Методы когнитивной лингвистики позволили выявить актуальные для жанра антиутопии компоненты значения концепта, а лингвосинергетика поспособствовала упорядочиванию порождения смыслов внутри этого концепта на протяжении произведений.

Выводы, сделанные по завершении контекстуального анализа концепта *СЧАСТЬЕ*, нуждались в верификации. Так, психолингвистика, располагающая обширным аппаратом исследования, может предоставить широкий выбор методик, направленных на изучение «живого» языка, которые могут послужить инструментом верификации полученных в ходе наблюдения за текстом данных. Роль такого инструмента в данной работе была отведена ассоциативному эксперименту, заключающимся в опросе испытуемых. Так, в результате

когнитивной интерпретации реакций на слово-стимул «*HAPPINESS*» 65-ти испытуемых, было установлено, что вложенный в романы-антиутопии авторский замысел находит отклик у большинства людей. По результатам ассоциативного эксперимента, самым ярким когнитивным признаком концепта *HAPPINESS* оказался *близость с другими людьми*, за которым последовали *свобода и благополучие, самореализация и развлечения, и нравственность*. Так, была выстроена итоговая модель концепта *СЧАСТЬЕ*, дополненная теми когнитивными признаками, которые были выявлены в результате контекстуального анализа.

Таким образом, действующая научная парадигма, подразумевающая высокую степень междисциплинарности исследования, обеспечивает перспективу использования практик сразу нескольких направлений и получения более проработанного результата. Совместное применение когнитивных, лингвосинергетических и психолингвистических методик в изучении концептов открывает возможность основательного изучения этого сложного явления, обеспечивая детальность полученных в ходе анализа результатов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абакумов А.Ю. Синергетика как междисциплинарная парадигма [Электронный ресурс] / А.Ю. Абакумов. URL: <http://www.uran.donetsk.ua/~masters/2013/fkita/abakumov/library/article2.htm> (Дата обращения: 9.05.2014).
2. Алефиренко Н.Ф., Озерова Е.Г., Чумак-Жунь И.И., Голованева М.А. Текст и дискурс. [Электронный ресурс] / URL: <https://libraryksu.kg/public/assets/upload/books/Алефиренко%20Н.Ф.%20Текст%20и%20дискурс.%20М.,2013.pdf5ef424b0e490a.pdf> (Дата обращения: 10.02.2023)
3. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: Сб. статей / Науч. ред. П.Е. Бухаркин. – СПб., 1999.
4. Арсеньева И.А. Эмоциональный концепт СЧАСТЬЕ в аспекте лингвокультурологии и психолингвистики // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2010. – №3. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnyy-kontsept-schastie-v-aspekte-lingvokulturologii-i-psiholingvistiki> (дата обращения: 17.11.2022).
5. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
6. Архипова С. В. Методы исследования семантики в психолингвистике / С. В. Архипова // Апробация. – 2013. – № 5(8). – С. 124-125.
7. Аршинов В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки. – М.: РАН Ин-т философии, 1999. – 203 с.
8. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Синергетика на рубеже XX–XXI веков [Текст]. Под ред. А.И. Панченко / В.И. Аршинов, В.Г. Буданов. – М., 2006. – 217 с. Курдюмов, С.П. Концепция самоорганизации. Синергетика общие положения [Электронный ресурс] / С.П. Курдюмов. URL: <http://spkurdyumov.ru/what/koncepciya-samoorganizacii-sinergetikaobshhiepolozheniya/> (Дата обращения: 9.07.2021).

9. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста: Антология. – М.: Academia, 1997. 267-279.
10. Асланов Л. А. Культура и власть: философские заметки [Текст] / Л.А. Асланов. – М.: ТЕИС, 2001. – 494 с
11. Ашкинази Л.А. Мир Лема: словарь и путеводитель [Электронный ресурс] / Л.А. Ашкинази. URL: http://fan.lib.ru/a/ashkinazi_1_a/text_3510-1.shtml (дата обращения: 9.07.2014)
12. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – 104 с.
13. Бабушкин А.П., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика и семасиология. Монография. – Воронеж: ООО «Ритм», 2018. – 229 с.
14. Бак П., Чен К. Самоорганизованная критичность // В мире науки. – 1991. – № 3. – С. 16-24.
15. Бакиев А.Г. Фрактальное моделирование метафоры «жизнь – поездка» в художественном дискурсе Т. Пратчетта. Доклады Башкирского университета. – 2017. – Том 2. №3. – С. 519-522.
16. Баталов Э. Я. В мире утопии: Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах. /Э. Я. Баталов – М.: Политиздат, 1989. – 319с.
17. Белозерова Н. Н. Стихотворения О. Мандельштама о Петербурге с точки зрения категорий линейности, гипертекстуальности, интертекстуальности, метафоризации и фрактальности [Электронный ресурс] // Language and Literatures. – Т. 19. – 2003. URL: <http://frgf.utmn.ru/journal/No19/text13.htm> (дата обращения: 29.09.2021).
18. Бердяев Н.А. Царство Духа и царство Кесаря. – Париж: Умса-press, 1951. – 165 с.
19. Борботько В.Г. Элементы теории дискурса. – Грозный: Изд-во Чечено-Ингуш. гос. ун-та, 1981. – 113 с.
20. Борев Ю. Б. Эстетика. – 4-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1988. – 496 с.

21. Бронник Л. В. Языковая динамика в дискурсе: когнитивносинергетический подход: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. – М., 2012. – 42 с.
22. Бронник Л.В. Динамическая сложность концепта в дискурсе: когнитивно-синергетический подход [Текст]: монография / Л. В. Бронник. - Краснодар: Краснодарский ЦНТИ, 2010. - 251 с.
23. Бронник Л. В. Когнитивная лингвосинергетика - новый этап в науке о языке и мышлении / Л. В. Бронник // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2008. – № 10. – С. 29-31.
24. Бронник Л. В. Концепт как объект исследования когнитивной лингвосинергетики / Л. В. Бронник // Когнитивные исследования языка. – 2011. – № 9. – С. 165-174.
25. Буданов В. Г. Методология синергетики в постнеклассической науке и в образовании. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 240 с.
26. Варламенко И.Г. Перцептивные фразеологизмы в англоязычном художественном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Барнаул, 2017. – 25 с.
27. Виноградов В.В. О теории художественной речи. – М., 1971 – 239 с.
28. Войцех К.Д. Языковая игра в англоязычном кинематографическом дискурсе (на материале телесериалов США и Великобритании) – дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа: 2022. – 152 с.
29. Войцехович В.Э. Фрактальная картина мира как основание теории сложности [Электронный ресурс] / В.Э. Войцехович. URL: <http://famgroup.ru/studies/95/> (Дата обращения: 5.07.2021).
30. Волошинов А. В. Об эстетике фракталов и фрактальности искусства [Текст] / А. В. Волошинов // Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – С. 213-246.
31. Воркачев С.Г. Концепт СЧАСТЬЯ: значимостная составляющая [Электронный ресурс] URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/vorkachev-02.htm> (дата обращения: 15.09.2022)

32. Воркачѐв С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2007. – 284 с.
33. Воркачев С. Г. Эталонность в сопоставительной семантике / С. Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация. – 2003. – Вып. 25. – С.6-15.
34. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
35. Выготский Л.С. Мышление и речь. – Питер, 2019. – 432 с.
36. Галушко Т. Г. Фрактальная интерпретация в лингвистике // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. №66. [электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fraktalnaya-interpretatsiya-v-lingvistike> (дата обращения: 17.01.2022).
37. Гальцева Р., Роднянская И. Помеха – человек. Опыт века в зеркале антиутопии // Новый мир. – 2000. – № 12. – С. 217-230.
38. Герман И.А., Пищальникова В.А. Введение в лингвосинергетику [Текст]: Монография / И.А. Герман, В.А. Пищальникова. – Барнаул: Издво Алт. ун-та, 1999. – 130 с.
39. Голованева М. А. коммуникативно-когнитивное пространство русской драмы конца XX века / Дисс. ... докт. филол. наук. – Волгоград, ВГСПУ, 2013. – 450 с.
40. Голованева М.А. Когнитивно-дискурсивный метод анализа художественного драматургического текста // МНИЖ. – 2016. – №5-2 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivno-diskursivnyy-metod-analiza-hudozhestvennogo-dramaturgicheskogo-teksta> (дата обращения: 10.03.2023).
41. Горошко Е. И. Гендерная проблематика в языкознании // Введение в гендерные исследования. – Харьков: ХЦГИ. – СПб.: Алетейя, 2001. – 285с
42. Гуо Хуиян. Особенности дискурса художественного произведения // Молодой учёный. – 2017. – № 20 (154). – С. 483-486. – URL: <https://moluch.ru/archive/154/43562/> (дата обращения: 10.03.2023).

43. Гураль С. К. Синергетика и лингвосинергетика // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 302. – С. 7-9.
44. Гусельникова О.В. Возможности фреймового анализа // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 5(17). – С. 29–32.
45. Данилов Ю. А. Прекрасный мир науки. – М.: «Прогресс-Традиция», 2008. – 384 с
46. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. ван Дейк. Сб. работ. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
47. Демьянков В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста // Всесоюзн. центр переводов. Тетради новых терминов, 39. – М., 1982. – 288 с.
48. Дорофеева Н. В. Удивление как эмоциональный концепт (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2002. – 214 с
49. Дроздова Т. В. Проблемы понимания научного текста: монография. – Астрахань: Изд-во АГТУ, 2003. – 224 с.
50. Евин, И. А. Синергетика искусства [Текст] / И. А. Евин. – М.: Едиториал УРСС, 1993. – 171 с.
51. Еникеева С. М. Фрактальность микросистем словообразования (на материале английского языка). *Studia Linguistica*. Язык в логике времени: Наследие, традиции, перспективы. – Вып. XX. – С.-Петербург, 2011. – С. 107-118.
52. Ефремов В.А. Теория концепта и концептуальное пространство // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2009. – № 104 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoriya-kontseptov-i-kontseptualnoe-prostranstvo> (дата обращения: 09.10.2022).
53. Жинкин Н.И. Грамматика и смысл // Язык и человек. – М.: Изд-во МГУ, 1970. – 83 с.
54. Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи / Н. И. Жинкин // Вопросы языкознания. – 1964. - № 6. – С. 16-34.

55. Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента: монография. – Тверь:Твер. гос. ун-т, 2011. – 31с.
56. Залевская А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: Науч. изд. / Под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 36–44.
57. Залевская А.А. Текст и его понимание. – Тверь: Изд-во ТвГУ, 2001. – 156 с.
58. Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 307 с.
59. Зиновьева, Т. А. Типология концептов как ментальных образований // Молодой учёный. – 2016. – № 2 (106). – С. 897-899. – URL: <https://moluch.ru/archive/106/25401/> (дата обращения: 08.10.2022).
60. Зулпукаров К.З., Мурадымова Е.Н., Ормокеева Р.К., Болотакунова Г.Дж., Амиралиев С.М. Лингвистический антропоцентризм: проблемы, поиски и решения. – Бишкек, 2019. – 743 с.
61. Идзибагандова, У. И. Эволюция концепта "СЧАСТЬЕ" в русском языке / У. И. Идзибагандова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2020. – № 10. – С. 168-171. – DOI 10.37882/2223-2982.2020.10.18. – EDN WVOPEC.
62. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008 – 783 с.
63. Кагарлицкий Ю. Что такое фантастика? /Кагарлицкий Ю. – М.: Худож. лит-ра, 1974 – 352 с.
64. Калашникова К.Р. Лингвосинергетический подход к проблеме актуализации авторских смыслов в художественном дискурсе (на материале романа Д. Брауна «Код да Винчи»). – дисс. ... канд. филол. наук. – Уфа: 2019. – 211 с.
65. Калашникова М. Ю. Синергетическая природа концепта / М. Ю. Калашникова // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания : Материалы II Международной научно-практической конференции,

Минск, 21–22 марта 2019 года / Редколлегия: Е.А. Пригодич [и др.]. – Минск: Белорусский государственный университет, 2019. – С. 32-37.

66. Канке В. А. Философия науки: краткий энциклопедический словарь. – М.: Омега-Л, 2008. – 328 с.

67. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград, 2002. – 477 с.

68. Карасик В.И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1999. – С. 5–19.

69. Караулов Ю. Н., Петров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса [Текст] // Т. А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. Вступительная статья. – М.: Прогресс, 1989. – С. 5–11.

70. Карпенко Л. А., Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Краткий психологический словарь. – Ростов-на-Дону: «ФЕНИКС». – 1998.

71. Кенжегараев Н. Особенности дискурсивного анализа художественного текста / Н. Д. Кенжегарев // Молодой учёный. – 2012. – № 4. – С. 228–231.

72. Кирбаба, Ю. В. Генезис синергетической парадигмы: культурологические аспекты: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01 – Культурология / Юлия Владимировна Кирбаба. – Саратов, 2004. – 159 с.

73. Ключникова, В.Ю. Дискурсивная репрезентация системы возможных художественных миров в жанре «Бондианы» [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук / В.Ю. Ключникова. – Иркутск, 2012. – 21 с.

74. Князева Е. Н. Синергетический вызов культуре [Электронный ресурс] // Синергетическая парадигма. Многообразие поисков и подходов. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – URL: <http://spkurdyumov.ru/art/sinergeticheskij-vyzov-kulture/> (дата обращения: 10.05.2018).

75. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Законы эволюции и самоорганизации сложных систем. – М.: Наука, 1994. – 238 с.

76. Князева Е.Н. Синергетике 30 лет. Интервью с профессором Г. Хакеном [Текст] / Е.Н. Князева // Вопросы философии. – 2000. – № 3. – С. 53-62.

77. Ковтун Е.Н. Поэтика необычайного: Художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа (На материале европейской литературы первой половины XX века). – М., 1999. – 311 с.

78. Козьмина Е.Ю. Поэтика романа-антиутопии. На материале русской литературы XX века. – Екатеринбург: Екатеринбургская академия современного искусства, 2012. – 187 с.

79. Коломийцева Е.Ю. К вопросу о жанровом статусе литературной антиутопии // Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня. Научные доклады, статьи, очерки, заметки, тезисы. Кн. IX. – Тамбов, 2000. – С. 44-60

80. Комарова З. И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие. – Екатеринбург: Изд-во УрФУ, 2012. – 818 с.

81. Красных, В. В. От концепта к тексту и обратно. К вопросу о психолингвистике текста [Текст] / В. В. Красных // Вестник Моск. ун-та. – Сер. 9: Филология. – 1998. – № 1. – С. 53–70.

82. Кубрякова Е. С. О понятии дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике: обзор // Дискурс, речь, речевая деятельность. Функциональные и структурные аспекты: сборник обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 7-25.

83. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики. / Вопросы когнитивной лингвистики. –2004. – № 1. – С. 6-17.

84. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М: МГУ, 1996. – 245 с.

85. Ладутько М.В., Сычова Е.К. Когнитивный аспект художественного дискурса: учеб. Пособие. [URL] - <https://libr.msu.by/bitstream/123456789/7778/1/1414s.pdf> (дата обращения: 05.03.2023)

86. Ланин Б. А. Анатомия литературной антиутопии / Б. А. Ланин// Общественные науки и современность. – 2007. – №5. – С. 154–163.

87. Ланин Б.А. Русская утопия, антиутопия и фантастика в новом социально-культурном контексте // Проблемы современного образования. – 2014. № 1. – С. 161-169.
88. Леонтьев А.А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. – М.: МГУ, 1977. – С. 5-17.
89. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике / Ю.М. Лотман и тартусско-московская школа. – М., 1994. – 560 с.
90. Лотман Ю.М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. – Таллинн: Александра, 1992. – С. 203–216.
91. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
92. Мамонова Н. В. Фрактальная самоорганизация британского сказочного дискурса (на примере концепта «welfare»): дисс. ... к. филол. н. – Челябинск, 2015. – 233 с.
93. Мамонова Н. В., Олизько Н. С. Фракталы как механизм возникновения порядка из хаоса. Филологические науки. Вопросы теории и практик. – Тамбов: Грамота, 2017. – № 5(71): в 3-х ч. – Ч. 2. – С. 107-111.
94. Мамонова Н.В., Олизько Н.С. Фракталы как механизм возникновения порядка из хаоса. – 2019 – URL: https://revolution.allbest.ru/languages/01089765_0.html (дата обращения: 17.01.2022)
95. Мандельброт, Б. Фрактальная геометрия природы [Текст] / Б. Мандельброт / Пер. с англ. А.Р. Логунова. – М.: Институт компьютерных исследований, 2002. – 656 с.
96. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие. – М.: Издательский центр Академия, 2010. – 208 с.
97. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В. А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 296 с.
98. Матурана У., Варела Ф. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.

99. Мельников Г. П. Системный подход в лингвистике [Электронный ресурс] // Системные исследования. – М.: Наука, 1973. – URL: <http://philologos.narod.ru/melnikov/systmet.htm> (дата обращения: 07.05.2018).

100. Мерзлякова А.Х., Руденко Е.Н., Кожинова А.А., Железнова Ю.В. Культурные концепты: сопоставительный анализ; коллективная монография. Отв. ред. А.Х. Мерзлякова / А.Х. Мерзлякова, Е.Н. Руденко, А.А. Кожинова, Ю.В. Железнова. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 2010. – 302 с.

101. Минский М. Фреймы для представления знаний / М. Минский. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.

102. Молчанова, Г. Г. О синергетике и синергетическом сцеплении концептов «ЖИЗНЬ» и «ТЕКСТ» / Г. Г. Молчанова // Горизонты современной лингвистики: Традиции и инноваторство : сб. в честь Е. С. Кубряковой. / Языки славянских культур; редкол.: В. А. Виноградов [и др.]. – Москва, 2009. – С. 199–206.

103. Мортон А. Л. Английская утопия/А.Л. Мортон – М.: Изд-во ин. лит-ры, 1956. – 279 с.

104. Мосионжник Л.А. Синергетика для гуманитариев [Текст] / Л.А. Мосионжник. – Спб.; Кишинев: Нестор-История: Высш. Антрополог. шк., 2003. – 155 с.

105. Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс [Текст] / Г.Г. Москальчук. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 296 с.

106. Мышкина, Н. Л. Лингводинамика текста: контрадиктно-синергетический подход [Текст]: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 – Теория языка / Нэлли Леонидовна Мышкина. – Уфа, 1999. – 43 с.

107. Неретина С. С. Концепт // Новая Философская Энциклопедия. – М.: Мысль, 2010. URL: <http://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newph..15260566fbd37028>

108. Никитин, М. В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика): учеб. пособие. – М.: Высш. шк., 1983. – 127 с.

109. Никишина Ю.И. Понятие «концепт» в когнитивной лингвистике // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, И.А. Изотов. Вып. 21. – М.: МАКС Пресс, 2002. – 57 с.
110. Облецова Е. В. Национально-культурная специфика концепта HAPPINESS в английском языке / Е. В. Облецова, А. А. Тимошенко // Иностранные языки: лингвистические и лингводидактические аспекты: Материалы конференции преподавателей по итогам НИР за 2019 год и 74 смотра студенческих научных трудов, Иркутск, 15 апреля 2020 года. – Иркутск: Издательство ООО «РепроцентрА1», 2020. – С. 172-176.
111. Обухова В. А. Лексические особенности жанра роман-антиутопия / В. А. Обухова // Научно-практические исследования. – 2019. – № 8-3(23). – С. 161-164.
112. Олизько Н.С. Концептуальное фрактальное моделирование // Вестник ЧелГУ. – 2014. – №6 (335). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnoe-fraktalnoe-modelirovanie> (дата обращения: 17.01.2022).
113. Олизько Н. С. Семиотико-синергетическая интерпретация особенностей реализации категорий интертекстуальности и интердискурсивности в постмодернистском художественном дискурсе: дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19 / Олизько Наталья Сергеевна. - Челябинск, 2009. – 343 с.
114. Ормокеева Р. К. Понятия "эмоциональный концепт" и "эмоциоконцептосфера" / Р. К. Ормокеева // Известия вузов Кыргызстана. – 2016. – № 2. – С. 216-219. – EDN VTFUJZ.
115. Павлов И.П. Полн. собр. соч. – М.-Л., 1951. – Т. III, кн. 2. – С. 335-336.
116. Пешкова Н.П. Психолингвистические аспекты типологии научного текста: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.19. – Уфа, 2002. – 353 с.
117. Пешкова Н.П. Психолингвистика текста [Электронный ресурс]: курс лекций / Н.П. Пешкова; Башкирский государственный университет. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2015. – Электрон. версия печ. публикации. – Доступ возможен через Электронную библиотеку БашГУ. – <URL:https://elib.bashedu.ru/dl/read/Peshkova_Psiholingvistika_teksta_up_2015.pdf>.

118. Пиотровский Р. Г. Синергетика текста. – Минск: Изд-во МГЛУ, 2005. – 156 с.
119. Пиотровский Р.Г. Лингвистическая синергетика: исходные положения, первые результаты, перспективы [Текст] / Р.Г. Пиотровский. – СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2006. – 216 с.
120. Плотникова С.Н. Фрактальность дискурса как новое лингвистическое понятие [Текст] / С.Н. Плотникова // Вестник ИГЛУ. Сер. Филология. – 2011. – № 3. – С. 126-134.
121. Подкопаева О. И Лингвокогнитивный подход к изучению концептов в отечественном языкознании / О. И. Подкопаева // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2021. — Т 12. — №3. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/13FLSK321.pdf>.
122. Подкопаева О. И. Психолингвистический подход к изучению концептов в отечественном языкознании / О. И. Подкопаева // Казанская наука. – 2021. – № 12. – С. 175-177.
123. Пономаренко Е.В. Системность функциональных связей в современном английском дискурсе [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук / Е.В. Пономаренко. – М., 2004. – 447 с.
124. Пономаренко И. Н. Симметрия / асимметрия в лингвистике текста [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук / И.Н. Пономаренко. – Краснодар, 2005. – 322 с.
125. Попов А. Ю. Формы экономических текстов и дискурсов // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сборник научных статей. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – С. 130-137.
126. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж, 1999. – 30 с.
127. Попова З.Д., Стернин И.А. Текст, дискурс и проблема эффективности коммуникации //Текст-дискурс-картина мира. Вып.1. – Воронеж: Научное издание, 2005. – С.4-8.
128. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка: монография. – В.: Научное Издание, 2007. – 250 с.

129. Пригожин И. Философия нестабильности [Электронный ресурс] // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/875> (дата обращения: 03.05.2018).
130. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / Общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. – М.: Прогресс, 1986. – 432 с.
131. Пригожин И. От существующего к возникающему: время и сложность в физических науках / И. Пригожин; под ред. Ю. Л. Климонтовича. – М.: Наука, 1985. – 328 с.
132. Пригожин И., Николис Г., Самоорганизация в неравновесных системах: от диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации [Текст] / И. Пригожин, Г. Николис. – М., 1979. – 512 с.
133. Прохоров Ю.Е. В поисках концепта. 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 176 с.
134. Ровинский Р.Е. Синергетика и процессы развития сложных систем [Текст] / Р.Е. Ровинский // Вопросы философии. – 2006. – № 2. – С. 162- 169.
135. Романов С.С. Антиутопические традиции русской литературы и вклад Е.И. Замятина в становление жанра антиутопии: дис... канд. филол. наук. – Курск, 1998. – 168 с.
136. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. – М.: АН СССР, 1958. – 147 с.
137. Руднев Ю. Концепция дискурса как элемента литературоведческого метаязыка. [Электронный ресурс] / URL: http://www.zhelty-dom.narod.ru/literature/txt/discours_jr.htm (дата обращения: 10.02.2023)
138. Самарская Т.Б., Мартиросьян Е.Г. Художественный дискурс: специфика составляющих и организация художественного текста // Сфера услуг: инновации и качество. – 2012. – № 10. – С. 20.
139. Самигуллина А. С. Семантические особенности концептов HAPPINESS и СЧАСТЬЕ в рамках жанра антиутопии / А. С. Самигуллина, Д. Д. Старикова // Языки в диалоге культур: проблемы многоязычия в полиэтническом

пространстве : Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне, Уфа, 05 июня 2020 года / ответственный редактор: Газизов Р.А.. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2020. – С. 326-331.

140. Сапиева С.К., Малова Н.Е., Шхумишхова А.Р. Литературно-художественный дискурс и его интерпретация в современной лингвистике // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2021. – №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/literaturno-hudozhestvennyy-diskurs-i-ego-interpretatsiya-v-sovremennoy-lingvistike> (дата обращения: 05.03.2023).

141. Свирский Я. И. Интервью с С. П. Курдюмовым [Электронный ресурс] // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/875> (дата обращения: 03.05.2021).

142. Серебрянников Б.А. Общее языкознание. – М.: Наука – 1970. – 597с.

143. Серио П. Анализ дискурса во Французской школе (Дискурс и интердискурс) // Семиотика: Онтология. – М.: Академ. проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 549-562.

144. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистик: курс лекций. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с.

145. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М., 2000. – 141 с.

146. Смирнова О. М. К вопросу о методологии описания концептов // Вестник ННГУ. 2009. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-metodologii-opisaniya-kontseptov> (дата обращения: 09.10.2022).

147. Солодилова, И. А. Способы концептуализации оценки в немецком языке: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Уфа, 2014. – 44 с.

148. Старикова Д. Д. Применение принципов когнитивной синергетики в исследовании концепта HAPPINESS в рамках жанра антиутопии / Д. Д. Старикова // Казанская наука. – 2021. – № 3. – С. 117-119.

149. Старикова Д. Д. Синергетическая модель "порядок – хаос – порядок" в исследовании концептов / Д. Д. Старикова // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 6(91). – С. 563-565.

150. Старикова Д. Д. Синергетическая природа концепта "HAPPINESS" / Д. Д. Старикова // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 5(90). – С. 383.

151. Старикова, Д. Д. Компоненты значения концепта "happiness": когнитивный и психолингвистический подходы / Д. Д. Старикова // Доклады Башкирского университета. – 2022. – Т. 7, № 1. – С. 43-47. – DOI 10.33184/dokbsu-2022.1.9. – EDN JAVUCE.

152. Старикова, Д. Д. Лингвосинергетическая природа концепта: от хаоса к порядку / Д. Д. Старикова // Языковые единицы в свете современных научных парадигм: Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Уфа, 30 ноября 2021 года. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2021. – С. 231-234. – DOI 10.33184/yevsnp-2021-11-30.37. – EDN AXRQSK.

153. Старикова, Д. Д. Номинативное поле концепта: особенности структуризации / Д. Д. Старикова // Языковые единицы в свете современных научных парадигм : Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Уфа, 18 декабря 2020 года / Отв. редактор Р.А. Газизов. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2020. – С. 295-299. – EDN EEZBKZ.

154. Старикова, Д. Д. Свобода как основной семантический компонент концепта «счастье» в дискурсе жанра антиутопии / Д. Д. Старикова // Языки в диалоге культур: проблемы многоязычия в полиэтническом пространстве: материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Уфа, 05 мая 2022 года. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2022. – С. 177-179. – DOI 10.33184/YVDKU-2022-05-05.39. – EDN QANZJR.

155. Старикова, Д. Д. Фрактальное моделирование концепта happiness в дискурсе антиутопии / Д. Д. Старикова // Языковые единицы в свете современных

научных парадигм : Материалы VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Уфа, 16 декабря 2022 года / Отв. редактор Р.А. Газизов. – Уфа: ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ "УФИМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ", 2022. – С. 332-336. – DOI 10.33184/yevsnp7-2022-12-16.48. – EDN GUNFSK.

156. Старикова, Д. Д. Функционирование семантики концептов happiness и счастье в рамках жанра антиутопии / Д. Д. Старикова // Межкультурная ↔ интракультурная коммуникация: теория и практика обучения и перевода : Материалы IX Международной научно-практической конференции, Уфа, 03–04 декабря 2020 года / Отв. редактор Н.П. Пешкова. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2020. – С. 244-249. – EDN MGBQQU.

157. Старикова, Д.Д. Сравнительный анализ концептов «Happiness» и «Счастье» в произведениях жанра антиутопии [Электронный ресурс]: выпускная квалификационная работа магистра. Направление подготовки 45.04.01 "Филология". Направленность (профиль): "Теория и практика перевода и межкультурная коммуникация" / Д. Д. Старикова; Башкирский государственный университет, Факультет романо-германской филологии, Кафедра английского языка и межкультурной коммуникации; научный руководитель А. М. Погорелко. – Уфа, 2020 – 85 с.: ил. – <URL:https://elib.bashedu.ru/dl/diplom/StarikovaDD_45.04.01_Philology_mag_2020.pdf>.

158. Степанов Г.В. Несколько замечаний о специфике художественного текста // Сб. научн. трудов МГПИИЯ им. М. Тореца. – М., 1976. – Вып. 103. – С. 19-31.

159. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и культура XX века. – М., 1995. – С. 35-73.

160. Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры: 3-е изд. – М.: Академический проект, 2004. – 991 с.

161. Стернин И.А. Психолингвистика и концептология // Вопросы психолингвистики. 2007. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psiholingvistika-i-kontseptologiya> (дата обращения: 22.01.2022).
162. Стернин И.А. Язык и мышление. Учебно-методическое пособие. – Воронеж, 2004. – 23 с.
163. Стернин И. А. Методика исследования концепта / И. А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С.58-65.
164. Тельнова Н.А. Основные принципы синергетики и их методологическое значение [Текст] / Н.А. Тельнова // Вестник Волгоградского государственного университета. – Волгоград, 2006. – С. 14-20.
165. Уженцева А. С. Комплексная методика исследования лингвокультурного концепта на примере изучения дискурсивной вариативности концепта HAPPINESS / А. С. Уженцева // Современное гуманитарное научное знание: мультидисциплинарный подход-2022: Материалы Международной научно-практической конференции, Барнаул, 22 июня 2022 года / Под общей редакцией И.В. Рогозиной. – Барнаул: Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, 2022. – С. 39-45.
166. Умарова Ф.К. Психолингвистические методики реконструкции концептов культуры (ассоциативный эксперимент) // Филологические науки - 2017 - №5 [Электронный ресурс] – URL: <http://novaum.ru/public/p122> (дата обращения: 10.10.2022)
167. Уорф Б.Л. Наука и языкознание / Языки как образ мира/ Б.Л. Уорф. – М.-СПб: Terra Fantastica, 2003. – 214 с.
168. Фещенко В. В. Autoroetica как опыт и метод, или о новых горизонтах семиотики [Текст] / В. В. Фещенко // Семиотика и Авангард : антология / ред.-сост.: Ю. С. Степанов, Н. А. Фатеева, В. В. Фещенко, Н. С. Сироткин ; под общ. ред. Ю. С. Степанова. – М.: Академ. Проект: Культура, 2006. – С. 54-122.
169. Фромм Э. Бегство от свободы. – АСТ, 2017. – 288с.
170. Фрумкина Р. М. Психолингвистика. – М.: Академия, 2001. – 320 с.

171. Фрумкина Р.М. Психолингвистика учебное пособие. – М. Издательский центр «Академия», 2007. – 320 с.
172. Хакен, Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии [Текст] / Г. Хакен. – Ижевск: ИКИ, 2003. – 320 с.
173. Хахалова С.А. Метафорология: фрактальная парадигма [Текст] / С.А. Хахалова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. – № 2 (23). – С. 79-85.
174. Хурматуллин А.К. Понятие дискурса в современной лингвистике // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2009. – №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-diskursa-v-sovremennoy-lingvistike> (дата обращения: 10.02.2023).
175. Чамеев А. А. На грани отчаяния и надежды/Чамеев А.А. – СПб.: Convention Press, 1995. – С. 98 – 109
176. Чернавский Д.С. Синергетика и информация: динамическая теория информации [Текст] / Д.С. Чернавский. – М.: Наука, 2001. – 105 с
177. Чернухина И.Я. Элементы организации художественного прозаического текста. – Воронеж, 1984. – 115 с.
178. Чернявская В. Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия: учеб. пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 136 с.
179. Чучин-Русов А. Е. Единое поле мировой культуры [Текст]: кижли-концепция / А. Е. Чучин-Русов. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 1478 с.
180. Шапочкин Д.В. Метод когнитивного анализа дискурса в лингвистике // Вестник ЧелГУ. – 2013. – №10 (301). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-kognitivnogo-analiza-diskursa-v-lingvistike> (дата обращения: 10.03.2023).
181. Culicover P.W., Nowak A. Dynamical Grammar: Minimalism, Acquisition, and Change. – Oxford, 2003. – 53 с.
182. Dijk van T. A. The study of discourse // Discourse as structure and process / ed. by A. Teun. – London, 1997. – Vol. 1. Dijk van. Discourse studies: a multidisciplinary introduction. – P. 1-34.
183. Dijk T. A. van. News as Discourse. – N. Jersey ; London, 1998. – 200 p.

184. Dijk T. A. van. *Strategies of Discourse Comprehension* / T. A. van Dijk, W. Kintsch. – N. Y., 1983. – 418 p.
185. Gelder T.J. van, Port R.F. *It's about Time: An Overview of the Dynamical Approach to Cognition // Mind as Motion: Explorations in the Dynamics of Cognition* / R.F. Port, T. van Gelder (Eds.). – Cambridge, MA, 1995. – P. 1-43.
186. Haken H. *Synergetics as a Tool for Conceptualization of Cognition and Behaviour How Far Can We Go? [Text]* / H. Haken // *Synergetics of Cognition* / Eds. Haken H., Stadler M. – Berlin, 1990. – P. 2-31.
187. Muryasov R. Z., Samigullina A. S., Bakiev A. G. *Metaphor through the lens of linguosynergetics (Exemplified by the concept "DEATH" in Terry Pratchett's discourse)* // *XLinguae, A European Scientific Language Journal*. – SVO s.r.o. – 2018. – Vol. 11, – Issue 3. – Pp. 136-145.

СПИСОК ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДЛЯ ЭМПИРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Asimov Isaac. The End of Eternity. [электронный ресурс]. – URL: https://royallib.com/book/Asimov_Isaac/The_End_of_Eternity.html (дата обращения: 22.12.21)
2. Atwood Margaret. A Handmaid's Tale. [электронный ресурс]. – URL: <https://icmotrospaises.files.wordpress.com/2016/07/the-handmaids-tale-margaret-atwood.pdf> (дата обращения: 22.12.21)
3. Bradbury Ray. Fahrenheit 451. [электронный ресурс]. – URL: <https://www.fsusd.org/cms/lib03/CA01001943/Centricity/Domain/2034/Fahrenheit%20451.pdf> (дата обращения: 07.11.19)
4. Collins Suzanne. Catching Fire. [электронный ресурс]. – URL: <https://spensabayalibrary.files.wordpress.com/2016/04/suzanne-collins-catching-fire.pdf> (дата обращения: 22.12.21)
5. Collins Suzanne. The Mockingjay. [электронный ресурс]. – URL: <http://www.kkoworld.com/kkitablar/suzanna-kollinz-acliq-oyunlari-3-hisse-eng.pdf> (дата обращения: 22.12.21)
6. Dick Phillip K. Do Androids Dream od Electric Sheep? [электронный ресурс]. – URL: https://files.cercomp.ufg.br/weby/up/410/o/Phillip_K._Dick_-_Do_Androids_Dream_of_Electric_Sheep_c%C3%B3pia.pdf (дата обращения: 22.12.21)
7. Huxley Aldous. Brave New World. [электронный ресурс]. – URL: <https://www.energyandstuff.org/sites/default/files/media/ebook/BraveNewWorld.pdf> (дата обращения: 07.11.19)
8. Ishiguro Kazuo. Never Let Me Go. [электронный ресурс]. – URL: <https://www.swgs.wilts.sch.uk/wp-content/uploads/2021/05/Never-Let-Me-Go-by-Kazuo-Ishiguro.pdf> (дата обращения: 22.12.21)
9. Lowry Lois. The Giver. [электронный ресурс]. – URL: <https://ia601208.us.archive.org/26/items/TheGiverFullBook/The%20Giver%20%28Full%20Book%29.pdf> (дата обращения: 22.12.21)

10. Orwell George. 1984. [электронный ресурс]. – URL: <https://www.planetebook.com/free-ebooks/1984.pdf> (дата обращения: 07.11.19)

11. Rand Аyan. Atlas Shrugged. [электронный ресурс]. – URL: <https://antilogicalism.com/wp-content/uploads/2017/07/atlas-shrugged.pdf> (дата обращения: 22.12.21)

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

1. Краткий энциклопедический словарь философских терминов (КЭСФТ) [Текст] / П. В. Кекель. – Минск: БГПУ, 2006. – 266 с
2. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) [электронный ресурс] – URL: <http://tapemark.narod.ru/les/> (дата обращения: 10.10.2022)
3. Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики. – М.: Прогресс, 1978. – 480 с.
4. Новая философская энциклопедия: в 4 т. (НФЭ) [Текст] / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-научн. фонд; под ред. В.С. Степина. – М.: Мысль, 2001. – 634 с.
5. Словарь литературоведческих терминов [электронный ресурс] – URL: <https://slovar.cc/lit/term/2145053.html> (дата обращения: 21.01.2020)
6. Энциклопедия эпистемологии и философии науки (ЭЭФН) [Текст] / Сост. и общ. ред. И.Т. Касавин. – М.: «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.
7. Collins Online Dictionary [электронный ресурс] – URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/joy> (дата обращения: 05.01.2018)
8. Dictionary by Merriam-Webster [электронный ресурс] – URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 01.01.2018)